

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО

«Алтайский государственный университет»

Главный редактор: П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астана)

М. Гантуяя, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смолари, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

Н. Н. Крадин, доктор исторических наук, академик РАН (Россия, Владивосток)

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрыникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

*Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.
Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

О. М. Хомушику, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Симдиков, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук (Россия, Москва)

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

The journal was founded in 2007
by the Altay State University

Executive Editor:

P.K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmanova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy,
Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial Team:

N. N. Kradin, doctor of historical sciences,
Academician of the RAS (Russia, Vladivostok)
S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabyako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia,
Omsk)
A. V. Poyakov, doctor of historical sciences (Russia,
Saint-Petersburg)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312, Altai State University,
Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia,
Tomsk)

A. G. Sitiakov, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia,
St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia,
Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Соловьевников К. Н., Алексеева Е. А., Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Куфтерин В. В., Рыкун М. П., Слепцова А. В. Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье	7
Федорук О. А. Мужские погребения с украшениями Андроновской (Федоровской) культуры (степной и лесостепной Алтай)	32
Гурзуев Д. А., Ерикова О. В., Жу Ч. Проблемы выделения и абсолютного датирования мезолитических комплексов в Нижнем Приангарье	46
Стоякин М. А. Стремена Когурё на севере Корейского полуострова и Маньчжурии: тупик или эволюция?	64

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ягафова Е. А., Роговой А. С. Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники»)	91
Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Орлова И. В. Инфекционные заболевания коренных народов восточной Сибири в конце XVIII — начале XX в.: источники распространения и основные меры борьбы	107
Мучаева И. И., Лиджиева И. В. Кочевые инородцы на коронациях российских монархов в последней трети XIX в.: дары как свидетельства верноподданства	128

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Православные общины Западной Сибири в условиях антирелигиозной политики Н. С. Хрущева	146
Жанбасинова А. С., Лысенко Ю. А., Омирова Ж. О., Омарканова А. О. Исламский фактор в содержании повстанческого движения казахского аула конца 1920 — начала 1930-х гг.	166
Ахатов А. Т., Тузбеков А. И. Культ священной горы — Аулия Тау на Южном Урале: традиции и новации (по материалам экспедиционного выезда в Кугарчинский район республики Башкортостан в 2023 г.)	186

ДЛЯ АВТОРОВ 204

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Solodovnikov K. N., Alekseeva E. A., Borodaev V. B., Kiryushin K. Yu., Kufterin V. V., Rykun M. P., Sleptsova A. V.</i> An integrated study of the neolithic child skeleton from Ust-Aleika-5 Burial Ground, Barnaul Ob region.....	7
<i>Fedoruk O. A.</i> Male burials with juverly of the Andronovo (Fedorovo) culture (steppe and forest-steppe Altai)	32
<i>Gurulev D. A., Ershova O. V., Zhu Z.</i> Issues of identification and radiocarbon dating of Mesolithic complexes in the Lower Angara region.....	46
<i>Stoyakin M. A.</i> Koguryo stirrups in the north region of the Korean Peninsula and Manchuria: deadlock or evolution?.....	64

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Iagafova E. A., Rogovoy A. S.</i> Ethnic vs local identity of the Chuvash cyberspace (based on materials of social networks VKontakte and Odnoklassniki)	91
<i>Dameshek L. M., Dameshek I. L., Orlova I. V.</i> Infectious diseases of indigenous peoples of Eastern Siberia in the 19th-early 20th centuries: sources of spread and main control measures	107
<i>Muchaeva I. I., lidzhieva I. V.</i> Nomadic foreigners at the coronations of Russian monarchs in the last third of the 19th century: gifts as evidence of loyalty	128

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

FOR AUTHORS

<i>Dashkovskiy P. K., Ziebert N. P.</i> Orthodox communities of Western Siberia under N. S. Khrushchev's anti-religious policy.....	146
<i>Zhanbossinova A. S., Lysenko Yu. A., Omurova Zh. O., Omarkanova A. O.</i> The Islamic factor in the rebellion movement of the Kazakh aul at the end of the 1920s-early 1930s.....	166
<i>Ahatov A. T., Tuzbekov A. I.</i> Cult of the Auliya tau, sacred mountain in the Southern Ural: traditions and innovations (based on the expedition to Kugarchinsky district of the Republic of Bashkortostan in 2023)	186
FOR AUTHORS.....	204

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ

И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.5/572.7

DOI 10.14258/nreur(2024)3-01

К. Н. Солодовников

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень (Россия)

Е. А. Алексеева

Тюмень (Россия)

В. Б. Бородаев

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

К. Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

В. В. Куфтерин

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва (Россия)

М. П. Рыкун

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск (Россия)

А. В. Слепцова

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень (Россия)

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СКЕЛЕТА РЕБЕНКА ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ
УСТЬ-АЛЕЙКА-5 В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ**

Представлены результаты исследования детского скелета из неолитического погребения 2 могильника Усть-Алейка-5 в Верхнем Приобье. Биологический возраст смерти ребенка определяется в два года ± 8 месяцев. Череп характеризуется макроцефалией и открытым передним родничком крупных для данного возраста размеров. Наиболее вероятной причиной макроцефалии в рассматриваемом случае является одна из форм гидроцефалии, однако однозначный палеопатологический диагноз установить проблематично. Остеометрические характеристики костей посткраниального скелета скорее смещены к нижним пределам доверительного интервала данного зубного возраста. Ряд остеометрических показателей может свидетельствовать о гетерохронии биологического развития, возможно, обусловленной патологическим состоянием. По черепу ребенка из Усть-Алейки-5 выполнена графическая антропологическая реконструкция. Результаты краниологического анализа и реконструированные «взрослые» размеры черепа предполагают мужскую половую принадлежность индивида раннего детского возраста. На основании как краниометрических, так и одонтологических характеристик можно утверждать о принадлежности погребённого к антропологическому пласту автохтонного населения центральных регионов Евразии, представленного, в частности, краниологическими сериями неолита-энеолита из могильников Среднего Прииртышья, Барнаульско-Бийского и Новосибирско-Каменского Приобья, Барабинской лесостепи, а также Приаралья. Одонтологический анализ выявляет сходство индивида из Усть-Алейки-5 с неолитическими популяциями юга Западной Сибири из могильников Барабы и предгорных районов Алтая-Саян. Результаты анализа одонтологических признаков дают возможность полагать, что в их составе сохранились характеристики более древнего, чем неолитическое, населения юга Западной Сибири, характеризовавшегося смягченной выраженностью «восточных» признаков, и длительным сохранением архаичных особенностей.

Ключевые слова: Западная Сибирь, неолит Верхнего Приобья, палеоантропология, палеопатология, краниометрия, остеометрия, одонтология, реконструкция лица по черепу

Цитирование статьи:

Соловьевников К. Н., Алексеева Е. А., Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Куфтерин В. В., Рыкун М. П., Слепцова А. В. Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 7–31. DOI 10.14258/nreur(2024)3–01.

K. N. Solodovnikov

Tyumen Scientific Centre Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
Tyumen (Russia)

E. A. Alekseeva

Tyumen (Russia)

V. B. Borodaev

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

K. Y. Kiryushin

Altai State University, Barnaul (Russia)

V. V. Kufferin

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

M. P. Rykun

National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia)

A. V. Sleptsova

Tyumen Scientific Centre Siberian Branch Russian Academy of Sciences, Tyumen (Russia)

**AN INTEGRATED STUDY OF THE NEOLITHIC CHILD SKELETON
FROM UST-ALEIKA-5 BURIAL GROUND,
BARNaul OB REGION**

This article presents the results of an integrated study of a child skeleton from Neolithic grave no. 2 at the Ust-Aleika-5 burial ground in the Upper Ob region. The estimated skeletal age at death is approximately 2 years ± 8 months. Notably, the cranium exhibits macrocephaly and an unusually large open anterior fontanel for this age group. The likely cause of the macrocephaly appears to be a form of hydrocephalus, although a precise paleopathological diagnosis remains challenging.

The osteometric measurements of the clavicles, scapulae, pelvis, and long bones generally align with the lower limit of the confidence interval for the dental age. Some postcranial dimensions suggest heterochronic biological development, potentially linked to the observed pathological condition. A 2D facial reconstruction was created based on the analyzed cranium, and cranial metric analysis, together with the dimensions of the reconstructed «adult» skull, indicates a probable male sex for the child skeleton.

Craniometric and dental non-metric traits suggest that the Ust-Aleika-5 individual is closely related to the autochthonous populations of central Eurasia, particularly those represented by Neolithic-Eneolithic cranial samples from regions such as the Middle Irtysh, Barnaul-Biysk, the Novosibirsk-Kamen Ob basin, and the Barabinsk forest-steppe, as well as the Aral Sea

region. Additionally, dental anthropological analysis indicates a proximity between the Ust-Aleika-5 individual and the Neolithic populations of southern Western Siberia, specifically from the Baraba burial grounds and the foothills of the Altai-Sayan region. This analysis suggests that these populations retained characteristics of an earlier population predating the Neolithic era in southern Western Siberia, marked by a mild expression of «eastern» non-metric dental traits and the enduring presence of archaic features.

Keywords: Western Siberia, Neolithic Upper Ob region, bioarchaeology, paleopathology, craniometry, osteometry, dental anthropology, forensic facial reconstruction

For citation:

Solodovnikov K. N., Alekseeva E. A., Borodaev V. B., Kiryushin K. Yu., Kufterin V. V., Rykun M. P., Sleptsova A. V. An integrated study of the Neolithic child skeleton from Ust-Aleika-5 burial ground, Barnaul Ob region. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No 3. P. 7–31 (in Russian) DOI 10.14258/nreur(2024)3–01.

Солодовников Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора физической антропологии Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень (Россия). Адрес для контактов: solodk@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>

Алексеева Елена Алексеевна, независимый исследователь; Тюмень (Россия). Адрес для контактов: alekseeva.elena.ae@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2936-2956>

Бородаев Вадим Борисович, ведущий специалист научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогический университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: borodaev_vb@altspu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9543-0596>

Кириюшин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Института географии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: kirill-kirushin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

Куфтерин Владимир Владимирович, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: vladimir.kufterin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>

Рыкун Марина Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск (Россия). Адрес для контактов: m_rykun@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>

Слепцова Анастасия Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора физической антропологии Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень (Россия). Адрес для контактов: sleptsova_1993@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Solodovnikov Konstantin Nikolaevich, candidate of historical Sciences, senior researcher of the sector of physical anthropology of the Tyumen scientific Centre SB RAS, Tyumen (Russia). **Contact address:** solodk@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>

Alekseeva Elena Alekseevna, independent researcher, Tyumen (Russia). **Contact address:** alekseeva.elena.ae@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2936-2956>

Borodaev Vadim Borisovich, leading specialist of the scientific research laboratory «Istoricheskoye krayevedeniye» of the Altai state pedagogical university, Barnaul (Russia).

Contact address: borodaev_vb@altspu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9543-0596>

Kiryushin Kirill Yuryevich, candidate of historical Sciences, docent of the Department of recreational geography, service, tourism and hospitality of the Institute of geography of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** kirill-kirushin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

Kufterin Vladimir Vladimirovich, doctor of biological Sciences, leading researcher of the Center of anthropoecology of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow (Russia). **Contact address:** vladimir.kufterin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>

Ry kun Marina Petrovna, candidate of historical Sciences, docent of the Department of anthropology and ethnology of the Faculty of historical and political sciences of the National research Tomsk state university, Tomsk (Russia). **Contact address:** m_rykun@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>

Sleptsova Anastasia Viktorovna, candidate of historical Sciences, researcher of the sector of physical anthropology of the Tyumen scientific Centre SB RAS, Tyumen (Russia).

Contact address: sleptsova_1993@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5791-248X>

Введение

Вопросы изучения антропологического состава неолитического населения юга Западной Сибири вызывают дискуссии, которые возобновляются по мере появления новых палеоантропологических данных [Чикишева, 2012; Багашёв, 2017; Солодовников, Багашев, Савенкова, 2020; Чикишева, Поздняков, 2021; Козинцев, 2021]. Исследованием крацинологических [Чикишева, 2012; Солодовников и др., 2019] и одонтологических [Чикишева, 2012; Зубова, Чикишева, 2015а] материалов установлена антропологическая многокомпонентность неолитического населения юга Западной Сибири. Однако происхождение выделяемых компонентов и их таксономический статус являются дискуссионными. Несмотря на развитие палеопатологических и палеоауксологических методик древнейшие группы по региону практически не представлены соответствующими данными. В исследовании этих и других проблем важны новые, в том числе и единичные материалы.

В 1982 г. в процессе изучения могильника монгольского времени Усть-Алейка-5 в Верхнем Приобье (Калманский район Алтайского края) обнаружено и исследовано неолитическое погребение № 2 — одиночное вертикальное захоронение ребенка раннего детского возраста с многочисленным сопроводительным инвентарем. Глубина могилы 0,6–0,7 м в материке, диаметр около 0,3 м. Лицом ребёнок ориентирован на юго-во-

сток. В могиле обнаружены разнообразные каменные артефакты, в том числе бифасы, орудия на плитках окремненного сланца, топор с подшлифовкой, наконечники стрел и некоторые другие изделия из камня. Многочисленна коллекция найденных в данном погребении украшений из раковин моллюсков, рога, кости и зубов млекопитающих. Не имеют прямых аналогов в синхронных памятниках региона 124 перламутровые подвески линзовидной формы, изготовленные из раковин двустворчатых моллюсков рода *Unio*, которым посвящена отдельная публикация [Бородаев и др., 2022]. Две калиброванные радиоуглеродные AMS-даты по наложению интервалов календарного возраста датируют погребение периода неолита из могильника Усть-Алейка-5 второй половиной V тыс. до н. э. [Бородаев и др., 2022: 54–55].

Материалы и методы

Антropологические материалы из погребения 2 могильника Усть-Алейка-5 исследовались в 1980-е гг. на кафедре анатомии Алтайского медицинского института (изучение посткраниального скелета осуществил А. И. Стерлин) и в кабинете антропологии (КА) Томского госуниверситета (фрагменты черепа, определения В. А. Дрёмова). Возраст индивида был определен А. И. Стерлиным в интервале 1 год 6 мес. — один год восемь месяцев при реконструированной длине тела 80 ± 2 см, а В. А. Дрёмовым — в два-три года. В настоящее время все части почти полного скелета ребенка (отсутствует базилярная часть затылочной кости, правая лобковая кость, часть позвонков и ребер, а также некоторые эпифизы и мелкие кости кистей и стоп) хранятся в КА ТГУ (инв. № 3305). В процессе исследований выполнена реставрация черепа, крациометрическое и остеологическое обследование находки, описание ее одонтологических особенностей, выполнена реконструкция прижизненного облика.

Возраст индивида определен на основании схемы развития молочных и постоянных зубов [Ubelaker, 1989]. Посткраниальные измерения проведены согласно остеометрическому протоколу для палеоауксологических исследований [Карапетян, Куфтерин, 2020]. Дополнительно проведено измерение наименьшей окружности малоберцовых костей (аналог Март. 4а), а ширина верхнего метафиза плечевой измерена не строго перпендикулярно горизонтальной оси, как предлагается авторами программы [Карапетян, Куфтерин, 2020: 85], а в двух плоскостях (фактически наименьшая и наибольшая ширина верхнего метафиза). Поскольку последний размер является аналогом Март. 3 у взрослых (ширина верхнего эпифиза плечевой кости), величина которого определяется проекционно [Алексеев, 1966: 75–76], такое усовершенствование выглядит оправданным, так как позволяет корректнее измерять ширину метафиза в случаях, когда точки, между которыми определяется размер, расположены в плоскости не строго перпендикулярной телу кости.

Череп ребенка из Усть-Алейки-5 реставрирован из фрагментов, недостающие части воссозданы воско-канифильной мастикой, исследован по стандартной крациометрической программе [Алексеев, Дебец, 1964]. Измерения детского черепа трансформированы в условно «взрослые» величины на основе использования данных Н. С. Сысака [Сысак, 1960] и Н. Д. Довгялло [Довгялло, 1937]. Как отмечается специалистами, привлечение детских костяков для морфологических описаний в палеоантропологии крайне редко и нетрадиционно. Между тем детские черепа являются вполне опреде-

ленными носителями конкретных расовых черт, иногда даже в пределах расовых комплексов второго порядка [Хохлов, 2010; Худавердян и др., 2017]. Поэтому при анализе краниологических признаков мы воспользовались методикой реконструкции «взрослых» размеров детских черепов путем пересчета размеров на дефинитивные, т. е. такие, которые черепа должны приобрести по окончании роста. Данная методика давно используется в отечественной антропологии, подробно описана в работах В. П. Алексеева [Алексеев, 1978: 54–55, 176–177], Л. Т. Яблонского [Яблонский, 1977; 1994] и применяется до последнего времени [Хохлов, 1996: 134–136; 2010; Худавердян и др., 2017]. Онтогенетические аллометрические траектории и моделирование развития для определения специфики паттернов роста и визуализации потенциальных форм взрослых индивидов используются и на основе методов геометрической морфометрии (напр.: [Freidline et al., 2013; Schuh et al., 2019; Brachetta-Aporta, Gonzalez, Bernal, 2021]). С учетом интервала оценки биологического возраста ребенка из погребения Усть-Алейки-5 на основании характеристик зубной зрелости и остеометрических данных для вычисления коэффициентов увеличения краниометрических данных суммированы показатели детей второго года [Довгялло, 1937: табл. 3] и третьего года жизни (интервал два-три года у Н. С. Сысака) [Довгялло, 1937: табл. 3; Сысак, 1960: 37–39]. Межгрупповой сравнительный анализ краниологических серий выполнялся при помощи канонического анализа (программа Ю. К. Чистова). Матрица расстояний D^2 подвергалась кластеризации методом Уорда.

На основе методики М. М. Герасимова [Герасимов, 1949; 1955] с модификациями [Лебединская, 1998; Никитин, 2009] проведена реконструкция портрета ребенка из Усть-Алейки-5. На полученные с помощью антропологической фотографии [Лейбова, Лейбов, 2022] анфас и в профильной норме контуры нанесены маркеры толщин мягких тканей и выполнена графическая прорисовка.

Молочные зубы и закладки постоянных зубов верхней и нижней челюстей обследованы по расширенной одонтологической программе, включающей в себя учет стандартного набора признаков, предложенного А. А. Зубовым [Зубов, 1968; 2006], и признаков, маркирующих архаичную составляющую в составе населения Северной Евразии [Зубова, 2013].

Оценка возраста, описание и диагностика патологических изменений

Возраст смерти ребенка на основании размеров закладок коронок зубов и степени сформированности их корней [Ubelaker, 1989: 71] определен в два года \pm 8 месяцев. Возможной причиной некоторого завышения возрастной оценки В. А. Дрёмовым (ближе к верхним границам доверительного интервала) может быть патологический статус погребенного и, возможно, связанная с этим гетерохрония биологического развития ребёнка.

В процессе исследования привлекли внимание две особенности: открытый передний родничок крупных размеров и очень большая величина нейрокраниума при нормальных для данного возраста параметрах лицевого скелета (рис. 1.-1–3). Величина горизонтальной окружности при измерении через гlabelлу составляет 463 мм. Это на 1 мм меньше средней величины того же параметра у современных детей четырех-пяти лет [Сысак, 1960: 37]. Горизонтальная окружность на черепах двух-трехлетних детей на 25–

27 мм меньше, чем на исследуемом черепе [Сысак, 1960: 37; Довгялло, 1937: табл. 3]. Абсолютные размеры переднего родничка (3,15 см), напротив, находятся в интервале средних значений у здоровых 3–6-месячных мальчиков и 1–3-месячных девочек [Esmaeili et al., 2015: 20–23]. Средняя площадь поверхности переднего родничка на черепе из Усть-Алейки составляет 462 мм^2 , что ниже нормального медианного значения у 7–9-месячных детей (472 мм^2) и на 315 мм^2 больше максимального у 22–24-месячных ($147,3 \text{ мм}^2$) [Pindrik et al., 2014: 1153]. Несоответствия между состоянием родничка и размерами нейрокраниума, с одной стороны, а также возрастом ребенка — с другой, позволяют констатировать их патологическую природу.

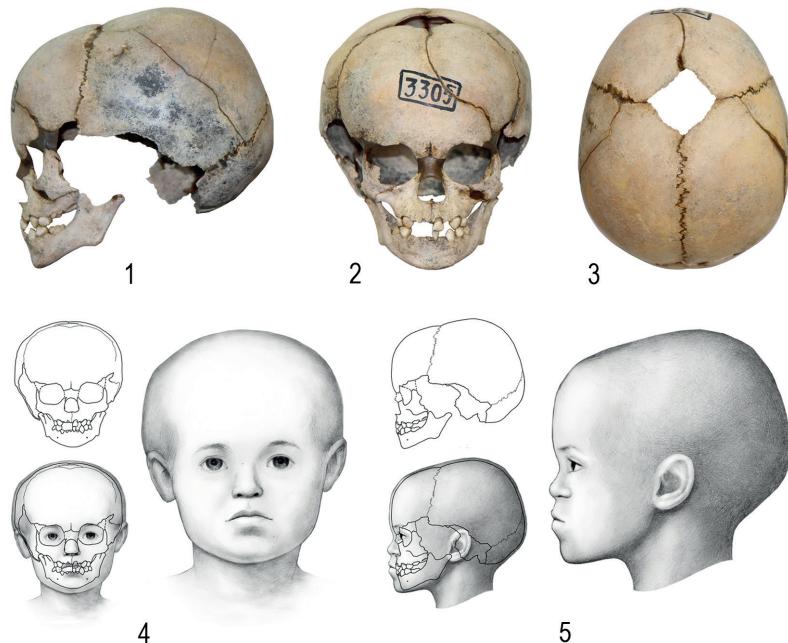

Рис. 1. Череп ребенка из Усть-Алейки-5: 1 – вид сбоку; 2 – вид спереди; 3 – вид сверху; 4 – графическая реконструкция анфас; 5 – графическая реконструкция профиль

Fig. 1. The Ust-Aleika-5 child cranium: 1 – anterior; 2 – left lateral; and 3 – superior views; 4 – 2D facial reconstruction in anterior; and 5 – left lateral views

Наиболее частой причиной макроцефалии у детей является гидроцефалия (избыточное скопление цереброспинальной жидкости в желудочковой системе головного мозга) [Glass et al., 2004: 512]. Нарушения роста черепа диагностируются путем сравнения полученных метрических характеристик (в частности, максимальной окружности) с данными референтных выборок [Waldron, 2009: 208–209]. Среди других диагностических критериев гидроцефалии: асимметрия и истончение костей черепного свода, усложнение эндокраниального рельефа, большие размеры родничков, частое наличие ворниевых костей в открытых черепных швах, атрофия надглазничного края, уплощение базикраниума и др. [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998: 57; Lewis, 2018:

27]. Дифференциальная диагностика предполагаемого случая гидроцефалии у ребенка из Усть-Алейки-5 с учетом наиболее детально разработанных критериев [Richards, Anton, 1991] представлена в таблице 1.

Таблица 1
Дифференциальная диагностика предполагаемого случая гидроцефалии
Table 1
Differential osteological diagnosis of probable hydrocephalus

Критерий*	Усть-Алейка-5	СГЦФ**	ОГЦФ	САК	СДУ	АС
Форма свода						
А. Общая	Равномерно расширена	Да	Да	Да/нет	Нет	Да
В. Сверху	Пятиугольная	Нет (?)	Нет (?)	Да/нет	Нет	Нет (?)
С. Сбоку	Расширена	Нет	Нет	Да/нет	Да (?)	Да
Область астериона	В норме или несколько увеличена	Нет	Да (?)	?	Да (?)	Да (?)
Положение иниона	В норме	Да	Да	Да	Да	Нет
Черепные швы						
А. Метопический	Полностью закрыт	Нет	Нет (?)	?	?	?
В. Венечный	Открыт	Да	Да	?	?	?
С. Сагиттальный	Открыт	Да	Да (?)	?	?	?
Д. Ламбдовидный	Открыт	Да	Да	?	?	?
Е. Мендозный	Закрыт	Нет	Да	?	?	?
Роднички						
А. Передний	Увеличен	Да	Да	?	Нет	Да
В. Задний	Закрыт (?)	Нет	Да (?)	?	Нет	Да (?)
Задняя черепная ямка	Возможно, была несколько увеличена относительно передней и средней ямок (?)	Да	Да (?)	Нет	Да	Нет
Рельеф эндокрана						
А. Сосуды	Неглубокие отпечатки (?)	Да	Нет	?	?	Нет
В. Борозды и извилины	Неглубокие отпечатки (?)	Да	Нет	?	?	Нет

* Диагностические критерии приводятся по Г. Ричардсу и С. Энтон с изменениями [Richards, Anton, 1991, p. 195].

** СГЦФ — сообщающаяся гидроцефалия; ОЦГФ — обструктивная (несообщающаяся) гидроцефалия; САК — мальформация (синдром) Арнольда — Киари; СДУ — синдром Денди — Уокера; АС — акведуктальный стеноз.

Учитывая увеличенные размеры родничка, с наименьшей вероятностью можно предполагать синдром Денди — Уокера, а нормальное относительно франкфуртской горизонтали положение наружного затылочного выступа у ребенка из Усть-Алейки-5 свидетельствует скорее против акведуктального стеноза (сужения водопрово-

да мозга). Учитывая сложность дифференциации, а также отсутствие характерного «нависания» лобных костей в латеральной норме, корректнее вести речь о макроцефалии неизвестной природы [Mann, Hunt, 2012: 63]. Отметим, что величина горизонтальной окружности на макроцефальном черепе из Усть-Алейки-5 на 19 мм меньше, чем максимальная окружность черепа ребенка 1,5–2 лет с диагностированной сообщающейся гидроцефалией из погребения XIV–XVIII вв. в Жумбераке (Хорватия) [Bedić et al., 2019: 6].

Остеометрическое исследование

Остеометрические характеристики посткраниальных элементов представлены в таблице 2 (не подлежащие измерению признаки не приводятся). Длина левой ключицы попадает в диапазон изменчивости показателя у 12–18-месячных детей, соответствующий максимальному значению признака у 7–12-месячных и превышая минимальное — у двух-трехлетних [Black, Scheuer, 1996: 427]. Регрессионные уравнения для высоты (длины) и ширины левой лопатки дают возрастную оценку 3,6–3,9 лет [Risseech, Black, 2007: 458], что представляется заметно завышенной величиной на данный зубной возраст. Длина диафизов плечевых костей приблизительно соответствует величине 10-го перцентиля у современных полуторагодовых американских мальчиков по данным рентгенографического обследования [Schaefer, Black, Scheuer, 2009: 174]. Длины диафизов костей предплечья соответствуют или несколько превышают величины 10-го перцентиля современных детей этого же возраста [Schaefer, Black, Scheuer, 2009: 191, 207]. Длина диафиза лучевых костей больше средних величин у современных годовалых и меньше, чем у полуторагодовых детей согласно результатам другого рентгенологического исследования [Gindhart, 1973: 43]. Наибольшая длина правой подвздошной кости превышает верхнюю границу размаха изменчивости у 1,5–2-летних, а ширина не достигает его нижней границы у двух-трехлетних детей XVIII–XIX вв. [Molleson, Cox, 1993] (цит. по: [Schaefer, Black, Scheuer, 2009: 242]). Наибольшие длины диафизов бедра находятся в области значений 90-го перцентиля современных годовалых американских детей [Schaefer, Black, Scheuer, 2009: 267]. То же касается длин диафизов большеберцовой кости [Schaefer, Black, Scheuer, 2009: 286], которые оказываются даже ниже средних величин у годовалых девочек и мальчиков по другим данным [Gindhart, 1973: 42]. Длина малоберцовых костей соответствует величине 90-го перцентиля современных годовалых мальчиков и слегка превышает величину 10-го перцентиля современных полуторагодовых девочек [Schaefer, Black, Scheuer, 2009: 302].

Таким образом, при сопоставлении с современными материалами длинные кости нижних конечностей у индивида из Усть-Алейки-5 демонстрируют некоторое замедление роста относительно верхних. С учетом остеометрических характеристик возраст индивида скорее может быть определен в пределах нижней половины доверительного интервала установленного зубного возраста. Длина тела ребенка при экстраполяции формул Ж. Оливье и Л. Пино для плодов на более старшие возрасты [Алексеев, 1966: 218] могла составлять величину от $85 \pm 3,6$ см (локтевая кость) до $93 \pm 3,6$ см (бедренная кость).

Таблица 2
Остеометрическая характеристика костей посткраниального скелета
Table 2
Postcranial dimensions

Признак	Правая	Левая
Ключица		
Наибольшая длина	—	60,6
Окружность	17,0	18,0
Лопатка		
Ширина (↔)	—	43,7
Высота (↓)	—	61,9
Плечевая кость		
Наибольшая длина без эпифизов	111,5	111,2
Ширина верхнего метафиза (наименьшая)	17,0	17,4
Ширина верхнего метафиза (наибольшая)	22,8	22,0
Ширина нижнего метафиза	27,6	28,0
Окружность середины диафиза	34,0	33,0
Наименьшая окружность диафиза	32,0	32,0
Лучевая кость		
Наибольшая длина без эпифизов	86,1	85,4
Ширина нижнего метафиза	15,6	16,0
Наименьшая окружность диафиза	20,0	19,0
Локтевая кость		
Наибольшая длина без эпифизов	98,4	98,3
Наименьшая окружность диафиза	19,0	19,0
Подвздошная кость		
Наибольшая длина (↔)	57,7 (?)	—
Наибольшая ширина (↓)	49,8	—
Седалищная кость		
Наибольшая длина (↓)	34,0	33,8
Наибольшая ширина (↔)	24,0	24,0
Бедренная кость		
Наибольшая длина без эпифизов	141,0	139,0
Ширина нижнего метафиза	36,7	37,0
Окружность середины диафиза	36,0	36,0
Большеберцовая кость		
Наибольшая длина без эпифизов	114,0 (?)	115,0
Наибольшая ширина верхнего метафиза	29,5	30,0
Наибольшая ширина нижнего метафиза	18,4	18,5
Наименьшая окружность диафиза	33,0	33,0
Малоберцовая кость		
Наибольшая длина без эпифизов	114,0	114,0
Наименьшая окружность диафиза	17,0	16,0

Сравнительные данные для характеристики вариабельности поперечных и обхватных размеров единичны. Можно лишь отметить, что величины окружности середины диафиза плечевой кости у индивида из Усть-Алейки-5 идентичны таковым у детей раннего возраста (1,5–3 года) из средне- и поздненеолитических слоев стоянки Сахтыш-Па [Федосова, 1997: 71]. Обхват диафиза лучевой кости меньше величины этого признака (21 мм) у ребенка 1,5–2 лет из льяловского погребения 59 этого же памятника [Федосова, 1997: табл. 21].

Краниологический анализ

В таблице 3 представлены измерительные характеристики черепа (отсутствующие признаки не приводятся), вычисленные коэффициенты увеличения и реконструированные «взрослые» размеры. Последние характеризуют череп из Усть-Алейки-5 в соответствии с его патологическим статусом как обладающий очень длинной и очень широкой мозговой капсулой очень большой окружности [Алексеев, Дебец, 1964: табл. 6, 10]. Для «восстановленных» размеров по рубрикациям мужских и женских категорий череп долихо-мезокранный по поперечно-продольному указателю, лоб средней ширины на уровне фрonto-темпоральных точек и широкий на уровне коронарного шва, относительно узкий, затылок среднеширокий. Исходя из мужских категорий размеров лицо среднеширокое, верхняя высота его малая, полная — средняя. Для женских черепов лицевой отдел очень широкий и средневысокий. Безотносительно к возможной половой принадлежности альвеолярная дуга очень длинная и относительно узкая, нёбо очень широкое, орбиты неширокие, абсолютно и относительно очень низкие. Носовой отдел детского черепа с довольно выступающей передненосовой остью (3 балла), для взрослых категорий характеризуется небольшими размерами и средними пропорциями (женщины) или относительно большой его шириной (мужчины). Большинство «взрослых» размеров нижней челюсти малые для мужских черепов и средние для женских. Лицевой отдел характеризуется средней горизонтальной профилировкой на назо-малярном уровне и значительной на зиго-максиллярном [Алексеев, Дебец, 1964: табл. 4–11]. Обращает на себя внимание сочетание среднешироких, абсолютно и относительно высоких носовых костей и малого угла выступания носа к лицевому профилю и в мужских, и в женских категориях размеров. Отчасти это может объясняться тем, что соответствующие (и тем более «восстановленные») размеры взяты по реставрированным элементам (рис. 1.-1–2). Однако в данном случае важны не только абсолютные значения соответствующих размеров и указателей, но их соотношения. Графический портрет ребенка из неолитического погребения позволяет составить впечатление о его внешнем облике и особенностях (рис. 1.-4–5).

В целом, краниум из Усть-Алейки-5 характеризуется крупными основными горизонтальными диаметрами, очевидно, обусловленными имеющимися патологическими изменениями. Вместе со среднешироким лбом и относительно широким невысоким лицевым отделом сочетание умеренной горизонтальной профилировки лица с относительно высоким переносцем и слабым выступанием носа на исследуемом черепе заставляет обратиться к краниологическим материалам популяций западно-сибирской расы [Багашёв, 2017], для которых такое нарушение корреляции признаков является типологической характеристикой. Сходная комбинация фиксируется на черепах из лесостепи

Западной Сибири, по крайней мере, с периода неолита-энеолита [Багашёв, 2017; Чикишева, 2012; Солодовников, Багашев, Савенкова, 2020].

Таблица 3

Краниометрическая характеристика

Table 3

Cranial and mandibular dimensions

Признак	Подлинные размеры	Коэффициент увеличения	«Взрослые» размеры
1. Продольный диаметр	162	1,198	194,1
8. Поперечный диаметр	134	1,111	148,9
8:1. Черепной указатель	82,7		76,7
9. Наименьшая ширина лба*	80,5(??)	1,197	96,3
Sub. 9. Высота поперечного изгиба лба	18,1(?)		
∠ ПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	131,6(?)		
9:8. Лобно-поперечный указатель	60,1		64,7
10. Наибольшая ширина лба	110	1,129	124,1
9:10. Лобный указатель	73,2(?)		77,6
12. Ширина затылка	96	1,117	107,3
23. Горизонтальная окружность через <i>g</i>	463	1,165	539,3
48. Верхняя высота лица	41(??)	1,615	66,2
47. Полная высота лица*	71(??)	1,639	116,4
43. Верхняя ширина лица*	82(?)	1,312	107,6
46. Средняя ширина лица*	69	1,440	99,4
60. Длина альвеолярной дуги*	40	1,644	65,8
61. Ширина альвеолярной дуги*	49	1,303	63,9
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	122,5		97,1
63. Ширина нёба	33,7(?)	1,368	46,1
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> *	32,4(?)	1,242	40,2
52. Высота орбиты	24,5(??)	1,147	28,1
52:51. Орбитный указатель от <i>mf</i>	75,6(?)		69,9
55. Высота носа	28,5(??)	1,605	45,7
54. Ширина носа	16,5	1,434	23,7
54:55. Носовой указатель	57,9(?)		51,9
SC. Симотическая ширина*	8,3(??)	1,127	9,35
SS. Симотическая высота*	3,1(??)	2,100	6,51
SS: SC. Симотический указатель	37,3(?)		69,6
MC. Максиллофронтальная ширина	17,5(??)		
MS. Максиллофронтальная высота	5,9(??)		
MS: MC. Максиллофронтальный указатель	33,7(?)		
FC. Глубина клыковой ямки	1,5		

Окончание таблицы 3

Hz. Высота изгиба скуловой кости	6,4		
Bz. Ширина скуловой кости	33,3		
Ihz. Указатель изгиба скуловой кости	19,2		
43 (1). Биорбитальная ширина*	77,9	1,243	96,8
IOW sub. Высота назиона	14,3(?)		
77. Назо-маярный угол*	139,7(?)	1,019	142,3
Zm'–Zm': Зигомаксиллярная ширина	66,9		
Выс. ss. Высота субспинале	18,0		
∠ Zm'. Зиго-максиллярный угол*	123,4	1,038	128,2
75 (1). Угол выступания носа*	15(?)	1,315	19,7
68. Длина нижней челюсти от углов*	43	1,642	70,6
70. Высота ветви нижней челюсти*	33	1,857	61,3
71а. Наименьшая ширина ветви*	21,8	1,468	32,0
65. Мыщелковая ширина*	83	1,390	115,4
66. Угловая ширина	66	1,457	96,2
67. Передняя ширина*	34,0	1,306	44,4
69. Высота симфиза*	22,2	1,559	34,6
69 (1). Высота тела нижней челюсти*	18,9	1,934	36,6
69 (3). Толщина тела нижней челюсти*	10,0	1,119	11,2

* Размеры взяты только по Н.С. Сысаку [1960].

Более объективно оценить морфологические особенности находки из Усть-Алейки-5 позволяет межгрупповое статистические сравнение. Поскольку половая принадлежность исследуемого черепа не ясна, для анализа использованы одновременно мужские и женские краинологические серии мезолита, неолита и энеолита центральных регионов севера Евразии, данные о которых приводятся в работе [Солодовников и др., 2019: табл. 4]. По результатам канонического анализа с использованием «восстановленных» значений 13-ти имеющихся на черепе из Усть-Алейки-5 признаков¹, первый канонический вектор (КВ I, 34% межгрупповой изменчивости) фактически разделяет североевразийские группы по морфологическому вектору «запад-восток». Анализируемая краинологическая находка вместе с сериями неолита-энеолита из западносибирской лесостепи независимо от их половой принадлежности занимает по КВ I срединное положение между, с одной стороны, европеоидными краинологическими сериями лесной и лесостепной полосы Восточной Европы бронзовой эпохи, и с другой — сериями с преобладанием монголоидной специфики неолита Восточной Сибири, а также горных и предгорных областей Алтая-Саян (рис. 2). Такое же промежуточное положение занимает мужская серия из могильника Тумек-Кичиджик кельтеминарской культуры Приаралья, сближаясь с анализируемой краинологической находкой и по КВ II.

¹ Номера по Мартину и другие обозначения: 1, 8, 9, 48, 55, 54, 51, 52, 77, ∠Zm', SC, SS, 75 (1).

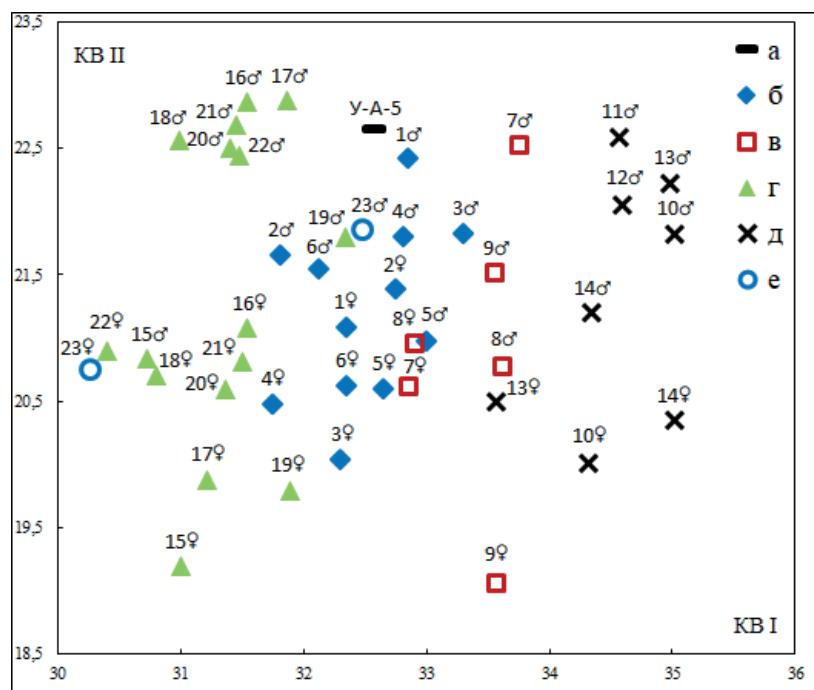

Рис. 2. Положение краинума из Усть-Алейки-5 и сравнительных серий в пространстве I-II канонических векторов (КВ I-II). Обозначения: а – Усть-Алейка-5; б – Западная Сибирь; в – Южная Сибирь; г – север Восточной Европы и Урал; д – Восточная Сибирь; е – Приаралье: 1 – неолит-энеолит Среднего Прииртышья; 2 – энеолит лесостепного Тоболо-Ишимья; 3 – неолит Барабинской лесостепи; 4 – неолит-энеолит Новосибирско-Каменского Приобья; 5 – неолит Кузнецкой котловины; 6 – неолит-энеолит Барнаульско-Бийского Приобья; 7 – неолит северных предгорий Алтая; 8 – неолит Горного Алтая; 9 – неолит-энеолит Красноярско-Канской лесостепи; 10 – китайская культура Ангары; 11 – китайская культура Верхней Лены; 12 – исаковская культура Ангары; 13 – серовская культура Ангары; 14 – серовская культура Верхней Лены; 15 – мезолит и неолита Урала; 16 – мезолит и неолит лесостепного Приуралья; 17 – энеолит Прикамья; 18 – энеолит лесостепного Поволжья; 19 – культуры ямочно-гребенчатой керамики севера Восточной Европы; 20 – волосовская культура Волго-Окского междуречья; 21 – мезолит и неолит Прибалтики; 22 – мезолит северо-запада Русской равнины; 23 – Тумек-Кичиджик, кельтеминарская культура Прикаспия

Fig. 2. 2D plot for first two canonical vectors (CV I and II), showing position of the Ust-Aleika-5 cranium among comparative samples. Designations: a – Ust-Aleika-5; b – Western Siberia; c – Southern Siberia; d – North of Eastern Europe and the Urals; e – Eastern Siberia; f – Aral Sea region: 1 – Neolithic-Eneolithic of the Middle Irtysh region; 2 – Eneolithic of the forest-steppe Tobol – Ishim; 3 – Neolithic of the Baraba Lowland; 4 – Neolithic-Eneolithic of the Novosibirsk-Kamen Ob region; 5 – Neolithic of the Kuznetsk basin; 6 – Neolithic-Eneolithic of the Barnaul-Biysk Ob region; 7 – Neolithic of the northern foothills of Altai; 8 – Neolithic of the Altai Mountains; 9 – Neolithic-Eneolithic of the Krasnoyarsk-Kansk forest-steppe; 10 – Kitoi culture

of Angara; 11 – Kitoi culture of Upper Lena; 12 – Isakovo culture of Angara; 13 – Serovo culture of Angara; 14 – Serovo culture of Upper Lena; 15 – Mesolithic and Neolithic of the Urals; 16 – Mesolithic and Neolithic of the Pre-Urals forest – steppe; 17 – Eneolithic of the Kama region; 18 – Eneolithic of the Volga forest-steppe region; 19 – Comb Ceramic culture of the north of Eastern Europe; 20 – Volosovo culture of the Volga – Oka interfluve; 21 – Mesolithic and Neolithic of the East Baltic; 22 – Mesolithic of the north-west of the Russian plain; 23 – Tumek-Kichijik, Kelteminar culture of the Caspian Sea

Второй канонический вектор (17% межгрупповой изменчивости) фактически служит разделению мужских и женских групп, поэтому трансгрессия по нему разнополых серий минимальна. По значениям КВ II череп из Усть-Алейки-5 с реконструированными размерами демонстрирует определенно «мужские» значения, морфологически сближаясь, помимо черепов из могильника Тумек-Кичиджик, с территориально наиболее близкими группами из исследованных краинологических материалов: неолита Барнаульско-Бийского и Новосибирско-Каменского Приобья, Барабинской лесостепи и, особенно — неолита-энеолита Среднего Прииртышья (рис. 2). По результатам кластерного анализа череп из Усть-Алейки-5 объединяется с мужскими черепами кельтеминарской культуры, вместе с ними присоединяясь к большинству других западносибирских и лесных/лесостепных восточноевропейских групп и отличаясь от большинства южно- и восточносибирских.

Одонтологическое исследование

Одонтоскопическое обследование молочных зубов (рис. 3.-1–2) показало отсутствие лопатообразности на резцах (балл 0) и бугорка Карабелли на молярах. На вторых молярах отмечены дополнительные мезиальные бугорки. Молочные первые нижние моляры 5-бугорковые, с «Y» — типом контакта, хорошо развитым цингулумом (*tuberculum molare*) и передними ямками. Вторые нижние моляры 6-бугорковые, с «Y» — узором коронки, на них присутствуют передние и задние ямки и отсутствуют дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида.

Рис. 3. Зубная система индивида из Усть-Алейки-5: 1 – верхняя челюсть; 2 – нижняя челюсть; 3 – закладка левого постоянного первого нижнего моляра; 4 – закладка правого постоянного первого нижнего моляра

Fig. 3. Dental system of Ust-Aleika-5 individual: 1 – maxilla inferior view; and 2 – mandible superior view; 3 – crowns of the left; and 4 – right lower permanent first molars

На закладках постоянных центральных верхних резцов краевые гребни лингвальной поверхности крайне слабо развиты (лопатообразность — балл 1). Постоянные верхние первые моляры не редуцированы (метаконус — балл 1 и гипоконус — балл 4). На них присутствует дополнительный дистальный и мезиальный бугорок. Косой гребень прерван. Первая борозда параконуса изогнутой формы (тип 1), соотношение точек впадения первых борозд метаконуса и параконуса относится к типу 3.

Закладки коронок постоянных первых нижних моляров 6-бугорковые, с «Y» — узором коронки и ямкой протостилида (рис. 3.-3-4). Дистальный гребень тригонида, tami, 2med (II) и коленчатая складка метаконида отсутствуют. Хотя осевой гребень метаконида изогнут, он рассечен поперечной бороздой таким образом, что на левом зубе формируется полностью независимый центральный бугорок, а на правом он соединен с основным гребнем только тонкой перемычкой. Зафиксирован вариант 1 соотношения точек впадения первых борозд метаконида и протоконида. Метрические характеристики зубов (табл. 4) относят погребенного к мезодонтной категории.

Таблица 4
Метрические характеристики коронок постоянных первых моляров

Table 4

Dimensions of the permanent maxillary and mandibular first molars

Признак	Правая	Левая
M ¹ md cor	10,75	10,55
M ¹ vl cor	10,45	10,43
Индекс коронки M ¹	97,0	98,9
Модуль коронки M ¹	10,6	10,5
M ₁ md cor	11,45	11,34
M ₁ vl cor	10,43	10,33
Индекс коронки M ₁	91,1	91,1
Модуль коронки M ₁	10,9	10,8

Сравнение с хронологически близкими находками с территории Западной Сибири показало, что от серий с территории Алтае-Саянского нагорья ребенок из Усть-Алейки отличается отсутствием лопатообразности, отмеченной на всех центральных резцах из следующих могильников: Лебедь-2, Васьково, пещера Каминная, Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5 [Зубова, Чикишева, 2015а: табл. 3]. По этому показателю он ближе к сериям из Барабинской лесостепи, где частота этого признака составляет от 0 до 50% [Зубова, Чикишева, 2015а: табл. 3]. Наличие и отсутствие у погребенного других признаков восточного ствола в данном случае не показательно, поскольку на индивидуальном уровне они могут присутствовать или отсутствовать как в Барабе, так и в Алтае-Саянских сериях.

Также на молочных нижних молярах ребенка из Усть-Алейки присутствуют передние и задние ямки, являющиеся маркерами южносибирского верхнепалеолитического комплекса [Зубова, Чикишева, 2015б; Зубова, Кривошапкин, Шалагина, 2017]. В составе большинства неолитических серий с территории Алтае-Саянского нагорья характе-

ристики этого комплекса отсутствуют, или выражены очень слабо [Зубова, Чикишева, 2015а: табл. 3], тогда как у населения Барабинской лесостепи фиксируются в полном объеме. В целом, результаты анализа одонтологических характеристик ребенка из Усть-Алейки-5 дают возможность полагать, что у него сохранились особенности более древнего, чем неолитическое населения юга Западной Сибири, со смягченной выраженностью «восточных» признаков и длительным сохранением архаичных особенностей. В неолитических сериях с территории Алтая-Саянского нагорья доминирует комплекс с яркой выраженностью признаков восточного одонтологического ствола и очень низкими частотами маркеров архаики или их отсутствием. По мезо-дистальным и вестибуло-лингвальным диаметрам коронок постоянных первых верхних и нижних моляров индивид из Усть-Алейки-5 (табл. 4) в целом близок к людям периода неолита Барабинской лесостепи и Алтая-Саянского нагорья.

Выводы

1. Исследованный скелет индивида из погребения 2 периода неолита могильника Усть-Алейка-5 в Верхнем Приобье в соответствии с зубным возрастом принадлежал ребенку в возрасте 2 года ± 8 мес.

2. Реставрированный краниум ребенка характеризуется макроцефалией и открытым передним родничком крупных для данного возраста размеров. Вероятной причиной макроцефалии могла являться одна из форм гидроцефалии (водянки головного мозга).

3. Длинные кости нижних конечностей у индивида из Усть-Алейки-5 характеризуются некоторым замедлением роста относительно верхних. При этом выраженные патологические изменения на костях посткраниального скелета отсутствуют. Остеометрические характеристики в целом соответствуют установленному зубному возрасту, находясь ближе к пределам нижней половины доверительного интервала последнего при сопоставлении с современными материалами.

4. По краниометрическим данным индивид принадлежит к антропологическому пласту автохтонного населения центральных регионов Евразии с промежуточными европеоидно-монголоидными параметрами в строении лицевого отдела. Наибольшее морфологическое сходство прослеживается с группами неолита-энолита Среднего Прииртышья, Верхнего Приобья, Барабинской лесостепи, а также Приаралья.

5. Одонтологическая характеристика ребенка из Усть-Алейки-5 демонстрирует морфологическое сходство с населением неолита южной части Западной Сибири, а также позволяет говорить о его связи с древнейшим морфо-генетическим пластом автохтонного населения современного типа данного региона.

Благодарности и финансирование

Выражаем искреннюю признательность кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) А. В. Зубовой за ценные консультации, а также доктору биологических наук, ведущему научному сотруднику НИИ и Музея антропологии им. Д. Н. Ануфрия Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова А. А. Евтеева и научному сотруднику Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого Т. М. Савенковой за помощь в нахождении литературных данных.

Исследование подготовлено по госзаданию FWRZ-2021-0006 (Солодовников К. Н., Слепцова А. В.), в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН (Куфтерин В. В.), и за счет гранта РНФ, проект № 24-28-01030 (Кирюшин К. Ю.).

Acknowledgments and funding

We express our sincere gratitude to Dr. Alisa Zubova (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)) for her useful comments and suggestions for improving the manuscript, as well as Dr. Andrey Evteev (Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology) and Tatyana Savenkova (Krasnoyarsk State Medical University) for providing some literature sources. The study was conducted in accordance with Russian State Assignment (Grant) No. FWRZ-2021-0006 (Solodovnikov K. N., Sleptsova A. V.), the research plans of the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Kufterin V. V.), and was supported by Russian Science Foundation (RSF), Grant Number: 24-28-01030 (Kiryushin K. Yu.).

Список сокращений

АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии

ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии

КА ТГУ — Кабинет Антропологии им. Н. С. Розова Томского государственного университета

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М. : Наука, 1978. 284 с.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.

Багашёв А. Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 2017. 408 с.

Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Кузменкин Д. В., Солодовников К. Н. Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 1. С. 48–56.

Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М. : Советская наука, 1949. 188 с.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). М. : Наука, 1955. 586 с.

Довгялло Н. Д. О росте черепа человека // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1937. Т. XVII. № 1. С. 30–71.

Зубов А. А. Одонтология: методика антропологических исследований. М. : Наука, 1968. 200 с.

Зубов А. А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М. : Этно-Онлайн, 2006. 72 с.

Зубова А. В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.

Зубова А. В., Кривошапкин А. И., Шалагина А. В. Палеоантропологические материалы из пещеры Страшной на Горном Алтае в контексте одонтологической дифференциации населения Сибири эпохи камня // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 3. С. 136–145.

Зубова А. В., Чикишева Т. А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015а. Т. 43. № 3. С. 116–127.

Зубова А. В., Чикишева Т. А. Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. Т. 43. № 4. С. 135–143.

Карапетян М. К., Куфтерин В. В. К разработке программы палеоауксологического исследования // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 1. С. 72–86.

Козинцев А. Г. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным крааниологии и генетики) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 4. С. 140–151.

Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу (методическое руководство). М. : Старый сад, 1998. 125 с.

Лейбова Н. А., Лейбов М. Б. Антропологическая фотография в цифровом мире // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 132–146.

Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М. : Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.

Соловьевников К. Н., Багашев А. Н., Савенкова Т. М. Ареалы антропологических общностей населения неолита Юга Западной и Средней Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 158–167.

Соловьевников К. Н., Багашев А. Н., Тур С. С., Громов А. В., Нечвалода А. И., Кравченко Г. Г. Источники по палеоантропологии неолита — энеолита среднего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 116–136.

Сысак Н. С. Материалы для возрастной морфологии черепа человека // Антропологический сборник II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 29–41.

Федосова В. Н. Некоторые аспекты исследования процессов роста и развития в палеопопуляциях (на примере неолитической стоянки Сахтыш-Па) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (неолит Сахтышских стоянок). М. : Научный мир, 1997. С. 69–74.

Хохлов А. А. К вопросу об особой евразийской формации // Вестник антропологии. 1996. Вып. 2. С. 129–146.

Хохлов А. А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим — Синташта: древнее наследие

дие Южного Урала: к 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 2. С. 112–132.

Худавердян А. Ю., Гаспарян Б. З., Пинхаси Р., Канаян А. С., Ованесян Н. А. Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Аре-ни 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 72–93.

Чикишева Т. А. Динамика антропологического состава населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Чикишева Т. А., Поздняков Д. В. Заселение Барабинской лесостепи в эпоху неолита по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 1. С. 133–145.

Яблонский Л. Т. Серия черепов из раннеславянского городища у с. Супруты // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 54. С. 190–211.

Яблонский Л. Т. Краниология Шагарского могильника // Древности Оки. Вып. 85. М. : ГИМ, 1994. С. 158–172.

Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. New York: Cambridge University Press, 1998. XVIII+478 p. (in English).

Bedić Ž., Azinović Bebek A., Čavka M., Šlaus M. A case of hydrocephalus in a child from early modern period Žumberak, Croatia // International Journal of Paleopathology. 2019. Vol. 26. P. 1–7 (in English).

Black S., Scheuer L. Age changes in the clavicle: From the early neonatal period to skeletal maturity // International Journal of Osteoarchaeology. 1996. Vol. 6. P. 425–434 (in English).

Brachetta-Aporta N., Gonzalez P. N., Bernal V. Association between shape changes and bone remodeling patterns in the middle face during ontogeny in South American populations // The Anatomical Record: Advances in Integrative Anatomy and Evolutionary Biology. 2021. Vol. 305 (1). P. 156–169 (in English).

Esmaeili Mo., Esmaeili Ma., Ghane Sharraf F., Bokharaie Sh. Fontanel size from birth to 24 months of age in Iranian children // Iranian Journal of Child Neurology. 2015. Vol. 9 (4). P. 15–23 (in English).

Freidline S. E., Gunz P., Harvati K., Hublin J.-J. Evaluating developmental shape changes in Homo antecessor subadult facial morphology // Journal of Human Evolution. 2013. Vol. 65 (4). P. 404–423 (in English).

Gindhart P. S. Growth standards for the tibia and radius in children aged one month through eighteen years // American Journal of Physical Anthropology. 1973. Vol. 39. P. 41–48 (in English).

Glass R. B. J., Fernbach S. K., Norton K. I., Choi P. S., Naidich T. P. The infant skull: A vault of information // RadioGraphics. 2004. Vol. 24. P. 507–522 (in English).

Lewis M. Paleopathology of children: Identification of pathological conditions in the human skeletal remains of non-adults. London: Academic Press, 2018. XI+288 p. (in English).

Mann R. W., Hunt D. R. Photographic regional atlas of bone disease: A guide to pathologic and normal variation in the human skeleton. Springfield: Charles C Thomas Publisher, 2012. XVI+416 p. (in English).

Molleson T., Cox M. The Spitalfields Project. The Middling Sort. Vol. 2: Anthropology. London: Council for British Archaeology Research report no. 86, 1993. 231 p. (in English).

Pindrik J., Ye X., Ji B. G., Pendleton C., Ahn E. S. Anterior fontanelle closure and size in full-term children based on head computed tomography // Clinical Pediatrics. 2014. Vol. 53 (12). P. 1149–1157 (in English).

Richards G. D., Anton S. C. Craniofacial configuration and postcranial development of a hydrocephalic child (ca. 2500 B. C. — 500 A. D.): With a review of cases and comment on diagnostic criteria // American Journal of Physical Anthropology. 1991. Vol. 85. P. 185–200 (in English).

Rissech C., Black S. Scapular development from the neonatal period to skeletal maturity: A preliminary study // International Journal of Osteoarchaeology. 2007. Vol. 17. P. 451–464 (in English).

Schaefer M., Black S., Scheuer L. Juvenile osteology: A laboratory and field manual. London: Academic Press, 2009. — XII+369 p. (in English).

Schuh A., Kupczik K., Gunz P., Hublin J.-J., Freidline S. E. Ontogeny of the human maxilla: a study of intra-population variability combining surface bone histology and geometric morphometrics // Journal of Anatomy. 2019. Vol. 235. P. 233–245 (in English).

Ubelaker D. H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation (2nd ed.). Washington, DC: Taraxacum, 1989. XI+172 p. (in English).

Waldron T. Paleopathology. New York: Cambridge University Press, 2009. XVII+279 p. (in English).

REFERENCES

Alekseev V. P. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Methodology of anthropological research], Moscow: Nauka, 1966, 251 p. (in Russian).

Alekseev V. P. *Paleoantropologiya zemnogo shara i formirovanie chelovecheskikh ras. Paleolit* [Paleoanthropology of the globe and the formation of human races. Paleolithic], Moscow: Nauka, 1978, 284 p. (in Russian).

Alekseev V. P., Debets G. F. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry: Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka, 1964, 128 p. (in Russian).

Bagashev A. N. *Antropologiya Zapadnoi Sibiri* [Anthropology of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 2017, 408 p. (in Russian).

Borodaev V. B., Kiriushin K. Iu., Kuzmenkin D. V., Solodovnikov K. N. Ornaments Made from *Unio* Shells in a Neolithic Burial at Ust-Aleika-5, Barnaul, Southwestern Siberia. Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2022, vol. 50, no. 1. P. 48–56.

Chikisheva T. A. *Dinamika antropologicheskogo sostava naseleniya iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological composition of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic-Early Iron Age]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Publ., 2012, 468 p. (in Russian).

Chikisheva T. A., Pozdniakov D. V. The Peopling of the Baraba Forest-Steppe in the Neolithic: Cranial Evidence. Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2021, vol. 49, no. 1. P. 133–145 (in Russian).

Dovgiallo N. D. O roste cherepa cheloveka [About the growth of the human skull]. *Arkhiv anatomii, histologii i embriologii* [Archive of Anatomy, Histology and Embryology]. 1937, vol. XVII, no. 1. P. 30–71 (in Russian).

Fedosova V. N. Nekotorye aspeky issledovaniia protsessov rosta i razvitiia v paleopopuliatsiiakh (na primere neoliticheskoi stoianki Sakhtysh-IIa) [Some aspects of the study of growth and development processes in paleopopulations (on the example of the Neolithic site Sakhtysh-IIa)]. *Neolit lesnoi polosy Vostochnoi Evropy (neolit Sakhtyshskikh stoianok)* [Neolithic of the forest zone of Eastern Europe (Neolithic of the Sakhtysh sites)]. Moscow: Nauchnyi mir, 1997. P. 69–74 (in Russian).

Gerasimov M. M. *Osnovy vosstanovleniya litsa po cherepu* [The basics of facial reconstruction from the skull]. Moscow: Sovetskaia nauka, 1949, 188 p. (in Russian).

Gerasimov M. M. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (Sovremennyi i iskopaemyi chelovek)* [Reconstructing a face from a skull (Modern and Fossil Man)]. Moscow: Nauka, 1955, 586 p. (in Russian).

Karapetian M. K., Kufterin V. V. K razrabotke programmy paleoauksologicheskogo issledovaniia [Developing the protocol for paleoanthropological study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, series XXIII. Antropologija* [Moscow University Anthropology Bulletin]. 2020, no. 1. P. 72–86 (in Russian).

Khokhlov A. A. K voprosu ob osoboi evraziiskoi formatsii [On the question of a special Eurasian formation]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 1996, issue 2. P. 129–146 (in Russian).

Khokhlov A. A. O proiskhozhenii i dal'neishem razvitiu fizicheskogo tipa nositelei sintashtinsko-potapovskogo kruga kul'tur [On the origin and further development of the physical type of the carriers of the Sintashtinsky-Potapov circle of cultures]. *Arkaim — Sintashta: drevnee nasledie Iuzhnogo Urala: k 70-letiu Gennadiia Borisovicha Zdanovicha. Chast' 2* [Arkaim — Sintashta: the ancient heritage of the Southern Urals: on the 70th anniversary of Gennadiy Borisovich Zdanovich. Part 2]. Cheliabinsk: Chelyabinsk State University Publ., 2010. P. 112–132 (in Russian).

Khudaverdyan A. Yu., Gasparyan B. Z., Pinhasi R., Kanayan A. S., Hovanesyan N. A. A comprehensive study of anthropological materials of the Late Eneolithic from the Areni 1 cave. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2017, no. 2 (37). P. 72–93 (in Russian).

Kozintsev A. G. Patterns in the Population History of Northern Eurasia from the Mesolithic to the Early Bronze Age, Based on Craniometry and Genetics. Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2021, vol. 49, no. 4. P. 140–151.

Lebedinskaia G. V. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu (metodicheskoe rukovodstvo)* [Facial reconstruction from the skull (methodological guide)], Moscow: «Staryi sad» Publ., 1998, 125 p. (in Russian).

Leibova N. A., Leibov M. B. Antropologicheskaiia fotografiia v tsifrovom mire [Anthropological photography in a digital world]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. 2022, no. 4 (59). P. 132–146 (in Russian).

Nikitin S. A. Plasticheskaia rekonstruktsiia portreta po cherepu [Plastic reconstruction of a skull portrait]. *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyr'e Moskovskogo kremlia* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin]. Moscow: Muzei Moskovskogo Kremlja Publ., 2009, vol. 1. P. 137–167 (in Russian).

Solodovnikov K. N., Bagashev A. N., Savenkova T. M. Arealy antropologicheskikh obshchnostei naseleniya neolita Iuga Zapadnoi i Srednei Sibiri [Areals of anthropological communities of the Neolithic population of the South of Western and Middle Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia* [Journal of Tomsk state university. History]. 2020, no. 68. P. 158–167 (in Russian).

Solodovnikov K. N., Bagashev A. N., Tur S. S., Gromov A. V., Nechvaloda A. I., Kravchenko G. G. Istochniki po paleoantropologii neolita — eneolita srednego Priirtysh'ia [Neolithic-Eneolithic paleoanthropological sources from the Middle Irtysh area]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. 2019, no. 3 (46). P. 116–136 (in Russian).

Sysak N. S. Materialy dlja vozrastnoi morfologii cherepa cheloveka [Materials for age-related morphology of the human skull]. *Antropologicheskii sbornik II* [Anthropological collection II]. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960. P. 29–41 (in Russian).

Yablonskii L. T. Kraniologiia Shagarskogo mogil'nika [Craniology of the Shagar burial ground]. *Drevnosti Oki* [Antiquities of the Oka]. Moscow: State Historical Museum Publ., 1994. P. 158–172 (in Russian).

Yablonskii L. T. Seriia cherepov iz ranneslavianskogo gorodishcha u s. Supruty [A series of skulls from the Early Slavic settlement near Supruty village]. *Voprosy antropologii* [Questions of anthropology], 1977, is. 54. P. 190–211 (in Russian).

Zubov A. A. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskому analizu odontologicheskikh materialov* [Methodological manual on anthropological analysis of odontological materials], Moscow: Etno-Onlain, 2006, 72 p. (in Russian).

Zubov A. A. *Odontologija: metodika antropologicheskikh issledovanii* [Odontology: methodology of anthropological research], Moscow: Nauka, 1968, 200 p. (in Russian).

Zubova A. V. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniiia arkhaichnoi sostavliaushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniya Evrazii epokhi neolita [Preliminary results of the study of the archaic component of odontological complexes of the Eurasian population of the Neolithic era]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2013, no. 4 (26). P. 107–127 (in Russian).

Zubova A. V., Chikisheva T. A. Nonmetric Dental Trait Distribution in the Neolithic Populations of Southwestern Siberia. 2015a, vol. 43, no. 3. P. 116–127.

Zubova A. V., Chikisheva T. A. The Morphology of Human Teeth from Afontova Gora II, Southern Siberia, and Their Status Relative to the Dentition of Other Upper Paleolithic Northern Eurasians. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2015b, vol. 43, no. 4. P. 135–143.

Zubova A. V., Krivoshapkin A. I., Shalagina A. V. Human Teeth from Strashnaya Cave, the Altai Mountains, with Reference to the Dental Variation in Stone Age Siberia. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2017, vol. 45, no. 3. P. 136–145.

Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. New York: Cambridge University Press, 1998. XVIII+478 p.

Bedić Ž., Azinović Bebek A., Čavka M., Šlaus M. A case of hydrocephalus in a child from early modern period Žumberak, Croatia. *International Journal of Paleopathology*. 2019. Vol. 26. P. 1–7.

- Black S., Scheuer L. Age changes in the clavicle: From the early neonatal period to skeletal maturity. *International Journal of Osteoarchaeology*. 1996. Vol. 6. P. 425–434.
- Brachetta-Aporta N., Gonzalez P. N., Bernal V. Association between shape changes and bone remodeling patterns in the middle face during ontogeny in South American populations. *The Anatomical Record: Advances in Integrative Anatomy and Evolutionary Biology*. 2021. Vol. 305 (1). P. 156–169.
- Esmaeili Mo., Esmaeili Ma., Ghane Sharbaf F., Bokharaie Sh. Fontanel size from birth to 24 months of age in Iranian children. *Iranian Journal of Child Neurology*. 2015. Vol. 9 (4). P. 15–23.
- Freidline S. E., Gunz P., Harvati K., Hublin J.-J. Evaluating developmental shape changes in *Homo antecessor* subadult facial morphology. *Journal of Human Evolution*. 2013. Vol. 65 (4). P. 404–423.
- Gindhart P. S. Growth standards for the tibia and radius in children aged one month through eighteen years. *American Journal of Physical Anthropology*. 1973. Vol. 39. P. 41–48.
- Glass R. B. J., Fernbach S. K., Norton K. I., Choi P. S., Naidich T. P. The infant skull: A vault of information. *RadioGraphics*. 2004. Vol. 24. P. 507–522.
- Lewis M. *Paleopathology of children: Identification of pathological conditions in the human skeletal remains of non-adults*. London: Academic Press, 2018. XI+288 p.
- Mann R. W., Hunt D. R. *Photographic regional atlas of bone disease: A guide to pathologic and normal variation in the human skeleton*. Springfield: Charles C Thomas Publisher, 2012. XVI+416 p.
- Molleson T., Cox M. The Spitalfields Project. The Middling Sort. Vol. 2: Anthropology. London: Council for British Archaeology Research report no. 86, 1993. 231 p.
- Pindrik J., Ye X., Ji B. G., Pendleton C., Ahn E. S. Anterior fontanelle closure and size in full-term children based on head computed tomography. *Clinical Pediatrics*. 2014. Vol. 53 (12). P. 1149–1157.
- Richards G. D., Anton S. C. Craniofacial configuration and postcranial development of a hydrocephalic child (ca. 2500 B. C. — 500 A. D.): With a review of cases and comment on diagnostic criteria. *American Journal of Physical Anthropology*. 1991. Vol. 85. P. 185–200.
- Rissech C., Black S. Scapular development from the neonatal period to skeletal maturity: A preliminary study. *International Journal of Osteoarchaeology*. 2007. Vol. 17. P. 451–464.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L. *Juvenile osteology: A laboratory and field manual*. London: Academic Press, 2009. — XII+369 p.
- Schuh A., Kupczik K., Gunz P., Hublin J.-J., Freidline S. E. Ontogeny of the human maxilla: a study of intra-population variability combining surface bone histology and geometric morphometrics. *Journal of Anatomy*. 2019. Vol. 235. P. 233–245.
- Ubelaker D. H. *Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation* (2nd ed.). Washington, DC: Taraxacum, 1989. XI+172 p.
- Waldron T. *Paleopathology*. New York: Cambridge University Press, 2009. XVII+279 p.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024

Принята к публикации: 20.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 903.59

DOI 10.14258/nreur(2024)3–02

О. А. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

МУЖСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С УКРАШЕНИЯМИ АНДРОНОВСКОЙ (ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ (СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена вопросам систематизации и анализа украшений, обнаруженных в мужских захоронениях андроновских некрополей степного и лесостепного Алтая. Установлено, что в мужском костюме андроновского населения Алтая могли использоваться шесть различных видов украшений, при этом наиболее популярным видом на данной территории являлись кольцевидные (трубчатые) серьги. Способы ношения/использования в костюме одних и тех же ювелирных изделий у мужчин и женщин различались. Украшения могли носить мужчины всех возрастов, вероятнее всего, они появлялись у мальчиков уже с трехлетнего возраста, но чаще всего встречались в погребениях молодых мужчин.

Анализ элементов погребального обряда позволяет говорить о том, что мужские захоронения с украшениями не имели каких-либо резких отличий от основной массы захоронений взрослых, в то же время планиграфический анализ показал, что могилы с украшениями образовывали скопления, т. е. наличие металлических украшений могло указывать на принадлежность их владельцев к определенному роду/социальной группе.

Сопоставление полученных данных с материалами сопредельных территорий указывает на то, что у населения различных территорий распространения андроновской общности существовала своя система возрастных классов, а также определенная «мода», которая проявлялась не только в различиях женского, но и мужского костюма. Таким образом, широкое распространение металлических украшений в декоре мужского костюма является еще одной особенностью андроновских комплексов Алтая и подчеркивает своеобразие данного региона.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, украшения, костюм, погребальный обряд, степной и лесостепной Алтай

Для цитирования:

Федорук О. А. Мужские погребения с украшениями андроновской (федоровской) культуры (степной и лесостепной Алтай) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 32–45. DOI 10.14258/nreur(2024)3–02.

O. A. Fedoruk

Altai State University, Barnaul (Russia)

MALE BURIALS WITH JUVERLY OF THE ANDRONOVO (FEDOROVO) CULTURE (STEPPE AND FOREST-STEPPE ALTAI)

This article focuses on the systematization and analysis of jewelry found in male burials at the Andronovo necropolises of the steppe and forest-steppe regions of Altai. The study identifies six distinct types of jewelry that were worn by the Andronovo population, with ring-shaped (tubular) earrings being the most prevalent in this area. Notably, the manner in which men and women wore or used the same jewelry differed. Jewelry appears to have been worn by men of all ages, likely starting around the age of three, although it was most commonly found in the burials of young men. An analysis of the burial practices indicates that male burials containing jewelry did not significantly differ from the majority of adult burials. However, planigraphic analysis revealed that graves with jewelry tended to cluster together, suggesting that these metal adornments may signify the owners' affiliation with a specific clan or social group.

Comparing these findings with data from neighboring regions indicates that populations across the Andronovo community had their own systems of age classification and distinct «fashions,» which were reflected not only in female attire but also in male costumes. The prevalent use of metal jewelry in men's costumes serves as a defining characteristic of the Andronovo complexes in Altai, highlighting the uniqueness of this region.

Keywords: Andronovo (Fedorovo) culture, jewelry, costume, funeral rite, steppe and forest-steppe Altai

For citation:

Fedoruk O. A. Male burials with juverly of the Andronovo (fFedorovo) culture (steppe and forest-steppe Altai). *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 22, No 3. P. 32–45 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3-02.

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); доцент кафедры регионалистики России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** olunka.p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Fedoruk Olga Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul (Russia); Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** olunka.p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Введение

Костюм является одним из важных этнодиагностирующих и культурных признаков. В последние десятилетия появилось много работ, посвященных исследованию и реконструкции женского костюма эпохи бронзы [Куприянова, 2008; Усманова, 2010; Демин, Запрудский, Ситников, 2011; Умеренкова 2011]. Реконструкция мужского костюма в силу объективных причин остается в зачаточном состоянии [Ткачев, 2013: 89]. В связи с этим любые находки каких-либо деталей костюма, украшений в мужских погребениях представляют особую ценность и вызывают интерес. Крупные погребальные комплексы андроновской (федоровской) культуры на территории Алтая выделяются среди памятников сопредельных регионов обилием и разнообразием украшений, которые присутствовали не только в женских, но и в мужских погребениях [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015: 52].

Данная работа посвящена обобщению, систематизации и анализу украшений/деталей костюма, обнаруженных в захоронениях мужчин на некрополях степного и лесостепного Алтая. Были привлечены данные четырех наиболее крупных могильников, находящихся в различных ландшафтных зонах: Чекановский Лог-10 (предгорная зона), Рублево VIII (степной Алтай), Фирсово XIV, Кытманово (лесостепь).

Используемые материалы

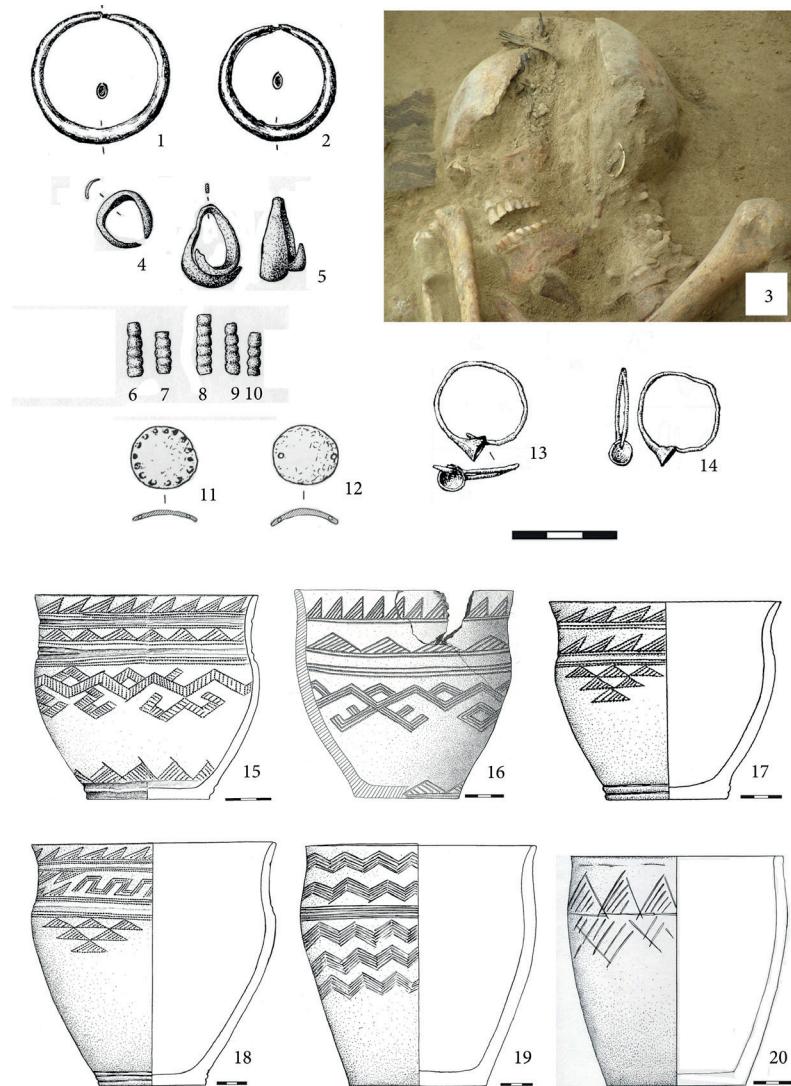
Нами были проанализировано 21 захоронение, в которых пол погребенных установлен как мужской (антропологические определения в разные годы выполнены В. А. Дремовым, В. А. Козьминым, А. Р. Кимом, Д. В. Поздняковым, К. Н. Соловьевым, С. С. Тур.), содержащее различные виды украшений/деталей костюма. Наибольшее количество подобных погребений зафиксировано на могильнике Фирсово XIV — 11 (из них восемь одиночных и три парных). Также захоронения мужчин с украшениями обнаружены на могильниках Чекановский Лог-10 (3 шт.), Рублево VIII (4 шт.), Кытманово (3 шт., из них одно парное).

В мужских захоронениях были найдены следующие виды украшений:

1. *Кольцевидные серьги с коническим приемником* (трубчатые по [Аванесова, 1991]) (рис.–1, 2). Обнаружены в девяти погребениях могильника Фирсово XIV, двух — Чекановский Лог-10 и одном — Рублево VIII. В большинстве случаев они располагались на черепах погребенных, в районе висков, по одной с каждой стороны (могилы № 75, 222, 238, а также 13, 15, 27 (2010–2011 гг.) Фирсово XIV, № 75 Рублево VIII). Могила № 7 Чекановского Лога-10 была потревожена, кости туловища смешены, череп отсутствовал. Одна серьга находилась в районе шейных позвонков, другая — в северной части могилы. Кроме того, в районе пояса погребенного были обнаружены бронзовые бусы. В могиле № 108 того же могильника была обнаружена одна серьга в районе головы, при этом погребение также было потревожено, часть костей черепа отсутствовала [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 23].

2. В могиле № 108 Фирсово XIV (по данным из дневниковых записей) одна серьга была обнаружена в заполнении могильной ямы, другая — под черепом погребенного. В парном погребении № 213 того же могильника одна серьга находилась на черепе погребенного, у виска, другая оказалась в районе лопатки. Женщина, захороненная вместе с мужчиной, также была снажена богатым набором украшений. Еще одно парное

погребение № 26 (2010–2011 гг.), вероятнее всего, было не единовременным, мужчина был подхоронен к женщине позже, в результате кости женщины были смешены и частично перекрыты мужским скелетом. На женском скелете и возле него находились разнообразные украшения. Череп мужчины был поврежден, внутри него была обнаружена кольцевидная серьга и обломок подвески в полтора оборота, еще одна серьга находилась под черепом [Погребальный обряд..., 2015: 13–14].

Украшения из мужских захоронений: 1–3, 15–19 – могильник Фирсово XIV [Погребальный обряд..., 2015]; 4–10 – могильник Рублево-VIII; 13, 14 – могильник Кытманово [Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007]; 11, 12 – могильник Чекановский Лог-10 [Демин, Запрудский, Ситников, 2011]

3. *Серьги с раструбом*. Обнаружены в двух погребениях Кытманово и в одном на Чекановском Логу-10 (рис.-13, 14). В могиле № 4 Кытманово в районе висков погребенного были обнаружены две цельнолитые золотые серьги с раструбом, в могиле № 24 Чекановского Лога — одна. При этом погребение было потревожено, кости скелета смешены, серьга располагалась в районе костей рук. В парной могиле № 23 Кытманово под черепом мужчины была обнаружена бронзовая серьга с раструбом. У ребенка, захороненного с вместе с мужчиной, также была обнаружена аналогичная серьга [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 23; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: 16–17].

4. *Бусы, пронизи* (рис.-6–10). Обнаружены в двух захоронениях Рублево VIII, одном Фирсово XIV, одном Чекановского Лога-10 и одном Кытманово.

5. Первоначальное расположение подобных изделий удалось зафиксировать лишь в двух случаях: в упомянутой ранее могиле № 7 Чекановского Лога-10 бусины располагались в районе пояса погребенного, в могиле № 18 Кытманово — обломок бронзовой обоймы или пронизи с отверстием (?) был обнаружен на черепе погребенного, в районе виска [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 23; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007: 14]. В остальных случаях могилы были сильно потревожены. Могила № 133 Фирсово XIV была частично разрушена более поздним захоронением, кости торса и рук отсутствовали, череп был сдвинут. *In situ* сохранились лишь кости таза и ног. В заполнении погребения были обнаружены обломок пастовой пронизи, подвеска в полтора оборота, а также просверленная раковина (еще несколько раковин были найдены в заполнении более позднего погребения). В могиле № 54 Рублево VIII обнаружена одна пастовая пронизь примерно в 20 см от костей таза, при этом кости позвоночника и грудной клетки погребенного отсутствовали, а кости рук были смешены. В могиле № 83 было найдено не менее 19 пастовых пронизей, располагавшихся вдоль северной стенки могилы, от черепа до костей ног. При этом кости рук и череп были перемещены, а кости торса практически отсутствовали. Кроме того, в стенах могилы были обнаружены одна целая и несколько обломков бронзовых подвесок в полтора оборота.

6. *Подвески (желобчатые) в полтора оборота*. Найдены в двух захоронениях Фирсово XIV и двух Рублево VIII (рис.-4, 5). В могиле № 230 Фирсово XIV две подвески в полтора оборота были обнаружены под черепом погребенного, а в могиле № 109 Рублево VIII одна бронзовая подвеска лежала на черепе, в районе ушного отверстия. В остальных случаях, упомянутых ранее (могилы № 133 Фирсово XIV и № 83 Рублево VIII), первоначальное положение украшений не установлено.

7. *Раковины моллюска*. Одна просверленная раковина была обнаружена в могиле № 133 Фирсово XIV (см. выше).

Обсуждение материалов и их интерпретация

Все обнаруженные в мужских погребениях виды украшений встречаются как в женских, так и в детских захоронениях. При этом в большинстве случаев местоположение, количественный состав и сочетание различных видов украшений в костюме у мужчин и женщин различались. Так, желобчатые подвески в полтора оборота в мужских захоронениях встречаются в количестве от одной до трех предметов, тогда как в женском головном уборе чаще всего использовалось от четырех и более подвесок. Способ ношения этих изделий мужчинами реконструировать достоверно невозможно. В двух

случаях, когда подвески были обнаружены *in situ* — на черепе, можно предположить, что они, по аналогии с женским убранством, либо нашивались на головной убор, либо продевались непосредственно в ушную раковину. Интересно, что в обоих известных случаях подвески были обнаружены лишь с одной стороны черепа.

В целом, несмотря на широкое распространение данного типа украшений по всему ареалу расселения андроновских племен, случаи их обнаружения в мужских захоронениях крайне редки.

Способы ношения пронизей и бусин у мужчин и женщин также различались. У женщин бусы/пронизи чаще всего служили украшением ног/обуви либо входили в состав нагрудных и головных уборов. В мужском костюме данные виды изделий могли служить украшением пояса (один случай) либо головного убора (?) (один случай). Следует отметить, что на территории Центрального Казахстана, в могильнике Майтан, обнаружено несколько захоронений мужчин, в которых бусины служили украшением ног (обуви), однако они располагались не вокруг костей ног, как в женских захоронениях, а параллельно им, т. е. способы их непосредственного крепления к обуви (?) различались. Еще в одном случае, на том же памятнике, бусины были обнаружены на запястье мужчины. По мнению автора раскопок, они входили в состав четок [Ткачев, 2019: 403–404].

Не представляется возможным установить, как именно использовались раковины в мужском костюме андроновцев Алтая. У детей они могли выступать в качестве шейной подвески/нашивки на ворот [Федорук, 2021: 40], у женщин — быть частью накосника [Демин, Запрудский, Ситников, 2011: 66]. В целом раковины редко использовались андроновским населением Алтая, они были более характерны для западных регионов распространения андроновской общности. В алакульских памятниках на территории Зауралья, Притоболья и Казахстана известны случаи, когда крупные раковины использовали в качестве пряжек мужского пояса [Ткачев, 2013: 91; 2019: 322–323].

Серьги с раструбом, по-видимому, являлись «универсальным» видом украшений, способ ношения которых у мужчин, женщин и детей был единым: в непогревоженных погребениях они располагались на черепе, в районе височных костей. При этом у всех половозрастных категорий серьги с раструбом редко сочетались с другими украшениями, лишь в нескольких женских захоронениях помимо серег с раструбом были обнаружены другие типы ювелирных изделий.

Из всех видов украшений чаще всего в мужских захоронениях Алтая встречаются кольцевидные (трубчатые) серьги (42,9% от всех видов украшений). Именно эти ювелирные изделия, на наш взгляд, представляют особый интерес для изучения. Подобные серьги зафиксированы также и у женщин, и у детей, при этом в женском костюме кольцевидные (трубчатые) серьги в алтайских памятниках всегда встречаются в комплексе с другими ювелирными изделиями и чаще всего входят в состав сложносоставного ушного гарнитура. В мужском захоронении только в одном случае кроме кольцевидных серег были найдены еще и бусы, которые, вероятно, украшали пояс погребенного (могила № 108 Чекановского Лога-10).

Схожая ситуация (относительно способов ношения кольцевидных серег женщинами) прослеживается и на других территориях распространения андроновской общности

сти. Как отмечает Э. М. Усманова, для кольцевидных серег свойственна комплектность в архитектонике женского андроновского костюма Казахстана. Кольцевидные серьги на данной территории обычно встречаются в комплексе с декором головного убора [Усманова, 2010: 144].

Если принять во внимание тот факт, что андроновские женщины носили кольцевидные серьги исключительно в комплекте с другими головными украшениями, то, скорее всего, мужскими были могилы с неустановленным полом погребенных (№ 67, 79 Рублево-VIII, а также погребение № 43 Кытманово, где костяк погребенного определен автором раскопок как предположительно мужской [Грушин, Тишкин, 2023: 240]), в которых были найдены только кольцевидные (трубчатые) серьги. Также, вероятнее всего, мужскими были захоронения № 1 Нижней Суетки и № 18 Подтурено [Уманский, 1999: 85; Кирюшин, Лузин, 1993: 70]. Детские захоронения с кольцевидными серьгами можно интерпретировать как захоронения мальчиков, так как в детских и подростковых захоронениях эти украшения ни в одном случае не сочетались с другими видами ювелирных изделий.

Таким образом, кольцевидные (трубчатые) серьги можно отнести к типично «мужским» аксессуарам костюма андроновского населения Алтая (рис.-3). В женском же костюме подобный тип украшений дополнял головной (ушной) убор, который мог иметь различные вариации [Погребальный обряд..., 2015: 29]. Возможно, кольцевидные серьги в женском костюме могли символизировать соединение мужского и женского начала, а их появление могло маркировать достижение женщиной определенного возраста/ социального статуса, например, замужество или рождение детей. Однако данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Интересно, что в парных разнополых захоронениях могильника Фирсово XIV встречаются различные сочетания мужских и женских украшений. В могиле № 213 и у мужчины, и у женщины были обнаружены кольчатые серьги, при этом у женщины была только одна серьга, которая входила в состав головного (ушного) убора. Аналогичная ситуация зафиксирована и в погребении № 26, однако из-за смещения костей и их плохой сохранности невозможно точно установить первоначальное расположение украшений и их принадлежность [Погребальный обряд..., 2015: 13–14]. В биритуальном захоронении № 222 на черепе мужчины найдены две кольчатые серьги, а на кремированных останках — разнообразные украшения, относящиеся к украшению головы и рук, при этом две кольчатые серьги, вместе с лапчатыми привесками и пронизями (ушной гарнитур?) оказались в районе ног погребенного мужчины. Еще в нескольких парных захоронениях этого же могильника украшениями была снабжена только женщина.

На сопредельных территориях, в Восточном Прииртышье, в парном погребении № 25 могильника Маринка в районе тазовых костей мужчины были обнаружены шлемовидная бляшка с пуансонным орнаментом и бронзовая пуговка с петелькой [Ткачева, Ткачев, 2008: 112–113]. В одном погребении могильника Чекановский Лог-10 (могила № 155, частично разрушенная), определенном как предположительно мужское, в районе ступней также были найдены две выпукло-вогнутые бляшки, одна из них с пуансонным орнаментом [Демин, Запрудский, Ситников 2011: 27] (рис.-11, 12). Бляшки были обнаружены и в одном мужском захоронении могильника Майтан [Ткачев, 2019: 403–

404]. Следовательно, бляшки также в некоторых случаях могли украшать мужской костюм. У женщин бляшки обычно входили в состав головных уборов либо служили на грудными украшениями, у мужчин, по всей видимости, могли выступать украшением пояса либо обуви. Украшения, вероятнее всего, относящиеся к декору мужского пояса/пряжкам, также зафиксированы в других могильниках Южного Урала и Казахстана [Куприянова, 2008: 97].

Таким образом, в мужском костюме андроновского населения Алтая могли использоваться шесть разновидностей украшений, при этом наиболее популярным видом украшений на данной территории являлись кольцевидные (трубчатые) серьги.

Возраст мужчин, захороненных с украшениями, варьировал от 14–6 до 50–60 лет, т.е. украшения могли носить все возрастные группы. В большинстве случаев это молодые мужчины (по общепринятой в антропологии градации [Алексеев, 1972: 3] это *adultus* (возмужалый возраст) — от 18–20 до 35 лет) — 38,1%. Чуть меньше погребений мужчин зрелого возраста (*maturus* от 35 до 50–55 лет) — 28,6%. Реже украшения встречены в погребениях пожилых мужчин (*senilis* — старше 50–55 лет) — 14,3%. В двух случаях (9,5%) украшения были обнаружены в погребениях юношей (*juvenis* — от 12–3 до 18–20). Еще в нескольких случаях возраст погребенных определен как «зрелый» и «молодой», в одном случае возраст не был определен. Если принять версию, что в детских могилах с кольцевидными (трубчатыми) серьгами похоронены мальчики, то украшения могли появляться у мужчин уже начиная с трехлетнего возраста [Федорук, 2021: 41].

Что касается соотношения возраста и типов украшений, то предварительно можно сказать, что в погребениях пожилых мужчин не встречено кольцевидных (трубчатых) серег и серег с растробом, однако такая ситуация может быть связана с малочисленностью подобных захоронений.

Следует отметить, что в материалах Южного Урала и Казахстана наблюдается несколько иная ситуация. Согласно исследованиям Е. В. Куприяновой, в петровской и алакульской культурах возрастом социализации девочек можно считать 6–7 лет, в синташтинской культуре — немного более поздний возраст. С этого времени их костюм практически не отличается от костюма взрослых женщин. В то же время погребения мальчиков этого возраста, как правило, не имеют еще специфического «мужского» инвентаря, а, напротив, часто сопровождаются таким «детским» инвентарем, как астрагалы [Куприянова, 2008: 137]. Э. Р. Усманова отмечает, что в алакульских комплексах Казахстана кольцевидные серьги, плакированные золотой фольгой, очень редко встречаются в детских и подростковых захоронениях [Усманова, 2010: 144]. На территории Алтая около 20% захоронений, содержащих кольцевидные серьги, были детскими/подростковыми (процент от погребений, по которым есть половозрастные определения). В то же время типично «женские» украшения начинают появляться у детей начиная с 13–15-летнего возраста [Федорук, 2021: 41]. Вероятнее всего, на разных территориях распространения андроновской культурно-исторической общности существовали разные системы возрастных классов и своя собственная «moda».

По сопредельным территориям отсутствует информация о нахождении кольцевидных серег в мужских захоронениях, однако подобные серьги (вне комплекта с другими украшениями) встречается в могилах с кремацией. Так, две кольцевидные серь-

ги были обнаружены в одном погребении с кремацией могильника Боровое [Орозбаев, 1958]. В могильнике Путиловская Заимка II на Южном Урале также в погребении с кремацией (парной?) рядом с сосудом найдены две серьги. Там же был обнаружен бронзовый нож с перехватом [Зданович, 1988: 98–99]. Другие виды украшений у мужчин зафиксированы на таких могильниках как Майтан (пять случаев), по одному случаю в могильниках Лисаковский V, Маринка, Кызылтас [Ткачев, Ткачева, 2008; Ткачев, 2019; Усманова, Мерц, 2019].

В целом, находки каких-либо украшений в мужских погребениях на территории Казахстана чрезвычайно редки. Например, на таком крупном некрополе, как Лисаковский I, ни в одном мужском захоронении не обнаружено каких-либо украшений/элементов костюма. При этом федоровские погребения могильника в целом отличаются меньшим количеством и разнообразием украшений [Усманова, 2005: 119–121].

Очевидно, традиция дополнять мужской костюм золотыми и бронзовыми украшениями получила широкое распространение именно на Алтае. Так, на могильнике Рублево VIII на четырех из девяти скелетов, достоверно определенных как мужские, были найдены различные украшения (44,4%), на Фирсово XIV — на 11 из 37 (29,7%), на Кытманово — на трех из восьми (37,5%). Точное количество мужских захоронений на Чекановском Логу X нам, к сожалению, не известно. Вероятно, такая ситуация могла быть связана не только с определенным «стилем» в одежде, но и с близостью источников руды и доступностью металла.

Анализ элементов погребального обряда и инвентаря указывает на отсутствие каких-либо резких отличий мужских могил с украшениями от основной массы захоронений взрослых. Глубина их колебалась от 1,10 до 2,30 м от дневной поверхности, что в целом соотноситься со средней глубиной взрослых захоронений [Федорук, 2015: 257]. Деревянные конструкции были обнаружены в 10 захоронениях (47,6%), при этом в могиле № 133 Фирсово XIV помимо обкладки и перекрытия были также зафиксированы остатки деревянного столбика. В большинстве случаев там, где это удалось установить, погребенные были уложены на левый бок (85,7%), головой в юго-западный сектор. В пяти случаях умершие лежали на правом боку: четыре могилы происходят с Фирсово XIV (интересно, что все эти погребения обнаружены недалеко друг от друга, в северо-восточной части могильника) и одна с Рублево VIII.

Кости животных, которые чаще всего представляли собой остатки поминальной пищи и находились возле сосудов, были обнаружены в четырех погребениях. В этом плане особо выделялось погребение № 24 Чекановского Лога X: здесь, помимо ребер животного, находившихся возле сосуда, были обнаружены два черепа и другие кости КРС в районе ступней ног мужчины [Демин, Ситников, 2007:42].

Сосуды были обнаружены в 18 (85,7%) захоронениях: в восьми случаях погребенным было установлено по одному сосуду (38,1%) (в том числе в одном парном захоронении) и в стольких же случаях — по два сосуда (в том числе в двух парных захоронениях). В одном парном захоронении (могила № 26 (2010–2011 гг.) Фирсово XIV) было обнаружено четыре сосуда. В большинстве захоронений сосуды имели горшечную форму и были украшены сложной орнаментальной композицией (классический полисюжет по: [Ковтун, 2009]) (рис.-15–18). Баночные сосуды устанавливали в комплексе с горш-

ками, в двух погребениях были установлены только баночные сосуды, которые имели более простую орнаментацию (рис.–19, 20).

Анализ планиграфии показал, что мужские погребения, содержащие украшения, как правило, располагались рядом с другими «богатыми» могилами, образуя некий комплекс. Так, на могильнике Рублево VIII большинство мужских могил с украшениями были расположены в восточной части могильника, вокруг женского захоронения № 85, содержащего богатый ювелирный набор, рядом также находились и другие женские и детские захоронения с украшениями. Еще одно мужское погребение № 109 обнаружено в западной части могильника, недалеко от женского захоронения с украшениями. Аналогичная ситуация (когда погребения с украшениями образовывали небольшие скопления) просматривается и на других памятниках [Погребальный обряд..., 2015: 24].

Таким образом, золотые и бронзовые украшения могли указывать на принадлежность их владельцев к определенному роду, занимавшему, вероятно, ведущую роль в общине. В то же время, как известно по многочисленным этнографическим данным, украшения имели и религиозно-магическую функцию. Они выполняли роль амулетов/оберегов, определенный набор украшений мог быть связан с отправителями культов.

По мнению Э. М. Усмановой, иногда украшения (когда они находились не на костях либо в не свойственном для данного типа изделий месте) могли выполнять функцию дароприношения, а не костюмную [Усманова, Мерц, 2019: 175]. Известны случаи, когда украшения находились не на погребенном, а были уложены в берестяной туес/сумку, однако подобное более характерно для детских/подростковых погребений [Усманова, 2010: 77; Куприянова, 2008].

Е. В. Куприянова отмечает, что те немногие украшения, которые были обнаруженные при мужских костях на территории Южного Зауралья и Казахстана, как правило, имели «свободную комплектацию»: даже если при мужчине найдено кольцо, то почти наверняка оно располагалось не на пальце, а в районе груди, пояса и пр. [Куприянова, 2008:123]. Следовательно, в некоторых случаях украшения также могли быть неким дароприношением, а не являться частью костюма. Что же касается алтайских материалов, то невозможно с уверенностью сказать, применялась ли подобная практика в отношении мужчин. Все погребения, где украшения имели «нетипичное» местоположение, были разрушены/сильно потревожены, кости скелетов смешены либо частично отсутствовали. В то же время даже в детских захоронениях кольцевидные серьги находились на черепе погребенного, в районе височных костей, что свидетельствует в пользу того, что они являлись именно частью костюма, а не помещались в могилу в качестве даров/оберегов и т. п.

Лишь некоторые погребения мужчин с украшениями, на наш взгляд, можно считать «нестандартными»: это могила № 24 Чекановского Лога X, где были обнаружены черепа и кости КРС, и могила № 23 Кытманово, где мужчина был захоронен вместе с ребенком 4–6 лет. Вероятно, данные погребения имели особое, культовое значение, либо в них были захоронены мужчины, имевшие особый статус в обществе.

Заключение

Андроновские некрополи Алтая отличаются от некрополей сопредельных территорий довольно высоким процентом погребений, содержащих различные виды ювелир-

ных изделий. При этом наличие украшений было характерно не только для женщин, но и для мужчин. В мужских захоронениях были обнаружены следующие виды украшений: кольцевидные (трубчатые) серьги, бусы /пронизи, подвески в полтора оборота, серьги с растробом, раковины моллюсков, бляшки (?). Самым распространенным видом украшений у мужчин являлись кольцевидные серьги. Проведенный нами анализ показал, что в большинстве случаев способы ношения/использования в костюме одних и тех же видов украшений у мужчин и женщин различались, «универсальным» типом изделий можно назвать лишь серьги с растробом, которые женщины, мужчины и дети носили, скорее всего, одинаково. Украшения могли носить мужчины всех возрастов, вероятнее всего, они появлялись у мальчиков уже с трехлетнего возраста, но чаще всего встречались в погребениях молодых мужчин.

Анализ элементов погребального обряда позволяет говорить о том, что мужские захоронения с украшениями не имели каких-либо резких отличий от основной массы захоронений взрослых, в то же время планиграфический анализ показал, что могилы с украшениями образовывали скопления, т. е. наличие металлических украшений могло указывать на принадлежность их владельцев к определенному роду/социальной группе.

Сопоставление полученных данных с материалами сопредельных территорий указывает на то, что у населения различных территорий распространения андроновской общности существовала своя система возрастных классов, а также определенная «мода», которая проявлялась не только в различиях женского, но и мужского костюмов. Таким образом, широкое распространение металлических украшений в декоре мужского костюма является еще одной особенностью андроновских комплексов Алтая и подчеркивает своеобразие данного региона.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ проект № 20–18–00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

Acknowledgements and funding

The article was prepared with the financial support of the Russian National Science Foundation project No. 20–18–00179 «Migrations and processes of ethnocultural interaction as factors of the formation of multiethnic societies in the territory of the Greater Altai in antiquity and the Middle Ages: an interdisciplinary analysis of archaeological and anthropological materials».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : Изд-во ФАН, 1991. 200 с.

Алексеев В. П. Палеodemография СССР // Советская археология. 1972. № 1. С. 3–21.

Грушин С. П., Тишкун А. А. Андроновские погребения на могильнике Кытманово (по материалам раскопок В. И. Каца в 1961 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 4. С. 228–248. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-13](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-13).

- Демин М. А., Запрудский С. С., Ситников С. М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул : АлтГПА, 2011. 128 с.
- Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2007. Ч. 1. 274 с.
- Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск : Урал, 1988. 184 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт ун-та, 1993. С. 67–94.
- Кирюшин Ю. Ф., Панин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 108 с.
- Ковтун И. В. Основы морфологии андроновского орнамента // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Вып. 4 (64). Т. 4. С. 115–124.
- Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : Авто Граф, 2008. 244 с.
- Орозбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды института истории, археологии и этнографии. Т. V: Археология. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1958. С. 216–279.
- Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья (материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.
- Ткачев А. А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.
- Ткачев А. А. Мужской вещевой комплекс и возможности реконструкции костюма андроновской эпохи // Археологические исследования степной Евразии. Караганда : TENGRI Ltd, 2013. С. 89–93.
- Ткачёва Н. А., Ткачёв А. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.
- Уманский А. П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. № 3. С. 83–99.
- Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 132 с.
- Умеренкова О. В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 22 с.
- Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда ; Лисаковск, 2005. 232 с.
- Усманова Э. Р., Мерц В. К. Знаковый фактор головных и ушных украшений в андроновском костюме эпохи бронзы // Археология Евразийских степей. 2019. № 1. С. 172–182.
- Усманова. Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы. Опыт реконструкций. Лисаковск ; Караганда, 2010. 176 с.

Федорук О. А. Детские погребения с украшениями в андроновских (федоровских) некрополях степного и лесостепного Алтая // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 3. С. 36–48.

Федорук О. А. Погребальный обряд андроновской культуры степного и лесостепного Алтая: анализ половозрастных различий // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Вып. 3 (87). Т. 2. С. 256–260. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.2.-40](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.2.-40).

REFERENCES

Alekseev V. P. Paleodemografiia SSSR [Paleodemography of the USSR] Sovetskaia arkheologija. [Soviet archeology]. 1972, no. 1. P. 3–21 (in Russian).

Avanesova N. A. Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliiam). [The culture of the shepherd tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (for metal products)]. Tashkent: Izd-vo FAN, 1991. 200 p. (in Russian).

Demin M. A., Sitnikov S. M. Materialy Gilevskoj arheologicheskoy ekspedicii. [Materials of the Gilevo archaeological expedition]. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2007. P. 1. 274 s. (in Russian).

Demin M. A., Zaprudskii S. S., Sitnikov S. M. Andronovskie ukrasheniia Gilevskogo arkheologicheskogo mikroraina [Andronovo decorations of the Gilevsky archaeological microdistrict]. Barnaul: AltGPA, 2011, 128 p. (in Russian).

Fedoruk O. A. Detskie pogrebeniya s ukrasheniyami v andronovskikh (fedorovskikh) nekropolyah stepnogo i lesostepnogo Altaya [Children's burials with decorations in the Andronovo (Fedorovo) necropolises of the steppe and forest-steppe Altai]. Narody i religii Evrazii [Peoples and religions of Eurasia]. 2021, vol. 26, no. 3. P. 36–48 (in Russian).

Fedoruk O. A. Pogrebal'nyi obriad andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaia: analiz polovozrastnykh razlichii [Funeral rite of the Andronov culture of the steppe and forest-steppe Altai: analysis of age and sex differences]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]. 2015, vyp. 3 (87), vol. 2. P. 256–260. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2015\)3.2.-40](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)3.2.-40) (in Russian).

Grushin S. P., Tishkin A. A. Andronovskie pogrebeniya na mogil'nike Kytmanovo (po materialam raskopok V. I. Kaca v 1961 g.) [Andronovo burials at the Kytmanovo burial ground (based on the materials of V. I. Katz's excavations in 1961)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2023, vol. 35, no. 4. P. 228–248. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(4).-14) (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Luzin S. Yu. Andronovskij mogil'nik Podturino [Andronovo burial ground Podturino] Kul'tura narodov Evrazijskikh stepej v drevnosti [Culture of the peoples of the Eurasian steppes in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt un-ta, 1993. P. 67–94 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Panin D. V., Fedoruk O. A. Andronovskaya kul'tura na Altai [Andronovo culture from the Altai]. Barnaul: Izd-vo AltGU, 2015, 108 p. (in Russian).

Kovtun I. V. Osnovy morfoloģij andronovskogo ornamenta [Fundamentals of the morphology of Andronovo ornament] Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University] 2009, vol. 4, vyp. 4 (64). P. 115–124 (in Russian).

Kupriyanova E. V. Ten' zhenschchiny: ZHenskij kostyum epohi bronzy kak «tekst»: (po materialam nekropolej YUzhnogo Zaural'ya i Kazahstana). [Shadow of a woman: Women's

costume of the Bronze Age as a «text»: (based on materials from the necropolises of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk: Auto Graf, 2008, 244 p. (in Russian).

Orozbaev A. M. Severnyj Kazahstan v epohu bronz. [Northern Kazakhstan in the Bronze Age] *Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography]. Vol. V. Archaeology. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1958. P. 216–279 (in Russian).

Pogrebal'nyj obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya (materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV) [Funeral rite of the ancient population of the Barnaul Ob region (materials from excavations in 2010–2011 of the Firsovo-XIV ground burial ground)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015, 208 p. (in Russian).

Tkachev A. A. *Mogil'nik epohi bronzy Maitan*. [Bronze Age burial ground Maitan]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2019. 529 p. (in Russian).

Tkachev A. A. Muzhskoj veshhevoj kompleks i vozmozhnosti rekonstrukcii kostjuma andronovskoj jepohi [Men's stuff complex and the possibility of reconstructing the costume of the Andronovo era] *Arheologicheskie issledovaniya stepnoj Evrazii* [Archaeological studies of the steppe Eurasia] Karaganda: TENGRI Ltd, 2013. P. 89–93 (in Russian).

Tkacheva N. A., Tkachev A. A. *Epoha bronzy Verhnego Priirtysh'ya*. [Bronze Age of the Upper Irtysh region]. Novosibirsk: Nauka, 2008, 304 p. (in Russian).

Umanskii A. P., Kiriushin Iu. F., Grushin S. P. *Pogrebal'nyi obriad naseleniya andronovskoi kul'tury Prichumysh'ia (po materialam mogil'nika Kytmanovo)* [Funeral rite of the population of the Andronovo culture in the Prichumysh region (based on materials from the Kytmanovo burial ground)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 132 p. (in Russian).

Umansky A. P. *Raskopki v Nizhnej Suetke v 1964g* [Excavations in Nizhnyaya Suetka in 1964] *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes] Barnaul, 1999. Vyp. 3. P. 83–99 (in Russian).

Umerenkova O. V. *Ukrashenija jepohi bronzy Zapadnoj Sibiri* [Bronze Age jewelry of Western Siberia]. Avtoreferat dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Kemerovo, 2011. 22 s. (in Russian).

Usmanova E. R. *Kostyum zhenshchiny epohi bronzy. Opyt rekonstrukcij*. [Costume of a woman from the Bronze Age. Reconstruction experience]. Lisakovsk; Karaganda, 2010. 176 p. (in Russian).

Usmanova E. R. *Mogil'nik Lisakovskij I: fakty i parallel'i*. [Cemetery Lisakovskiy I: facts and parallels] Karaganda; Lisakovsk, 2005. 232 p. (in Russian).

Usmanova E. R., Merz V. K. Znakovyj faktor golovnyh i ushnyh ukrashenij v andronovskom kostyume epohi bronzy [Symbolic meaning of head and ear adornments in Bronze age Andronovo costume]. *Arheologiya evrazijskikh stepej* [Archeology of the Eurasian steppes]. 2019, no. 1. P. 172–182 (in Russian).

Zdanovich G. B. *Bronzovyj vek Uralo-Kazahstanskikh stepej* [Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes]. Sverdlovsk: Ural, 1988. 184 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.12.2023

Принята к публикации: 15.05.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 902.6–633 | (282.256.35)
DOI 10.14258/nreur(2024)3–03

Д. А. Гурулёв

АНО «Археологическое исследование Сибири», Красноярск (Россия)

О. В. Ершова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

Ч. Чжу

Северо-Западный университет, Сиань (Китай)

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И АБСОЛЮТНОГО ДАТИРОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В НИЖНЕМ ПРИАНГАРЬЕ

Обсуждаются новые результаты радиоуглеродного датирования (восемь датировок) трех памятников Нижнего Приангарья.

Благодаря полученным данным на стоянке Усть-Карабула удалось обозначить наличие ранее не фиксированного мезолитического (раннеголоценового) культурного компонента. На стоянке Усть-Кова также получена раннеголоценовая датировка, косвенно подтверждающая высказанное в ходе работ 1970–1980-х гг. наблюдение о наличии мезолитического горизонта находок. Образцы из мезолитического слоя стоянки Усть-Кова I показали возраст в рамках раннего Средневековья и Нового времени. Наиболее вероятно, что они связаны с вышележащим культурным слоем и попали сюда в ходе современных нарушений.

Полученные данные и анализ условий залегания мезолитических материалов на других памятниках Нижней Ангары показывают сложность в выделении мезолитических комплексов в смешанных многокомпонентных культурных слоях голоцена, типичных для памятников региона. Для решения данной проблемы необходимо особое внимание к планиграфической и микростратиграфической структуре культурных слоев и применение серийного радиоуглеродного датирования.

Ключевые слова: Средняя Сибирь, Нижнее Приангарье, мезолит, ранний голоцен, многокомпонентный культурный слой, радиоуглеродное датирование

Цитирование статьи:

Гурулёв Д. А., Ершова О. В., Чжу Ч. Проблемы выделения и абсолютного датирования мезолитических комплексов в Нижнем Приангарье // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 46–63. DOI 10.14258/nreur(2024)3–03.

D. A. Gurulev

Autonomous non-commercial organization «Siberian Archaeological Studies»,
Krasnoyarsk (Russia)

O. V. Ershova

Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch Russian Academy
of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Z. Zhu

Northwest University, Xi'an (China)

ISSUES OF IDENTIFICATION AND RADIOCARBON DATING OF MESOLITHIC COMPLEXES IN THE LOWER ANGARA REGION

This article discusses new results from radiocarbon dating ($n=8$) conducted at three sites in the Lower Angara region. The data obtained has revealed the presence of a previously unknown Mesolithic (Early Holocene) cultural component at the Ust-Karabula site. Additionally, Early Holocene dates were obtained from the Ust-Kova site, which indirectly supports observations made during excavations in the 1970s and 1980s about the existence of a Mesolithic layer of findings. Samples collected from the Mesolithic layer at the Ust-Kova I site dated to the early Middle Ages and the New Age, likely indicating that these samples are related to an overlying cultural layer and were subsequently mixed in due to modern disturbances.

The findings and analysis of Mesolithic materials from other sites in the Lower Angara region highlight the challenges of identifying Mesolithic complexes within mixed, multi-component cultural layers typical of this area. To address this issue, it is crucial to focus on the spatial and micro-stratigraphic organization of cultural layers and to employ systematic radiocarbon dating techniques.

Keywords: Central Siberia, Lower Angara region, Mesolithic, Early Holocene, multicomponent cultural layer, radiocarbon dating

For citation:

Gurulev D. A., Ershova O. V., Zhu Z. Issues of identification and radiocarbon dating of Mesolithic complexes in the Lower Angara region. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No 3. P. 46–63 (in Russian) DOI 10.14258/nreur(2024)3–03.

Гурулев Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник АНО «Археологическое исследование Сибири», младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Красноярск (Россия). Адрес для контактов: dm-gurulev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6992-3183>

Ершова Олеся Валерьевна, сотрудник центра коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: ersholesya198q@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0007-9731-8822>

Чжу Чжиюн, PhD, научный сотрудник Школы культурного наследия Северо-Западного университета, Сиань (Китай). Адрес для контактов: zzy7678@126.com; <https://orcid.org/0009-0009-8895-5517>

Dmitry Aleksandrovich Gurulev, senior researcher of Autonomous non-commercial organization «Siberian Archaeological Studies», junior researcher of Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk (Russia). Contact address: dm-gurulev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6992-3183>

Olesya Valerievna Ershova, member of Cenozoic Geochronology Center, Institute of Archaeology and Ethnography Siberian branch Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). Contact address: ersholesya198q@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0007-9731-8822>

Zhiyong Zhu, PhD, researcher of School of Cultural Heritage, Northwest University, Xi'an (China). Contact address: zzy7678@126.com; <https://orcid.org/0009-0009-8895-5517>

Введение

Одной из ключевых разработок в изучении поздних этапов каменного века Сибири стала концепция мезолита Верхнего Приангарья, сформированная в конце 1950-х — 1960-е гг. (Г.И. Медведев, М.П. Аксенов и др.) [Мезолит Верхнего Приангарья..., 1971]. На ее основе стало возможным выделение мезолита как самостоятельного этапа археологической периодизации соседних регионов, и в том числе и Нижней Ангары¹. Основанием для этого стало открытие экспедицией Красноярского государственного педагогического института (далее — КГПИ) (руководитель — Н.И. Дроздов) в 1970-х гг. докерамических комплексов на стоянках Чадобец и Усть-Кова I [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 136–137]. Мезолитический этап соотносился со временем раннего голоцене и был датирован в интервале 10 (11) — 7 тыс. лет назад [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 137]. Характерными чертами периода рассматривались развитое микропластиначатое производство (клиновидные, конусовидные и призматические нуклеусы), распространение топоров с перехватом, полиздрических (нуклеусы-дриль) и трансверсальных резцов, крупных листовидных ножей, скребел, и др. [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

На протяжении длительного времени материалы этих памятников оставались фактически единственным источником для характеристики мезолитического этапа Нижнего Приангарья. Так, вплоть до середины 2000-х гг. было обнаружено лишь несколько новых местонахождений — Боковушка [Бердников, Бердникова, Воробьева, Роговской, Клементьев, Уланов, Лохов, Дударёк, Новосельцева, Соколова, 2014], Высотина 1 и 2 [Фокин, 2002; Фокин, Быкова, 2005], а также Ича и Подкаменная (Ю.А. Гревцов, А.Ю. Тарасов) в бассейне реки Тассевой (приток Ангары).

¹ Под «Нижним Приангарьем» подразумевается участок долины протяженностью около 850 км от устья Илма до места впадения Ангары в Енисей.

Существенное количественное и качественное пополнение источников базы произошло благодаря масштабным спасательным исследованиям в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2007–2012 гг. [Деревянко, Цыбанков, Постнов, Славинский, Выборнов, Зольников, Деев, Присекайло, Марковский, Дудко, 2015]. В ходе работ выявлена и изучена серия новых мезолитических комплексов (Сосновый Мыс, Усть-Ёдарма II, Остров Лиственичный и др.), а также проведены новые раскопки стоянки Усть-Кова I. Полученные данные позволили уточнить абсолютную хронологию, состав каменной и костяной индустрий мезолита, а также начать разработку вопросов особенностей стратегий мобильности и жизнеобеспечивания [Kuznetsov, Rogovskoi, Klementiev, Mamontov, 2022].

На сегодняшний день в нижнем течении Ангары и на её притоках мезолитические комплексы выделены на 15 памятниках (см. рис. 1). Значительная их часть исследована на ограниченной площади, представлена немногочисленными малоинформационными коллекциями либо не обеспечена абсолютными датировками. Осложняет ситуацию также то, что большинство объектов было расположено в восточной части долины, затопленной в настоящее время водохранилищем Богучанской ГЭС.

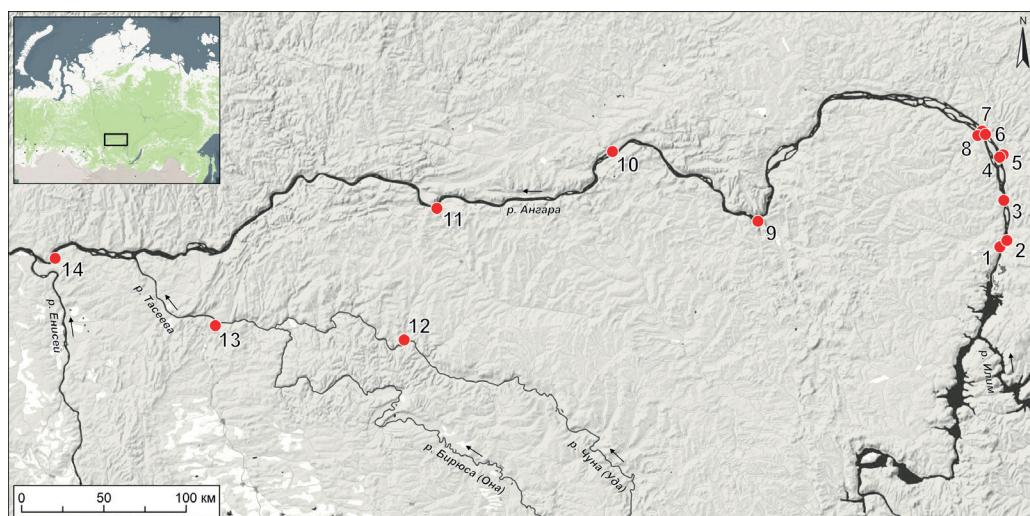

Рис. 1. Археологические памятники Нижнего Приангарья, включающие мезолитические комплексы: 1 – Синяга; 2 – Боковушка; 3 – Усть-Кеуль I; 4 – Отико II; 5 – Ручей Дубинский I; 6 – Сосновый Мыс; 7 – Остров Лиственичный; 8 – Усть-Ёдарма II; 9 – Усть-Кова I; 10 – Чадобец; 11 – Усть-Карабула; 12 – Ича; 13 – Подкаменная; 14 – Высотина 1, 2

Fig. 1. Archaeological sites of the Lower Angara region including Mesolithic complexes: 1 – Sinyaga; 2 – Bokovushka; 3 – Ust-Keul I; 4 – Otiko II; 5 – Ruchey Dubinskiy I; 6 – Sosnovyi Mys; 7 – Ostrov Listvenichnyi; 8 – Ust-Yodarma II; 9 – Ust-Kova I; 10 – Chadobets; 11 – Ust-Karabula; 12 – Icha; 13 – Podkamennaya; 14 – Vysotina 1, 2

Настоящая работа посвящена публикации и анализу новых результатов радиоуглеродного датирования памятников Нижнего Приангарья. Так, с изученных широкими площадями стоянок Усть-Карабула и Усть-Кова впервые были получены даты, ука-

зывающие на наличие раннеголоценового культурного компонента. Помимо этого, была предпринята попытка датирования известного мезолитического комплекса стоянки Усть-Кова I. Целью настоящего исследования является обсуждение новых данных в контексте проблем изучения мезолитических памятников Нижнего Приангарья.

Материалы и методы

Радиоуглеродное датирование выполнено для восьми костных образцов. Все они, за исключением одной неатрибутированной кости, принадлежат наземным травоядным млекопитающим (косуля, лось, олени). Видовые определения выполнены кандидатом географических наук А. М. Клементьевым (ИЗК СО РАН, Иркутск; НПО «Археологическое проектирование и изыскания», Красноярск) или авторами раскопок. Полный список образцов приведен в таблице.

Таблица 1
Новые радиоуглеродные датировки с археологических памятников Усть-Карабула, Усть-Кова и Усть-Кова I

Table 1
New radiocarbon dating from the archaeological sites Ust-Karabula, Ust-Kova and Ust-Kova I

№	Контекст	Образец	Метод гра-фитизации	Установка УМС	14C-дата, л. н.	Возраст, кал. л. н.	Лаб. индекс
Усть-Карабула							
1	Зачистка-врезка 1 (2022 г.). Основание культурного слоя	Фрагмент правой лопаточной кости косули*	AGE-3	MICADAS-28	8603 ± 42	9690–9490	GV-4321
2		Фрагмент правой берцовой кости косули*	AGE-3	MICADAS-28	8604 ± 43	9690–9490	GV-4322
Усть-Кова							
3	Раскоп 2 (2011 г.). Культурный слой 2	Фрагмент большой берцовой кости благородного / северного оленя*	ACS	УМС ИЯФ	8711 ± 95	10140–9530	GV-1817
4	Раскоп 2 (2011 г.). Культурный слой 2	Вторая фаланга северного оленя (?) **	KPZn	УМС ИЯФ	20933 ± 299	25880–24380	NskA-893
5	Раскоп 2 (2011 г.). Культурный слой 2Б	Фрагмент трубчатой кости северного оленя**	KPZn	УМС ИЯФ	23766 ± 252	28610–27440	NskA-896
Усть-Кова I							
6	Раскоп 2 (2010 г.). Культурный слой 2	Фрагмент кости млекопитающего**	KPZn	УМС ИЯФ	370 ± 62	520–300	NskA-894
7	Раскоп 1 (2009 г.). Культурный слой 2	Вторая фаланга лося**	KPZn	УМС ИЯФ	1309 ± 64	1350–1070	NskA-895
8	Раскоп 1 (2009 г.). Культурный слой 2	Фрагмент третьей фаланги лося*	ACS	УМС ИЯФ	1464 ± 65	1520–1280	GV-1818

Примечания:

* Определение А. М. Клементьева, ** определение авторов раскопок.

Все датировки получены методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС). Химическую пробоподготовку всех образцов, включающую очистку и выделение коллагена (без ультрафильтрации), проводили в лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геохронология кайнозоя» ИАЭТ СО РАН, остальные процедуры — в лабораториях НГУ и ИЯФ СО РАН. Процесс зауглероживания, или так называемую графитизацию, который заключается в сжигании вещества (коллагена), выделении CO₂ из смеси газов и восстановлении его до элементарного углерода, проводили различными способами. Образцы 1, 2 — CHNS-методом на швейцарском графитизаторе AGE-3 [Wacker, Němec, Bourquin, 2010], образцы 3, 8 — абсорбционно-кatalитическим способом на российском ACS [Lysikov, Kalinkin, Sashkina, Okunev, Parkhomchuk, Rastigeev, Parkhomchuk, Kuleshov, Vorobyeva, Dralyuk, 2018], образцы 4–7 — криогенной ректификацией CO₂ и графитизацией на Zn (KPZn). Последующий УМС-анализ полученных графитов проводили на двух установках УМС: образцы 1, 2 — на швейцарском комплексе УМС MICADAS [Synal, Stocker, Suter, 2007], образцы 3–8 — на российской уникальной установке УМС ИЯФ СО РАН [Parkhomchuk, Rastigeev, 2011].

С 2020 г. перечисленные ресурсы по графитизации и УМС объединены в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия Новосибирского государственного университета и Новосибирского научного центра» («AMS Golden Valley», индекс — «GV») [Пархомчук, Петрожицкий, Игнатов, Пархомчук, 2022]. Сравнение двух типов графитизаторов — AGE-3 и ACS и двух типов УМС — УНУ УМС ИЯФ и MICADAS — проведено на образцах кросс-теста GIRI [Petrozhitskiy, Parkhomchuk, Ignatov, Kuleshov, Kutnyakova, Konstantinov, Parkhomchuk, 2024].

Калибровка полученного ¹⁴C возраста выполнена в программе OxCal 4.4 [Bronk Ramsey, 2009] с использованием кривой IntCal20 [Reimer, Austin, Bard, Bayliss, Blackwell, Bronk Ramsey, Butzin, Cheng, Edwards, Friedrich, Grootes, Guilderson, Hajdas, Heaton, Hogg, Hughen, Kromer, Manning, Muscheler, Palmer, Pearson, van der Plicht, Reimer, Richards, Scott, Southon, Turney, Wacker, Adolphi, Büntgen, Capron, Fahrni, Fogtmann-Schulz, Friedrich, Köhler, Kudsk, Miyake, Olsen, Reinig, Sakamoto, Sookdeo, Talamo, 2020]. Календарные даты рассчитаны по 2 σ (вероятность 95,4%) и округлены до ближайших 10 лет.

Археологический контекст

Развернутые стационарные исследования стоянки Усть-Карабула велись в 1982–1985 гг. и 2008 г. силами Красноярского краевого краеведческого музея (руководитель — Н. П. Макаров) [Макаров, 2013]. В 2022 г. уточняющие разведочные работы на памятнике проводились экспедицией АНО «Археологическое исследование Сибири» (руководители — Д. А. Гурулёв, В. В. Битяев).

Памятник приурочен к ангарской надпойменной террасе с относительной высотой 14–18 м над урезом Ангары и правому приустьевому мысу р. Карабулы, плавно понижающемуся до уровня высокой поймы высотой 4–5 м (рис. 2–1).

Для разных участков памятника отмечены отличия условий залегания и состава культурного слоя. Наиболее подробно изучена средняя часть мыса (высота 7–9 м), где были заложены раскоп 1 1982–1985 гг. и зачистка-врезка 1 2022 г. (прирезка к северо-западному окончанию раскопа).

Рис. 2. Стоянка Усть-Карабула: 1 – общий вид приусьевой части памятника (вид с севера) (фото); 2 – стратиграфический профиль северо-западной стенки зачистки-врезки 1 2022 г. (фото); 3 – пластинка с ретушью; 4 – резец

Fig. 2. Ust-Karabula site: 1 – general view of the estuary part of the site (view from the north) (photograph); 2 – stratigraphical section of the north-western wall of scraping pit 1, 2022 (photograph); 3 – retouched bladelet; 4 – burin

Культурные остатки здесь были приурочены к мощной (около одного метра), сильно гумусированной аллювиальной почве, подстилаемой стерильным речным песком [Макаров, 2013: 131]. Культурный слой фиксировался по всей мощности почвы. В ходе работ 1980-х гг. он разбирался пятью условными горизонтами. В наиболее низкой северо-западной части отмечено разделение почвы стерильными речными наносами [Макаров, 2013: 131].

Мезолитический комплекс на стоянке Усть-Карабула ранее не выделяли. Начальный этап функционирования стоянки связывали с ранним неолитом [Макаров, 2013: 148]. Вывод был сделан на основании аналогий керамике нижнего, пятого условного культурного горизонта (посольская и «сетчатая»). Абсолютное датирование не проводилось.

В 2022 г. в зачистке-врезке¹ вскрыт следующий разрез (рис. 2.-2):

0. Дерново-растительный слой. Мощность — 0,02–0,03 м.

1. Гумусированная черная супесь, легкая. Слой с включениями гальки и бытового мусора в верхней части. Мощность — 0,13–0,28 м. Слой представляет собой преобразованный современным почвообразованием отвал раскопа 1 1982–1985 гг., а в основании погребенный им гумусовый почвенный горизонт.

2. Темно-серый мелкозернистый песок, плотный. Слой с включением гальки и мелких валунов содержит примесь черной супеси. Мощность — 0,10–0,25 м.

3. Черная гумусированная супесь, плотная. Слой разбивается на две неравные части неясным, прерывистым прослоем темно-серого песка (0,04–0,06 м). Мощность верхней части (3.1) не выдержанна, составляет около 0,10–0,40 м, нижней (3.2) — около 0,55–0,60 м. Нижняя часть имеет более темную окраску. Слой с включениями рассеянных угольков и гальки. Мощность — 0,74–0,90 м.

4. Коричневый мелкозернистый песок, легкий. Слой с включением гальки и валунов. Видимая мощность — до 0,20 м.

На площади изученной зачисткой-врезкой 1 культурные остатки залегали в слоях 1–3. Наиболее поздние находки слоя 1 связаны с эпохой Средневековья. В нижней части плохо дифференцированного слоя 3 преимущественно обнаружены стратиграфически нерасчленимые материалы неолитического времени. По высотному положению был условно выделен нижний горизонт находок (5–10 см), не содержащий керамики. Коллекцию данного уровня составляют 59 предметов: продукты дебитажа (33 ед.), орудия и изделия из камня (5 ед.) и фаунистические остатки (21 ед.).

Каменные предметы выполнены из тонкозернистых ороговикованных пород (31 ед.), полупрозрачного сине-коричневого (5 ед.) и бело-желтого (1 ед.) халцедонов, а также темно-красного кварцита (1 ед.). Дебитаж включает сколы подправки площадок микронуклеусов (2 ед.), отщепы (12 ед.) и пластинчатые снятия — пластиинки (ширина 6–12 мм) (15 ед.) и пластины (> 12 мм) (4 ед.). Пластинчатые снятия имеют продольную огранку, только два из них краевые — с участками естественной поверхности и негативов поперечных сколов оформления ядра. На трех пластиинках отмечены следы краевой утилизационной (?) выкрошенности.

Орудийный набор включает обломок обработанной пластиинки и два резца. Пластиинка (рис. 2.-3) представлена медиальным фрагментом, с боковых краев модифицирована встречной плоской параллельной ретушью, доходящей до середины дорсального фаса. На одном крае — участок краевой выкрошенности. Первый резец — боковой двойной, изготовлен на фрагменте пластиинчатого скола (рис. 2.-4). Площадка выполнена поперечным сколом и подправлена мелкой ретушью. Образованная резцовым сколом боковая кромка с одной из сторон занята фасетками протяженной чешуйчатой выкро-

¹ Относительная высота в месте закладки вскрытия 7,5 м.

шенности. Основание орудия подправлено отвесной дорсальной ретушью. Второй ре-зец — угловой, выполнен на пластинчатом отщепе, с небольшой серией (2–3 шт.) рез-цовых сколов. К неоконченным изделиям, очевидно, относятся крупные отщеп и об-ломок гальки с негативами нерегулярной мелкоотщеповой обивки.

Определенная часть остеологической коллекции (10 ед.) горизонта принадлежит ко-суле (плечевая, лопаточная и берцовая кости). Одиночно представлены остатки неопре-делимых до вида среднего и крупного копытных.

На стоянке Усть-Кова с конца 1970-х гг. и вплоть до начала 2000-х гг. масштаб-ные раскопочные работы проводились силами КГПИ (руководители — Н. И. Дроздов, В. П. Леонтьев, Е. В. Акимова и др.) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 77–91; Дроздов, Чеха, Лаухин, Кольцова, Акимова, Ермолаев, Леонтьев, Васильев, Ямских, Де-миденко, Артемьев, Викулов, Бокарев, Форонова, Сидорас, 1990: 147–178]. Последний этап исследования стоянки 2008–2011 гг. (руководители — Г. И. Медведев, Е. А. Липни-на, Е. О. Роговской, В. П. Леонтьев, Е. В. Артемьев, А. С. Вдовин, Е. А. Акимова, Е. А. То-милова) был инициирован подготовкой к затоплению ложа водохранилища Богучан-ской ГЭС [Деревянко, Цыбанков, Постнов, Славинский, Выборнов, Зольников, Деев, Присекайло, Марковский, Дудко, 2015: 180–187; Акимова, Томилова, Горельченкова, Кукса, Махлаева, Стасюк, Харевич, 2011; Акимова, Кукса, Стасюк, Томилова, Харевич, Мотузко, 2014].

Памятник приурочен к левобережной надпойменной террасе Ангары высотой 14–17 м, выше устья Ковы. Стоянка многослойная и включает материалы от позднего па-леолита до Нового времени. В обобщенном виде разрез верхней части культуросодер-жащих отложений представлен двухчастным профилем современной полноразвитой почвы супесчано-суглинистого состава. Он разделяется на гумусовый (культурный слой 1) и иллювиальный (культурный слой 2) горизонты, включающие материалы нео-лита — эпохи Средневековья. В раскопе 2 2011 г. также был выделен культурный слой 2Б, приуроченный к нижележащему, переходному к материиковым отложениям поч-венному уровню. На значительной площади культуроммещающие отложения наруше-ны деревенскими постройками и распашкой. В подстилающей их солифлюцированной и криотурбированной пачке покровных отложений залегали палеолитические материа-лы позднекаргинского (МИС 3) и сартанского (МИС 2) времени (культурный слой 3). Возраст культурных слоев 2 и 3 был определен на основании представительной серии (более 20) радиоуглеродных датировок.

Отдельно указывалось на нахождение немногочисленных мезолитических находок (микроскрепки, небольшие пластины, клиновидные микронуклеусы) в прослое суглин-ка, занимающего промежуточное положение между культурными слоями 2 и 3 [Дроздов, 1981: 13; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 78, 81]. Материалы не были по-дробно охарактеризованы и выделены в отдельный культурный слой. Радиоуглерод-ных датировок раннеголоценового возраста получено не было.

Стоянка Усть-Кова I в конце 1970-х — 1980-е гг. также исследовалась экспедицией КГПИ (руководитель — Н. И. Дроздов) [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 92–101]. В 2008–2011 гг. раскопки проводились отрядами Богучанской археологической экспе-диции (руководители — И. В. Стасюк, Е. А. Томилова, В. М. Харевич) [Деревянко, Цы-

банков, Постнов, Славинский, Выборнов, Зольников, Деев, Присекайло, Марковский, Дудко, 2015: 187–190; Томилова, Стасюк, Акимова, Кукса, Махлаева, Горельченкова, Харевич, Орешников, 2014].

Стоянка приурочена к покровным отложениям приустьевой террасы Ковы высотой 10–12 м. На памятнике выделено два основных культурных слоя (1 и 2) и промежуточный, имеющий локальное распространение, слой 1А. Переотложенный слой 1 сформирован распашкой и включал смешанные материалы мезолита — Нового времени. Неподтверждённый пахотой слой 1А приурочен к линзовидным прослойям серого песка и включал немногочисленный археологический материал. По результатам первого этапа работ он был датирован ранним неолитом [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 95, 139]. Мезолитический культурный слой 2 включен в подстилающий их красно-коричневый суглинок. Имеется единственная ^{14}C дата по образцам угля из слоя — 7225 лет назад (КРИЛ-378). Отмечалось, что по культурному слою было сделано несколько датировок, которые были оценены как омоложенные [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 137].

Результаты

С целью установления времени начала накопления культурного слоя на стоянке Усть-Карабула из зачистки-врезки 1 были отобраны два образца для радиоуглеродного датирования. Оба образца, принадлежащие косуле, залегали в зоне контакта слоев 3 и 4 (рис. 2.-2) (нижний горизонт находок). В результате были получены практически идентичные даты (табл. 1.-1, 2), соответствующие второй четверти VIII тыс. до н. э.

Датирование стоянки Усть-Кова было направлено на определение возраста неолитических культурных слоев 2 и 2Б раскопа 2 2011 г. [Акимова, Томилова, Горельченкова, Кукса, Махлаева, Стасюк, Харевич, 2011]. Были отобраны три кости оленей (табл. 1, 3–5). Связь образцов с тем или иным комплексом находок по уровню залегания или планиграфическому положению не прослеживалась. Полученные результаты оказались весьма неожиданными и не соответствующими составу коллекции. Возраст одной кости из слоя 2 (табл. 1.-3) оказался раннеголоценовым, в интервале конца IX — первой половины VIII тыс. до н. э. Две другие датировки (слои 2 и 2Б) (табл. 1.-4, 5) соответствуют раннему этапу сартанского похолодания (LGM).

С расширением круга источников по мезолиту Нижней Ангары в 2010-х гг. более остро встал вопрос возраста мезолита Усть-Ковы I. В связи с этим было предпринято датирование комплекса радиоуглеродным методом. В ходе работ 2008–2011 гг. практически не было обнаружено органических материалов, применимых для датирования. Собрano всего лишь около 10 костей, происходящих, согласно полевой документации, из второго культурного слоя.

Первоначально были датированы два образца, идентифицированные авторами раскопок как фрагмент кости млекопитающего и вторая фаланга лося. В результате был установлен их крайне молодой возраст в районе рубежа Средневековья — Нового времени (середина II тыс. н. э.) (табл. 1.-6) и раннего Средневековья (вторая половина I тыс. н. э.) (табл. 1.-7).

В последующем, в оставшейся коллекции кандидатом географических наук А. М. Клементьевым были определены остатки коровы, домашних барана и лошади, неопределен-

мых до вида копытных, и фрагмент третьей фаланги лося. Была сделана еще одна датировка по фаланге лося. По характеру сохранности и видовой принадлежности она рассматривалась как наиболее вероятно относящаяся к раннеголоценовому комплексу. Однако по результатам датирования ее возраст так же оказался раннесредневековым (середина I тыс. н. э.) (табл. 1.-8).

Обсуждение результатов

Результаты работ показывают, что начальный этап функционирования стоянки Усть-Карабула относится к мезолиту. Материалы этого времени залегают в основании культурной слоя на приусыевом мысе и могут быть лишь условно отделены от вышележащих неолитических находок.

Новые датировки со стоянки Усть-Кова, с одной стороны, подтверждают контактное залегание на отдельных участках предметов неолитического и палеолитического раннесартанского комплексов [Акимова, Кукса, Стасюк, Томилова, Харевич, Мотузко, 2014: 259, 263], а, с другой — указывают на нахождение на этом же уровне материалов раннего голоцена. Невозможность контекстуально связать датированную кость с каким-либо комплексом находок не позволяет уверенно говорить об отдельном раннеголоценовом эпизоде обитания. Также не исключаются возможности попадания остатков оленя в отложения естественным путем, их переноса в результате антропогенных нарушений или ошибки единственной датировки. В то же время, учитывая наблюдения 1970–1980-х гг., можно предполагать наличие на стоянке мезолитического компонента.

Рассмотренные ситуации, несмотря на принципиальные различия почвенно-геологических условий, демонстрируют общие сложности в вычленении мезолитических комплексов в многокомпонентном культурном слое. В долине нижнего течения Ангары, как и в целом по территории юга Средней Сибири [Бердников, Бердникова, Воробьева, Роговской, Клементьев, Уланов, Лохов, Дударёк, Новосельцева, Соколова, 2014: 59–61], мезолитические объекты фиксируются в двух ситуациях: в отложениях поймы и покровных осадках надпойменных террас.

Активное ритмичное (чередование циклов отложения аллювия и почвообразования) накопление пойменных отложений более благоприятно для формирования стратиграфически обособленных, относительно кратковременных комплексов культурных остатков. Подобные мезолитические комплексы в регионе отмечены, в частности, на стоянках Остров Лиственичный [Kuznetsov, Rogovskoi, Klementiev, Mamontov, 2022] и Усть-Ёдарма II [Лохов, Липнина, Дударёк, 2023]. В приводимом профиле стоянки Усть-Карабула разделение нижней части культуроммещающей пачки (слой 3) проявляется в виде слабо выраженных малогумусовых прослоев, маркирующих эпизоды более активной аллювиальной аккумуляции. Можно надеяться, что на более низких участках поймы, где осадконакопление должно было протекать более активно, возможно обнаружение стратиграфически обособленного, «чистого» мезолитического комплекса.

Для памятников на надпойменных уровнях выделение мезолитических артефактов из плохо дифференцированных и «спрессованных» культурных слоев нижней и средней частей профиля полноразвитых почв еще более проблематично. Подобные условия залегания в целом типичны для археологических памятников юга Средней Сиби-

ри [Бердников, Бердникова, Воробьева, Роговской, Клементьев, Уланов, Лохов, Дударёк, Новосельцева, Соколова, 2014: 60]. Примеры исследований в Нижнем Приангарье, где в таких условиях удалось выделить мезолитические комплексы, единичны (Ручей Дубинский I, Отико II). Стоит предполагать, что с отсутствием исследовательского фокуса к данной проблеме и выстроенной в соответствии с этим методики полевых и камеральных работ отчасти и связана малочисленность известных мезолитических памятников в регионе. Ситуация дополнительно осложняется общей близостью облика мезолитических и неолитических каменных индустрий, а также отсутствием надежных сырьевых и морфологических маркеров мезолита. Большую исследовательскую роль могли бы сыграть однослойные раннеголоценовые объекты, однако потенциально к таковым относятся только два памятника в приустьевой части Ангары — стоянки Высотина 1 и 2 [Фокин, 2002].

Полученные на стоянке Усть-Кова I датировки документируют отдельные включения в мезолитический культурный слой материалов раннего Средневековья и Нового времени. Проникновение, наиболее вероятно, связано с пертурбациями верхней части отложений памятника в ходе механических нарушений (распашки, раскорчевки леса, деятельности почвенной биоты и пр.). По итогам можно констатировать отсутствие в изученном в 2008–2011 гг. слое костных остатков, которые можно было бы связать с мезолитическим комплексом находок. Схожая ситуация была отмечена и в ходе работ 1970–1980-х гг. Тогда, как непосредственно связанные с культурным слоем, указывались только кости рыб и трубчатые кости небольшого животного [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 95, 97]. Была отмечена очень плохая, вплоть до невозможности извлечения, сохранность кости.

Отсутствие в изученном на столь значительной площади (более 3000 м²) стояночном культурном слое костных остатков вряд ли может быть объяснено их изначальным отсутствием. Наиболее вероятно, что кость не сохранилась по причине неблагоприятных тафономических факторов (длительная экспозиция и склоновое переотложение?) и почвенно-химических условий. Ввиду того, что памятник полностью затоплен, определить в будущем возраст мезолитического комплекса радиоуглеродным методом будет невозможно.

Заключение

Одной из источниковедческих проблем мезолитоведения Нижней Ангары является вычленение раннеголоценовых материалов на памятниках с многокомпонентным компрессионным культурным слоем. Ввиду отсутствия однозначных и «работающих» на небольших выборках морфологических и сырьевых признаков мезолитических индустрий, за исключением отдельных специфичных изделий (тесла с перехватом, резцы-дриль), они оказываются неотличимы от материалов более позднего времени. Для выделения отдельных комплексов, в целом, необходимо обратить особое внимание на палеографическую и микростратиграфическую структуру культурного слоя. Ключевое значение может сыграть серийное радиоуглеродное датирование, позволяющее обозначить наличие мезолитических материалов и, в соответствии с этим, скорректировать методику последующих полевых и камеральных исследований. Фактором, ограничивающим применение данного подхода, однако, зачастую выступает отсутствие необходимости

мых образцов для датирования. Их наличие в культурном слое напрямую зависит от тафономических условий его накопления и характера вмещающей почвенной среды.

Благодарности и финансирование

Авторы выражают благодарность А. М. Клементьеву за определение палеонтологической коллекции, всем авторам раскопок памятников Усть-Ковинского ансамбля за возможность работы с материалами и консультацию, а также сотрудникам ИАЭТ СО РАН, ИЯФ СО РАН и НГУ, проводившим пробоподготовку и радиоуглеродный анализ образцов.

Исследование проведено при поддержке проекта РФФИ № 21-59-93002 «Распространение микропластиначатой технологии расщепления в регионах Шелкового пути».

Acknowledgements and funding

The authors thank Candidate of Sciences (Geography) Alexey M. Klementiev for identifying the paleontological collection, all the authors of excavations of Ust-Kova ensemble sites for the opportunity to work with materials and consultations, as well as employees of the IAET SB RAS, BINP SB RAS and NSU who carried out sample preparation and radiocarbon analysis.

The research was carried out under RFBR project No. 21-59-93002 «The spread of microblade technology along the prehistoric Silk Road».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М., Мотузко А. Н. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2014. С. 256–264.

Акимова Е. В., Томилова Е. А., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Стасюк И. В., Харевич В. М. Раскопки многослойного поселения Усть-Кова в 2011 году (неолитические горизонты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 359–364.

Бердников И. М., Бердникова Н. Е., Воробьева Г. А., Роговской Е. О., Клементьев А. М., Уланов И. В., Лохов Д. Н., Дударёк С. П., Новосельцева В. М., Соколова Н. Б. Геоархеологические комплексы раннего голоцен на юге Средней Сибири. Оценка данных и перспективы исследований // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 46–76.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск : Наука, 1988. 224 с.

Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.

Дроздов Н. И. Каменный век Северного Приангарья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 21 с.

Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А., Кольцова В. Г., Акимова Е. В., Ермолаев А. В., Леонтьев В. П., Васильев С. А., Ямских А. Ф., Демиденко Г. А., Артемьев Е. В., Вику-

лов А. А., Бокарев А. А., Форонова И. В., Сидорас С. Д. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Экскурсия № 2. Путеводитель Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)»: к XIII Конгрессу ИНКВА. Новосибирск : Наука, 1990. 184 с.

Лохов Д. Н., Липнина Е. А., Дударёк С. П. Усть-Ёдарма II — опорное многослойное геоархеологическое местонахождение в Северном Приангарье (по результатам работ 2009–2012 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2023. Т. 44. С. 20–86. DOI: 10.26516/2227-2380.2023.44.20

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск : КККМ, 2013. С. 130–175.

Мезолит Верхнего Приангарья. Часть I. Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1971. 243 с.

Пархомчук В. В., Петрожицкий А. В., Игнатов М. М., Пархомчук Е. В. Центр коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ» // Сибирский физический журнал. 2022. Т. 17. № 3. С. 89–101. DOI: 10.25205/2541-9447-2022-17-3-89-101.

Томилова Е. А., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Горельченко О. А., Харевич В. М., Орешников И. А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследований 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 82–99.

Фокин С. М., Быкова М. В. Исследования в устье Ангары // Археологические открытия 2004 года. М. : Наука, 2005. С. 498–499.

Фокин С. М. Результаты разведки 2001 г. в приустьевом участке р. Ангара // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Материалы XLII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 207–208.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51. Is. 1. P. 337–360. DOI: 10.2458/azu_js_rc. 51.3494.

Kuznetsov A. M., Rogovskoi E. O., Klementiev A. M., Mamontov A. M. North Angara Early Holocene hunter — gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy // Archaeological Research in Asia. 2022. Vol. 31. P. 1–25 (in English). DOI: 10.1016/j.ara. 2022.100369.

Lysikov A. I., Kalinkin P. N., Sashkina K. A., Okunev A. G., Parkhomchuk E. V., Rastigeev S. A., Parkhomchuk V. V., Kuleshov D. V., Vorobyeva E. E., Dralyuk R. I. Novel simplified absorption-catalytic method of sample preparation for AMS analysis designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok // International Journal of Mass Spectrometry. 2018. Vol. 433. P. 11–18 (in English). DOI: 10.1016/j.ijms. 2018.08.003.

Parkhomchuk E. V., Petrozhitskiy A. V., Ignatov M. M., Kuleshov D. V., Lysikov A. I., Okunev A. G., Babina K. A., Parkhomchuk V. V. ^{14}C GIRI samples in AMS Golden Valley: graphite preparation using AGE-3 and Absorption-catalytic setup // Radiocarbon. 2024 (in English).

Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A. Accelerator mass spectrometer of the Center for Collective Use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences // Journal of Surface Investigation. 2011. Vol. 5. Is. 6. P. 1068–1072 (in English). DOI: 10.1134/S1027451011110140.

Petrozhitskiy A. V., Parkhomchuk E. V., Ignatov M. M., Kuleshov D. V., Kutnyakova L. A., Konstantinov E. S., Parkhomchuk V. V. Comparative features of BINP AMS and MICADAS facilities working at AMS Golden Valley, Russia // Radiocarbon. 2024. P. 1–10 (in English). DOI: 10.1017/RDC.2024.4

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62. Is. 4. P. 725–757 (in English). DOI: 10.1017/RDC.2020.41.

Synal H.-A., Stocker M., Suter M. MICADAS: A new compact radiocarbon AMS system // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms. 2007. Vol. 259. Is. 1. P. 7–13 (in English). DOI: 10.1016/J.NIMB.2007.01.138.

Wacker L., Němec M., Bourquin J. A revolutionary graphitisation system: Fully automated, compact and simple // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms. 2010. Vol. 268. Is. 7–8. P. 931–934 (in English). DOI: 10.1016/J.NIMB.2009.10.067.

REFERENCES

Akimova E. V., Kuksa E. N., Stasyuk I. V., Tomilova E. A., Kharevich V. M., Motuzko A. N. Poslednie raskopki paleoliticheskoi stoyanki Ust' — Kova v Severnom Priangar'e [The latest excavations of the Paleolithic site Ust-Kova in the Northern Angara region]. *Verkhniy paleolit Severnoi Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii* [The Upper Paleolithic of Northern Eurasia and America: sites, cultures, traditions]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2014. P. 256–264 (in Russian).

Akimova E. V., Tomilova E. A., Gorel'chenkova O. A., Kuksa E. N., Makhlaeva Yu. M., Stasyuk I. V., Kharevich V. M. Raskopki mnogosloinogo poseleniya Ust' — Kova v 2011 godu (neoliticheskie gorizonty) [Excavations of the multi-layer site Ust-Kova in 2011 (Neolithic horizons)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk: IAEt SB RAS Publ., 2011, vol. 17. P. 359–364 (in Russian).

Berdnikov I. M., Berdnikova N. E., Vorobyova G. A., Rogovskoi E. O., Klement'ev A. M., Ulanov I. V., Lokhov D. N., Dudaryok S. P., Novosel'tseva V. M., Sokolova N. B. Geoarkheologicheskie kompleksy rannego golotsena na yuge Srednei Sibiri. Otsenka dannykh i perspektivy issledovanii [Geoarchaeological Complexes of Early Holocene in the South of Middle Siberia. Data evaluation and research prospects]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Bulletin of the Irkutsk

State university. Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series]. 2014, vol. 9. P. 46–76 (in Russian).

Derevyanko A. P., Tsybankov A. A., Postnov A. V., Slavinskii V. S., Vybornov A. V., Zol'nikov I. D., Deev E. V., Prisekailo A. A., Markovskii G. I., Dudko A. A. *Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovanii (2007–2012 gody)* [Boguchany archaeological expedition: essay on field research (2007–2012)]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 564 p. (in Russian).

Drozdov N. I. *Kamennyi vek Severnogo Priangar'ya. Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [Stone Age of the Northern Angara region. Abstract of Thesis Cand. Hist. Sci]. Novosibirsk, 1981, 21 p. (in Russian).

Drozdov N. I., Chekha V. P., Laukhin S. A., Kol'tsova V. G., Akimova E. V., Ermolaev A. V., Leont'ev V. P., Vasil'ev S. A., Yamskikh A. F., Demidenko G. A., Artem'ev E. V., Vikulov A. A., Bokarev A. A., Foronova I. V., Sidoras S. D. *Khronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Srednei Sibiri (bassein Eniseya). Ekskursiya № 2. Putevoditel' Mezdunarodnogo simpoziuma «Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentral'noi, Vostochnoi Azii i Ameriki (paleoekologicheskii aspect)»: k KhIII Kongressu INKVA* [Chronostratigraphy of Paleolithic sites of Central Siberia (Yenisei basin). Excursion No. 2. Guide to the International Symposium «Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central, East Asia and America (paleoecological aspect)»: for the XIII INQVA Congress]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 184 p. (in Russian).

Fokin S. M. Rezul'taty razvedki 2001 g. v priust'evom uchastke r. Angara [Results of archaeological survey in 2001 in the mouth area of the Angara River]. *Kul'turologiya i istoriya drevnikh i sovremennykh obshchestv Sibiri i Dal'nego Vostoka. Materialy XLII Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii* [Culturology and history of ancient and modern societies of Siberia and the Far East. Proc. of the XLII Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference]. Omsk: OSPU Publ., 2002. P. 207–208 (in Russian).

Fokin S. M., Bykova M. V. Issledovaniya v ust'e Angary [Survey at the mouth of the Angara]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2004 goda* [Archaeological discoveries of 2004]. Moscow: Nauka Publ., 2005. P. 498–499 (in Russian).

Lokhov D. N., Lipnina E. A., Dudaryok S. P. Ust' — Yodarma II — opornoe mnogosloinoe geoarkheologicheskoe mestonakhozhdenie v Severnom Priangar'e (po rezul'tatam rabot 2009–2012 gg.) [Ust-Yodarma 2 — a Reference Multilayered Geoarchaeological Site in the Northern Angara Region (Based on the Results of Work in 2009–2012)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Bulletin of the Irkutsk State university. Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series]. 2023, vol. 44. P. 20–86 (in Russian). DOI: 10.26516/2227-2380.2023.44.20.

Makarov N. P. Stoyanka Ust' — Karabula i voprosy arkheologii Severnogo Priangar'ya [The Ust-Karabula site and issues of archeology of the Northern Angara region]. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnosti Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological research of antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoyarsk, KRMLL Publ., 2013. P. 130–175 (in Russian).

Mezolit Verkhnego Priangar'ya. Chast' I. Pamyatniki Angaro-Bel'skogo i Angaro-Idinskogo raionov [Mesolithic of the Upper Angara region. Part I. Sites of the Angaro-Belsky and Angaro-Idinsky areas]. Irkutsk: ISU Publ., 1971, 243 p. (in Russian).

Parkhomchuk V. V., Petrozhitskii A. V., Ignatov M. M., Parkhomchuk E. V. Tsentr kollektivnogo pol'zovaniya «Uskoritel'naya mass-spektrometriya NGU-NNTs» [Accelerator Mass Spectrometry «Golden Valley】]. *Sibirskii fizicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Physics]. 2022, vol. 17, no. 3. P. 89–101 (in Russian). DOI: 10.25205/2541-9447-2022-17-3-89-101.

Tomilova E. A., Stasyuk I. V., Akimova E. V., Kuksa E. N., Makhlaeva Yu. M., Gorel'chenkova O. A., Kharevich V. M., Oreshnikov I. A. Mnogosloinaya stoyanka Ust' — Kova I v Severnom Priangar'e: itogi issledovanii 2008–2011 gg. [Mesolithic Site Ust' — Kova I in the Northern Angara Region: Investigation Results of 2008–2011]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya»* [Bulletin of the Irkutsk State university. Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series]. 2014, vol. 8. P. 82–99 (in Russian).

Vasil'evskii R. S., Burilov V. V., Drozdov N. I. *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya* [Archaeological sites of the Northern Angara region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988, 224 p. (in Russian).

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*. 2009, vol. 51, is. 1. P. 337–360 (in English). DOI: 10.2458/azu_js_rc. 51.3494.

Kuznetsov A. M., Rogovskoi E. O., Klementiev A. M., Mamontov A. M. North Angara Early Holocene hunter — gatherers: Archaeological evidence of the collector strategy. *Archaeological Research in Asia*. 2022, vol. 31. P. 1–25 (in English). DOI: 10.1016/j.ara. 2022.100369.

Lysikov A. I., Kalinkin P. N., Sashkina K. A., Okunev A. G., Parkhomchuk E. V., Rastigeev S. A., Parkhomchuk V. V., Kuleshov D. V., Vorobyeva E. E., Dralyuk R. I. Novel simplified absorption-catalytic method of sample preparation for AMS analysis designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok. *International Journal of Mass Spectrometry*. 2018, vol. 433. P. 11–18 (in English). DOI: 10.1016/j.ijms. 2018.08.003.

Parkhomchuk E. V., Petrozhitskiy A. V., Ignatov M. M., Kuleshov D. V., Lysikov A. I., Okunev A. G., Babina K. A., Parkhomchuk V. V. ^{14}C GIRI samples in AMS Golden Valley: graphite preparation using AGE-3 and Absorption-catalytic setup. *Radiocarbon*. 2024, published online. P. 1–11 (in English). DOI: 10.1017/RDC. 2024.46.

Parkhomchuk V. V., Rastigeev S. A. Accelerator mass spectrometer of the Center for Collective Use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Journal of Surface Investigation*. 2011, vol. 5, is. 6. P. 1068–1072 (in English). DOI: 10.1134/S102745101110140.

Petrozhitskiy A. V., Parkhomchuk E. V., Ignatov M. M., Kuleshov D. V., Kutnyakova L. A., Konstantinov E. S., Parkhomchuk V. V. Comparative features of BINP AMS and MICADAS facilities working at AMS Golden Valley, Russia. *Radiocarbon*. 2024. P. 1–10 (in English). DOI: 10.1017/RDC. 2024.4.

Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capone M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere

radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*. 2020, vol. 62, is. 4. P. 725–757 (in English). DOI: 10.1017/RDC.2020.41.

Synal H.-A., Stocker M., Suter M. MICADAS: A new compact radiocarbon AMS system. *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms*. 2007, vol. 259, is. 1. P. 7–13 (in English). DOI: 10.1016/J.NIMB.2007.01.138.

Wacker L., Němec M., Bourquin J. A revolutionary graphitisation system: Fully automated, compact and simple. *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms*. 2010, vol. 268, is. 7–8. P. 931–934 (in English). DOI: 10.1016/J.NIMB.2009.10.067.

Статья поступила в редакцию: 16.04.2024

Принята к публикации: 28.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 902

DOI 10.14258/nreur(2024)3–04

М. А. Стоякин

Институт культурного наследия Кореи, Тэджон (РК)

СТРЕМЕНА КОГУРЁ НА СЕВЕРЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА И МАНЬЧЖУРИИ: ТУПИК ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?

Впервые был собран и проанализирован вещественный комплекс стремян в Когурё. Нами была выделена и рассмотрена подробная типология стремян в этом раннесредневековом государстве, основанная на максимальном привлечении элементов конского снаряжения для анализа. Полученный результат не только демонстрирует ключевые изменения формы и элементов стремян, но и предлагает относительную хронологию на большом временном этапе развития культуры Когурё. С привлечением сравнительного материала из сопредельных территорий Северо-Восточной Азии рассматриваются межкультурные контакты в сфере конского снаряжения. Рассмотрена роль Когурё и его стремян в дальневосточном регионе. Затронута проблема формирования изделий «глухого» типа, которые считались характерными изделиями для Японских островов и юга Корейского полуострова. Выдвигается положение о возможности связи когурёских изделий с пластинчатыми стременами из Центральной Азии. Кроме того, рассмотрены некоторые спорные моменты в отечественной историографии, связанные с пониманием стремян в Когурё.

Ключевые слова: Когурё, Северо-Восточная Азия, Центральная Азия, стремена, конское снаряжение, межкультурные контакты, типология

Для цитирования:

Стоякин М. А. Стремена Когурё на севере Корейского полуострова и Маньчжурии: тупик или эволюция? // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 64–90. DOI 10.14258/nreur(2024)3–04.

M. A. Stoyakin

National Research Institute of Cultural Heritage, Taejon, (South Korea)

KOGURYO STIRRUPS IN THE NORTH REGION OF THE KOREAN PENINSULA AND MANCHURIA: DEADLOCK OR EVOLUTION?

This study offers a comprehensive analysis of stirrups in Koguryo, highlighting their development, technological advancements, and cultural significance within the Far Eastern region. We have established a detailed typology of stirrups from this early medieval state, focusing on the key components of horse equipment for our analysis. The findings not only illustrate significant changes in the shape and design of stirrups but also provide a relative chronology of Koguryo culture's evolution over an extended period. Additionally, our comparative analysis with neighboring territories enhances our understanding of intercultural interactions in horse equipment during this era. The study raises important questions regarding the origins and influences of stirrup designs in Koguryo, particularly by re-evaluating the relationship between Koguryo stirrups and plate stirrups from Central Asia. We also address the formation of the Cover-type stirrups, which are typically associated with the Japanese Islands and the southern Korean Peninsula.

Keywords: Koguryo, Northeast Asia, Central Asia, stirrups, horse equipment, intercultural contacts, typology

For citation:

Stoyakin M. A. Koguryo stirrups in the north region of the Korean Peninsula and Manchuria: deadlock or evolution? Nations and Religions of Eurasia. 2024. Vol. 29, No3. P. 64–90 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–04.

Стоякин Максим Александрович, PhD, научный сотрудник отдела Археологии Института культурного наследия Кореи, Тэджон (РК). **Адрес для контактов:** stake-14@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9558-3533>

Stoyakin Maksim Aleksandrovich, PhD, researcher at Archaeological Heritage Division, National Research Institute of Cultural Heritage; Taejon, South Korea. **Contact address:** stake-14@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9558-3533>

Введение

В многочисленных работах, посвященных истории развития конского снаряжения, повышенное внимание исследователей разных стран уделяется изучению базового элемента — стремян, особенно его раннему этапу становления. Важное место в этом плане занимают изделия из Дальнего Востока [Амброз, 1973; Вайнштейн, Крюков, 1984; Комиссаров, 2006; Кан Инуку, 2006; Ван Теин, 2002; Исахая Наото, 2023]¹.

¹ Приведена только малая часть историографии по интересуемому региону.

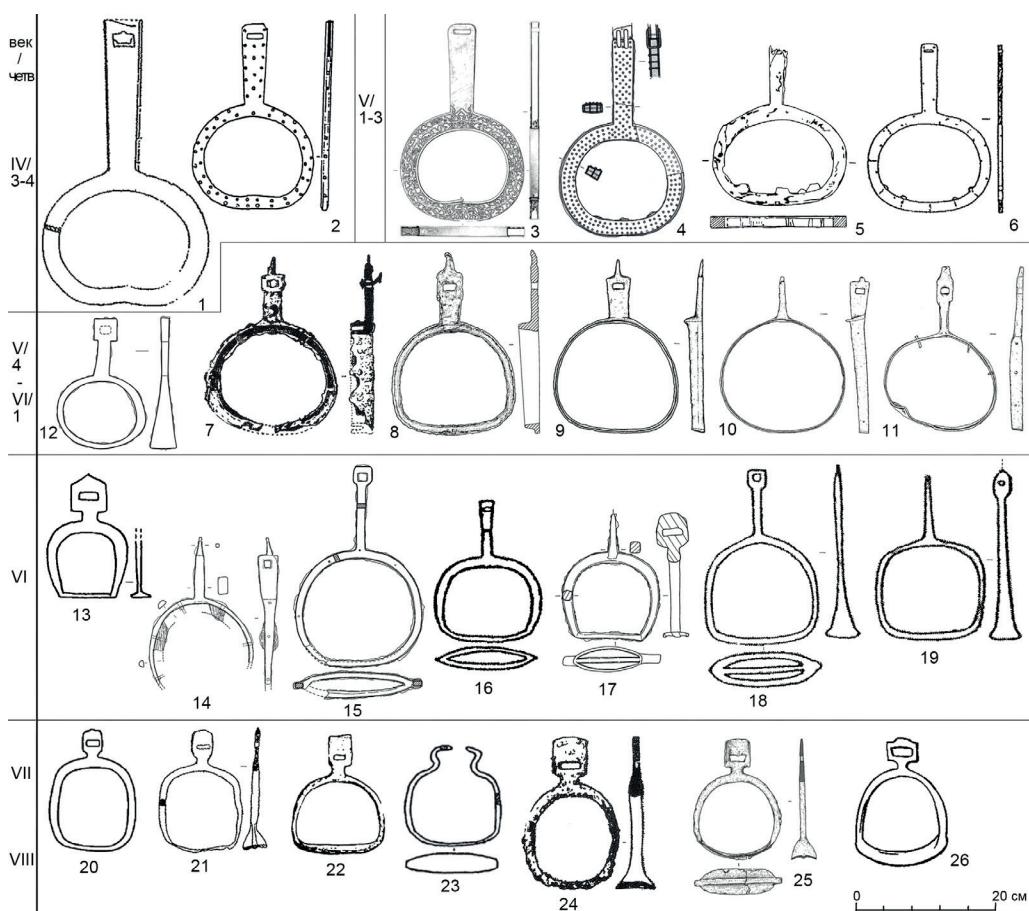

Рис. 1. Стремена из Когурё (2–3, 5–11, 16–19, 21) и сопредельных культур (1, 4, 12–15, 20, 22–26): 1 – Шиэртай 88M1 (1, 16, 18, 19 по: [Чхве Чонхэк, 2020: 339]). 2 – Хильсонсан № 1096 [Чжан Сюэянь, 1979: 30]; 3 – Тэваннын [Институт..., Музей..., 2004: 305]; 4 – Хванамдэчхон [Ли Хёнджон, 2014: 262]; 5 – Чигёндон № 1, стремя № 2; 6 – Манбочжон № 1078 (5 и 6 по: [Гилёв, 2010: 310]); 7 – Дунцин № 1, стремя № 1 (7, 24 по: [Яньбяньский..., 1993: 70]); 8 – Унуй, жил. № 42 (8–11 по: [Институт..., 2004: 164, 217, 173]); 9 – Унуй, подъем.; 10–11 – Унуй, «клад»; 12 – Погребение Северной Вэй [Исахая Наото, 2023: 235]; 13 – Погребение Ли Сяня [Хан Чжаоминь, 1985: 20]; 14 – Тэчхири [Ким Гонсу и др., 2004: 80]; 15 – Погребение Имдан № 2 (сев.) [Ли Хёнджон, 2014: 267]; 16 – Хаэбан; 17 – Ачхасан-4 [Лим Хёджэ и др., 2000: 371]; 18 – Куннэ, больш. стремя; 19 – Куннэ, мал. стремя № 1; 20 – Чаоян, стремя № 1 [Ма Хуэй, 2020: 11]; 21 – Гаэр [Рабочая..., 1964: 616]; 22 – Чалиба [Нестеров, Алкин, 1999: 168]; 23 – Дахаймэн [Музей..., 1987: 144]; 24 – Дунцин № 1, стремя № 2; 25 – Шитайцзы № 4 [Институт..., 2012: 349]; 26 – Цзиань [Лю Хань, 1959: 98]

Fig. 1. Stirrups from Koguryo (2–3, 5–11, 16–19, 21) and neighboring cultures (1, 4, 12–15, 20, 22–26): 1 – Shiertai 88M1 (1, 16, 18–19 by: [Choi Jeongtaek, 2020, p. 339]).

2 – *Jilsongsan* No. 1096 [Zhang Xueyan, 1979, p. 30]; 3 – *Taewangneung* [Jilin..., 2004, p. 305];
 4 – *Hwangnamdaechoeong* (4, 15 by: [Lee Hyeonjeong, 2014, p. 262, 267]); 5 – *Jigyongdong*
 No. 1, stirrup No. 2; 6 – *Manbojeong* No. 1078 (5 and 6 by: [Gilev, 2010, p. 310]).
 7 – *Dongqing* No. 1, stirrup No. 1 (7, 24 by: [Yanbian..., 1993, p. 70]); 8 – *Wunu*, dwel. No. 42
 (8–11 by: [Liaoning..., 2004, p. 164, 217, 173]; 9 – *Wunu*, collect.; 10–11 – *Wunu*, «hoard»;
 12 – *Northern Wei Burial* [Isahaya Naoto, 2023: 235]; 13 – *Li Xian Burial* [Han Zhaomin,
 1985, p. 20]; 14 – *Dechi-ri* [Kim Geonsu et al., 2004, p. 80]; 15 – *Imdang* No. 2 [northern];
 16 – *Hahaeban*; 17 – *Achasan-4* [Lim Hyojae et al., 2000, p. 371]; 18 – *Kunnae, big stirrup*;
 19 – *Kunne, small stirrup* No. 1; 20 – *Chaoyang, stirrup* No. 1 [Ma Hui, 2020, p. 11]; 21 – *Gaoer*
 [Fushun..., 1964, p. 616]; 22 – *Chaliba* [Nesterov, Alkin, 1999, p. 168]; 23 – *Dahaimeng* [Jilin...,
 1987, p. 144]; 24 – *Dongqing* No. 1, stirrup No. 2; 25 – *Shitaizi* No. 4 [Liaoning..., 2012, p. 349];
 26 – *Jian* collect. [Liu Han, 1959, p. 98]

Однако в отечественной историографии закрепились некоторые неправильные сведения о конском снаряжении в Когурё и в целом периоде Трех государств на Корейском полуострове и в Маньчжурии. Это поначалу было вызвано спорной интерпретацией материала учеными Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), на работы которых ссылались первые исследователи. Например, вслед за Р.Ш. Джарылгасиновой [1972: 112], И.Л. Кызласов [1973: 28] следовал за мнением Пак Чинука, что в Когурё присутствовали деревянные округлые и трапециевидные стремена. На самом деле за округлые принимались овальные. А что касается вторых, то на рисунке [Пак Чинук, 1966: 13] находим стремя без пластины, с отверстием для путлища в дужке, т. е. обычное изделие для развитого Средневековья в Евразии. Оно было обнаружено в типичном когурёском погребении Тунгоу № 12 с фреской IV–V вв., т. е. является поздним материалом. За прошедшие 40 лет точка зрения о датировке этого стремени в КНДР не изменилась [Институт..., 2009: 70–71]. Там же неправильно приведена информация о стремени из Куннэ (см. рис. 1.–19), как изделии с коротким пластиначатым ушком [Институт..., 2009: 71, 283]. Все это требует перепроверки северокорейских источников.

Обычно основное внимание уделялось раннесредневековым стременам из Южной Кореи, Японии и Китая [Амброз, 1973: 83–87]. Сообщается, что в Корее стремена с короткой шейкой не изучены, за исключением «танских» стремян из городища Гаэр [Амброз, 1973: 87]. В XXI в. были представлены небольшие наработки китайских исследователей по некоторым стременам этого региона [Комиссаров, Худяков, 2007]¹. В то же время за последние полвека были накоплены новые материалы, позволяющие обратиться к подобным изделиям с территории севера Корейского полуострова и Маньчжурии, где в течение нескольких веков располагалось государство Когурё. Изучение предметов конского снаряжения этого района поможет проследить процесс эволюции одних из ранних стремян в регионе и межкультурные контакты. Мы надеемся, что наша ра-

¹ В таблице 3.–5 (с. 257) данной публикации можно отметить досадную погрешность, где к когурёским экземплярам из Масяньгоу № 1 причислено изделие из знаменитого сяньбийского погребения Фэн Суфу (415 г.).

бота позволит предоставить базовый материал для последующих, более корректных поисков аналогий предметов из культуры Когурё¹.

Существует мнение, что стремена от сяньби могли заимствовать эфталиты, которые распространили их в Центральной Азии [Кудинова, Комиссаров, 2023: 89–90]. Однако более логично предполагать в качестве контрагентов жужаней², так как они были ветьюю сяньби, а их каганат охватил значительную территорию, где формировались ранние тюрки. Там были зафиксированы находки ранних по времени плоских «пластинчатых» стремян с «Т-образной» подножкой. Многие исследователи (например, Анатолий Константинович Амбров) видят в качестве их прототипов изделия из Дальнего Востока. При этом в некоторых работах фиксируется смешение их в один тип (см.: [Тетерин, 2016: 85]) или наличие сходных признаков [Азбелев, 2014: 316] при их очевидной разности. Поэтому в нашей работе будут более конкретно разобраны вопросы связей этих изделий.

Характеристика и типология стремян Когурё

Письменные и эпиграфические источники (погребальные фрески в курганах IV–V вв.) указывают на наличие многочисленной тяжелой и легкой кавалерии в Когурё. На части фресок изображены стремена. В реальности археологические находки конского снаряжения не столь многочисленны. Всего было зафиксировано около 20 стремян [Чхве Чонхэк, 2020: 338], что очень мало для большого количества исследованных памятников. Они обнаружены в погребениях у города Цзиань в среднем течении реки Ялуцзян: Чхильсонсан³ № 1096, Манбоджон № 1078, Тэваннын и др., а также на ряде городищ: в бывшей столице Гонэйчэн (кор. Куннэ), горных городищах Унью, Шитайцзы и Гаоэр в провинции Ляонин в КНР. На Корейском полуострове найдены в кургане Чигёндон № 1 к северу от Пхеньяна в КНДР и на форте Ачхасан-4 в Сеуле в Республике Корея.

Для такого небольшого количества изделий невозможно создать подробную классификацию. Однако данная работа позволит выявить хронологические особенности определенных типов стремян, развитие технологической мысли, наличие межкультурных контактов в регионе.

Рассматриваемые изделия из культуры Когурё относятся к двум группам: деревянно-металлическим и железным. Среди первых есть две подгруппы: с позолоченной бронзовкой обкладкой и с железной обивкой. Существуют три раздела: стремена с длинной, средней и короткой пластиной-планкой с отверстием для путлища, а также два подраздела: изделия с отростком-жгутиком наверху пластины и без него. Среди них подразделы: пластина или прут.

¹ Например, для изделия из Монголии приводятся аналогии из дальневосточного комбинированного типа IV–V вв. [Серегин, Матренин, 2020: 42], хотя их следует искать в более типологически близких стержневидных стременах VI в. в Когурё (или чуть раньше из Северного Китая). При этом радиоуглеродная дата (середина III в. – начало V в.) из погребения с указанным стременем выглядит для такого типа сильно заниженной.

² Подобную позицию имеет и Ван Тein [2002: 93].

³ Автор использует корейское название памятников Когурё, за исключением нескольких устоявшихся китайских названий городищ. Для сравнения см.: [Комиссаров, Худяков, 2007].

Рис. 2. Фотографии стремян из Когурё (1–3, 5–11, 16–19) и сопредельных культур (4, 12–15): 1 – Чхильсонсан № 1096 [Ли Хёнгу, 2012: 235]; 2 – Тэваннын (2, 4 и 18 по: [Институт... и др., 2010: 136–137, 176; Институт..., Музей..., 2004: 508]); 3 – Чанчон № 4; 4 – Хванамдэчхон (фото автора); 5 – Чигёндон № 1, стремя № 2 [Институт..., 2009: 71]; 6 – Усанха № 41 [Фан Цидун, 1977: 130]; 7 – Дунцин № 1, стремя № 1 (по: [Ким Ёнгиль, 2024: 267]); 8 – Уньюй, жил. № 42 (8 и 9 по: [Институт..., 2004: 391]); 9 – Уньюй, подъём;

10–11 – Уньюй, «клад» [Институт..., 2004: 344 и Музей..., 2011: 118]; 12 – Санкодзидзука [Tokyo...]; 13 – Пров. Южн. Чолла (Гос. музей Кванджу по: [e-Museum]); 14 – Анапчи (Гос. музей Кёнджу по: [e-Museum]); 15 – Чаоян, стремя № 2 [Ma Hui, 2020: 11]; 16 – Уньюй [Музей..., 2011: 117]; 17 – Ачхасан-4 [Lim Hyoje et al., 2000: 37]; 18 – Куннэ, мал. стремя № 2; 19 – Шитайцзы № 4 [Институт..., 2012: 396]). Без масштаба.

Fig. 2. Photos of stirrups from Koguryo (1–3, 5–11, 16–19) and neighboring cultures (4, 12–15): 1 – Jilsongsan No. 1096 [Lee Hyungu, 2012, p. 235]; 2 – Taewangneung (2, 4, 18 by: [Jilin... et al., 2010, p. 136–137, 176; Jilin..., 2004, p. 508]; 3 – Jangcheon No. 4; 4 – Hwangnamdaechoeong [photo by the author]; 5 – Jigyeondong No. 1, stirrup No. 2 [Institute..., 2009, p. 71]; 6 – Usanha No. 41 [Fang Qidong, 1977, p. 130]; 7 – Dongqing No. 1, stirrup No. 1 (by: [Kim, Younggil, 2024, p. 267]); 8 – Wunu, dwel. No. 42 (8, 9 by: [Liaoning..., 2004, p. 391]); 9 – Wunu, collect.; 10–11 – Wunu, «hoard» [Liaoning..., 2004, p. 344 and Benxi..., 2011, p. 118]; 12 – Sankojizuka [Tokyo...]; 13 – South Jeolla Province (Gwangju State Museum by: [e-Museum]); 14 – Anapji (Gyeongju State Museum by: [e-Museum]); 15 – Chaoyang, stirrup No. 2 [Ma Hui, 2020, p. 11]; 16 – Wunu [Benxi..., 2011, p. 117]; 17 – Achasan-4 [Lim Hyoje et al., 2000, p. 37]; 18 – Kunne, small stirrup No. 2; 19 – Shitaiizi No. 4 [Liaoning..., 2012, p. 396]. No scale.

Выделение типов изделий основано на форме ушка. Два подтипа основаны на направлении ушка/отверстия для путлища: с прямым, по одной оси с корпусом, и перпендикулярным. В качестве вида можно выделить способ оформления и форму стенки корпуса (овальной, округлой и подквадратной; арочной формы) и подножки: округлая, прямая; узкая с изгибом посередине; с валиками; с одним-двумя отверстиями-проёмаами; широкая.

Присутствуют два варианта: стремена открытого типа, обычные для всего всаднического мира, и стремена, типичные для Дальнего Востока и определяемые следующим образом: «глухого» типа (И. Л. Кызласов); в виде «башмака» (А. К. Амброз); в виде «горшка» (термин ученых Восточной Азии).

Раздел 1. Стремена с длинной пластиной-планкой

Tip 1. Стремена с невыделенным ушком наверху длинной, плоской, бронзовой пластины¹. Позолоченные изделия покрывали деревянное основание (рис. 1.-1–4). Стремена овальной формы. Подножка внутри посередине имеет волнистую линию, некоторую приподнятость. Большое количество крепежных гвоздиков создают эффект украшения у предмета из Чхильсонсан № 1096 (рис. 2.-1), а у изделия из Тэваннана бортик декорирован высокохудожественным ажурным орнаментом в виде дракона и мифических животных (рис. 2.-2).

Tip 2. Стремена с невыделенным ушком наверху длинной и плоской железной пластины. Деревянные изделия овальной формы были укреплены железной жестью (Манбоджон № 1078, Чигёндон № 1) (рис. 1.-5–6). Хорошо видно, как соединяли эти элементы, так как пластина отошла от корпуса вместе с отверстием для путлища (рис. 2.-5). На слегка изогнутой подножке появляются валики-шишечки, что предотвращало скольжение ступни всадника.

¹ Автор понимает «громоздкость» определения, но, с другой стороны, это точнее передает особенности типа.

Раздел 2. Стремена со средней пластиной-планкой

Следующие несколько типов связаны с находками из горного городища Уньюй, расположенного в 70 км на запад от г. Цзиань.

Тип 3. Стремена с невыделенным ушком наверху средней, плоской, железной пластины. Корпус стремян (рис. 1.-9–10) выполнен из сплющенной широкой пластины, имеет округлый абрис. По ободу на определенном расстоянии сохранились отверстия для закрепления основы. Низ округлый, невыделенный. Пластина стала чуть уже и заканчивается специфическим элементом — отростком-жгутиком. Паз находится еще вверху, однако выполнен не только в прямой (рис. 2.-9), но и в перпендикулярной (рис. 2.-10) плоскости.

Тип 4. Стремена со слабо выделенным ушком наверху средней, плоской железной пластины с пластинчатым корпусом. К этому типу можно отнести стремя из жилища № 42. Отличается от предыдущего типа толщиной планки и пластинчатым корпусом. Изготовлено из расплощенного прута, на бортике находятся отверстия для гвоздиков. Имеет овальную форму с почти прямой подножкой (рис. 1.-8; 2.-8).

Тип 5. Стремена с еле выделенным ушком наверху средней, плоской железной пластины со стержневыми дужками корпуса. Изделие (рис. 2.-16) не было помещено в итоговый отчет [Институт..., 2004], видимо, могло быть обнаружено ранее при исследованиях 1980-х гг. Изделие длиной 26,7 см, по оформлению пластины аналогично предыдущему типу, однако имеет более арочную форму, выполненную из железного прута. Подножка расширена (ширина 5,6 см), с проёмом посередине и укреплена валиками для большей устойчивости ноги.

Тип 6. Стремена со слабо выделенным ушком наверху средней пластины. В корпусе сохранились отверстия с гвоздиками. Изделие (рис. 1.-11; 2.-11) похоже на тип 3, но отличается формой пластины с формирующимся ушком, наверху которой, возможно, располагался истертый жгутик.

Тип 7. Стремена со слабо выделенным ушком наверху средней стержневой пластины. Стержневой корпус овальной формы. Большое изделие из Куннэ (рис. 1.-18) имеет широкую (5 см) подножку с двумя проёмами. Исключением для погребальных памятников является изделие из кургана Хахэбан (рис. 1.-16). Оно меньше по размеру, более приземистое, с одним проёмом на подножке. Сверху пластины отсутствовал жгутик.

Тип 8. Стремена со слабо выделенным ушком наверху средней стержневой пластины с полной подножкой. Меньшее изделие из Куннэ (рис. 1.-19; 2.-18), по форме близкое к Хахэбан, имеет приплюснутый корпус, близкий к четырехугольной форме. Но отличается от типа 7 формой подножки: она уже (4 см) и не имеет проёмов. Кроме того, наверху поперечного ушка присутствует жгутик.

Раздел 3. Стремена с короткой/небольшой пластиною

Тип 9. Стремена с выделенным подквадратным пластическим ушком. Представлено единичным изделием из форта Ачхасан-4 в Республике Корея. Это небольшого размера стремя со стержневыми дужками корпуса, зауженного книзу. На короткой пластине имеется поперечное отверстие. Подножка прямая, имеет линзовидную форму с двумя проёмами (рис. 1.-17; 2.-17).

Тип 10. Стремена с выделенным вертикально вытянутым пластическим ушком. Крупное изделие вытянутой арочной формы с широкой (4 см), вогнутой наружу подножкой, укрепленной ребром жесткости. На ушке паз для путлища находится внизу пластины. Стремя обнаружено на западном склоне восточного города горного городища Гаоэр в подъемном слое, поэтому существует проблема хронологии. Однако исследователи относят его к периоду Когурё (рис. 1.-21).

Хронология и особенности стремян Когурё

Первые находки конского снаряжения в Когурё известны для погребений III в. Однако стремена появляются примерно через век. Поначалу использовались заимствованные от *сяньби* комбинированные с деревянной подкладкой изделия, покрытые бронзовыми позолоченными пластинами. Эти изделия имели престижную функцию. К самому раннему стремени по аналогиям относится изделие из Чхильсонсан № 1096, датируемое первой половиной IV в. [Комиссаров, Худяков, 2007: 261; Чжан Сюэянь, 1979: 32], или второй половиной IV в. [Кан Хёнсук, 2013: 135, 159], или до начала V в. [Чхве Чонхэк, 2020: 339]. К поздним примерам (середина V в.) принадлежит изделие из кургана Чанчхон № 4 (рис. 2.-3), основанием для чего служит сюжет фрески с изображением людей и цветов лотоса [Кан Хёнсук, 2013: 157]. Исключительно важным для абсолютной хронологии выступает погребение Тэваннын. Это самый крупный (длина стороны более 60 м, высота около 14 м) курган в Когурё, и большинство исследователей идентифицируют его с погребением Квангэтхо-вана, умершего в 412 г. При этом, по аналогиям из *сяньби*, не исключен более ранний характер стремени из этого погребения.

Постепенно эти стремена замещают изделия с железными обкладками, более практические. Курган Манбоджон № 1078 датируют первой половиной V в. [Кан Хёнсук, 2013: 152–153]. Встречены и более широкие датировки — первая — вторая половина V в. [Чхве Чонхэк, 2020: 339]. Ко второй половине V в. принадлежит пара стремян (сохраняется высота 27 см, ширина 20 см) из кургана Усанха № 41 [Кан Хёнсук, 2013: 159] (рис. 2.-6). Некоторые исследователи удревняют их, относя к началу V в. [Дун Гао, 1995: 38] (цит. по: [Комиссаров, 2006: 21]).

Подавляющее большинство стремян из погребений Когурё относится к типам 1 и 2. Форма варьировалась от овальной к вытянуто-овальной и следовала *сяньбийским* образцам. Для стремян Когурё характерно наличие высокой планки. Расположение прорези для путлища непосредственно зависело от ее размера. У изделий с длинной планкой она была наверху, что сокращало давление для равномерного распределения силы. Если у подобных изделий планка будет относительно короткая, то может быть легко сломана при упоре. С течением времени планка постепенно уменьшалась в размерах, и у поздних предметов тюрского типа с коротким пластинчатым ушком отверстие уже расположено в нижней части пластины.

Стремена с деревянной подкладкой довольно широко встречаются в погребениях Силла и Кая и меньше в Пэкче на юге Корейского полуострова в IV–V вв. [Амброз, 1973; Музей..., 2010]. Они появляются почти в одно время со стременами в Когурё, но эти стремена с деревянным сердечником и железными пластинами морфологически отличались [Исаахая Наото, 2023: 231]. Кроме того, там зафиксированы изделия как с ко-

роткой, так и с длинной планками. Однако в Силла под влиянием Когурё к середине V в. преобладают вторые.

Сокращение длины и развитие форм планки на следующем временном промежутке связано в основном с материалами четвертого этапа на горном городище Уньюй. Составители отчета датируют его концом IV в. — началом V в. [Институт..., 2004: 289]. Однако по керамическому материалу Уньюй, кажется, функционировало чуть раньше когурёских форточек в Сеуле в Южной Корее (см. ниже), т. е. этот этап можно датировать концом V в. — началом VI в. [Ян Сиын, 2020; Стоякин, 2023]. Чхве Чонхэк [2020: 340] отодвигает границу стремян до середины VI в.

Изделия из городища Уньюй (типы 3 и 6) имеют округлый абрис, что ставит вопрос целесообразности такого изделия. Однако поиск аналогий из соседних территорий позволяет реконструировать первоначальную форму изделия как «глухого» типа. Как видно на примерах, особенно из Японии, обод мог окантовывать полую часть так называемого железного «башмака».

В отечественной историографии считается, что стремена «глухого» типа были исключительным феноменом для Японских островов [Кызласов, 1973] и позже для Западной и Центральной Европы, при этом не были известны в другой части Евразии. Однако исследования [Ли Саннюль, 2007] показали их немалое наличие и на юге Корейского полуострова. Наша работа позволяет заполнить лакуну по таким изделиям на северных территориях. Несомненно, теме таких стремян необходимо уделить отдельную статью. К стременам из городища Уньюй отчасти близки железные, без деревянной подкладки (см., например, рис. 3.–11, 21). Их датируют второй половиной VI в. — VII в. [Ли Саннюль, 2007: 67]. К этому времени относится и выразительное изделие из Японии (рис. 2.–12). Таким образом, можно сделать предположение о происхождении в Когурё стремян «глухого» типа, так как стремена из городища Уньюй («стремена уньюйского типа») показывают самые ранние датировки по региону.

Внезапное появление стремени типа 4 в Когурё, представленного находкой из жилища № 42 на городище Уньюй, видимо, стало результатом инокультурного влияния. Так, если проследить ход эволюции стремян в Когурё, то до этого времени использовался тип 2 (самый поздний экземпляр датируется второй половиной V в.), а на юге Корейского полуострова они продолжали бытовать до первой половины VI в.

Изделие из жилища № 42 (рис. 1.–8; 2.–8) отличается от других стремян с этого городища тем, что не имеет обода из плоской пластины (типы 3 и 6) или дужек из прута (тип 5). В целом, это характерно для ранних «пластиначатых» стремян с «Т-образной» подножкой из Центральной Азии и Сибири. Среди разнообразных форм [Серегин и др., 2020] выделяется, как сообщалось, единственное в своем роде изделие из Алтайского края, у которого на длинном ушке только намечается шейка [Шульга, Горбунов, 1998: 99]. По форме пластины, подножки и отчасти контура оно близко к изделию из Уньюй. Отличие заключается в наличии отверстий в бортике для гвоздиков, и этот элемент связан с типом 3. Важно и то, что авторы датируют предмет рубежом V/VI — первой половины VI в. в результате контактов с горноалтайским населением [Шульга, Горбунов, 1998: 99, 101]. Датировки Уньюй поразительным образом укладываются в эти рамки.

Наличие сходных форм среди стремян двух регионов открывают новые возможности для реконструкции межкультурных связей кочевого мира с Когурё, в культуре которого также было сильно влияние степного мира. Это позволяет пересмотреть господствующую в историографии позицию об одновекторном направлении развития ранних стремян, когда под влиянием дальневосточных экземпляров в Центральной Азии сформировались первые железные стремена. В ходе контактов новый тип распространился не только на соседние территории, но и, видимо, проник до Маньчжурии, в Когурё. На возможность таких контактов ранее указывал Кан Инук [2006]. Однако он придерживается абсолютно противоположной точки зрения на материал из городища Уньюй, т. е. о влиянии Когурё на появление стремян на Алтае через союз с *жужанями*. При этом он опирался на китайские датировки городища, скорее всего, удревнённых приблизительно на один век.

О связи Когурё с регионом Центральной Азии в этот период хотя бы косвенно можно получить из письменных источников. В «Самгук саги» сообщается, что в 494 г. Пүё подчинился Когурё [Ким Бусик, 1995: 90]. В это время границы Когурё, видимо, максимально близко подошли к Великой степи, как минимум до бассейна реки Нуньцзянь. Но уже в 504 г. встречаем упоминание, что с новых территорий Когурё оттеснили *уци* [Ким Бусик, 1995: 91]. Еще ранее Когурё захватило значительную часть Лядуна.

Происхождение «пластиначатых» стремян связывается исследователями с *сяньби*-скими племенами Северного Китая и относится к IV в. н. э. [Комиссаров, 2006; Комиссаров, Худяков, 2007]. Направление контактов можно проследить по особенностям стремян. У *сяньби* есть изделия с короткой и длинной пластиной. А в Когурё были заимствованы только вторые стремена. «Пластиначатые» стремена почти не имеют наверху длинной планки. В то же время, в отличие от *сяньби*, в Когурё были распространены предметы с железными листами для обкладки деревянной основы [Ван Теин, 2002: 88]. Соответственно, напрямую или косвенно (через *жужаней*) когурёская технология могла попасть на территорию Центральной Азии и повлиять на появление именно железных, а не бронзовых стремян.

В этом плане интересно замечание про эволюцию «пластиначатых» типов: от находок с невыделенной шейкой к ее появлению и далее более четкому оформлению [Серегин и др., 2020: 37]. С некоторыми изменениями мы видим подобную эволюцию стремян и в Когурё: от типов 1–3 с невыделенной шейкой к еле выделяемой (типы 4–5), далее к ее слабому профилю (типы 6–8) и выделенной форме (типы 9–10).

Поразительные аналогии по рисунку, вплоть до контура разреза изделия из жилища № 42, находятся среди материалов погребения № 1 раннехайского могильника Дунцин (рис. 1.-7), датируемого до середины VIII в. [Яньбяньский..., 1993]. Он находится к северу от излучины Ялуцзян в уезде Аньту Яньбянь-Корейского автономного округа. Погребение № 1 в каменном склепе с входом является многоярусным, коллективным и вторичным. Сообщается, что конское снаряжение, включая стремена, лежало в нижнем ярусе, снаружи западного деревянного гроба и задвинуто к северной стенке камеры. Всего три стремени: одни парные и одиночное. Последнее расположено отдельно. На корпусе парных пластины закреплены сбоку гвоздиками, так что предполагают, что внутри находилась деревянная основа. Авторы отчета видят аналогию в ранних де-

ревянно-металлических когурёских стременах, но все равно датировали погребение бохайским временем [Яньбяньский..., 1993: 27–28, 43]. Привлекает внимание, что у двух изделий в отверстие для путлища сохранился небольшой гвоздик. Видимо, он мог закреплять путлище в одном состоянии, что довольно необычно. Очевидно, что была необходима довольно плотная основа с внутренней стороны, иначе конец гвоздя мог ранить лошадь. Третье стремя (рис. 1.-24) имело широкую (4,8 см) подножку, укрепленную снизу ребром жесткости, и довольно широкую, вертикально вытянутую пластину для путлища. В целом, оно аналогично тюрским образцам [Серегин, 2017].

Судя по погребальному обряду, мы имеем перед собой смешанный разновременный материал. Для конца VII в. — начала VIII в. отсутствуют находки стремян с железной пластиной, поэтому парные стремена из погребения Дунцин должны относиться к раннему времени. Отверстие для путлища расположено еще высоко, что нехарактерно для поздних экземпляров. Как было сказано, парные стремена близки к изделию из городища Унью рубежа V–VI вв. Однако, если судить по фотографии (рис. 2.-7), они являются типично ранними когурёскими (тип 2) (и самыми поздними среди них) и отличаются от типа 3 и 6. У изделий сверху пластин есть хвостик, и он в северном регионе встречен только в Когурё, в городищах Унью и Куннэ. Таким образом, новое бохайское население, частично связанное с когурёсцами и знакомое с тюрскими стременами, видимо, вновь использовало погребение через несколько веков, что довольно необычно. Но это реально из-за возможности посещения погребальной камеры.

Между типами 2–7 наблюдается много сходства в конструкции, форме, оформлении корпуса и пластины, что свидетельствует о более-менее сходном временном промежутке существования. Это подтверждается и данными археологии: тип 6 обнаружен вместе с типом 3 (экз. № 10) в одном объекте — «кладе» металлических изделий, т. е. они были помещены в одно время.

Но в то же время между ними существуют и определенные отличия. Стремена несут на себе некоторые конструктивные особенности, связанные с поиском рациональных форм, и, возможно, отражение некоторых внешних, инокультурных влияний. Так, аналогия типу 6 и особенно типам 7 и 8 по оформлению пластины встречена в погребении Северной Вэй (ок. 486 г.) в Гуюани (Нинся-Хуэйский автономный район КНР) [Ци Дунфан, 1993] (рис. 1.-12)¹. Судя по дате, высока вероятность быстрого распространения этого элемента из Северного Китая на Корейский полуостров через Когурё. Большие сходства есть в стремени из каянского кургана Окджон № 3 в Хапчхоне [Исахая Наро, 2023: 235]. Но отсутствие проёма на подножке отличает ее от приведенных типов. В Когурё она расширяется за счет появления одного-двух проёмов. В этом плане типы 5 и 7 имеют большие аналогии на юге Корейского полуострова в материалах культуры Силла VI в. Поэтому их тоже надо относить к этому времени. А значительное сходство типа 5 с типом 4 (из жилища № 42) в верхней части изделия намекают на существование в позднем промежутке четвертого этапа, т. е. начала VI в.

¹ Длинные дружеские контакты Когурё с Северной Вэй происходили в течение V в. — начала VI в. [Ким Бусик, 1995: 84–94].

Распространение определенных типов стремян на территорию юга Корейского полуострова особенно заметно проявилось в культуре Силла, которая в ходе событий начала V в. некоторое время вынуждена была опираться на военную помошь Когурё в борьбе с соседями. Мода на когурёскую богато украшенную конскую упряжь отчетливо фиксируется в материалах южного погребения знаменитого кургана Хванамдэчхон середины V в. Тут обнаружено бронзовое изделие с орнаментом, имитирующим Чхильсонсан № 1096 (рис. 2.-4). А декор на бортике другого предмета похож на Тэваннын (см.: [Ли Хёнджон, 2014: 262]). Даже после при постоянных столкновениях с Когурё по традиции заимствовала новинки своего мощного северного соседа. Так, в Силла в начале VI в. в погребении Имдан № 2 (сев.) в Кёнсане (рис. 1.-15) обнаружены стремена на длинной стержневой пластине с подножкой с проёмом, как в Хахэбане. При этом в Кымнёнчхон¹ вместе с железными стременами доживают свое время деревянно-металлические изделия, украшенные, как буяо, листовидными подвесками по окружности проема стремени. Серединой VI в. датируют стремена с раздвоенной подножкой и оснащенные валиками в погребении № 6 в Хванамдоне, погребении «Супругов» (Пубучхон) в Янсане [Ли Хёнджон, 2014: 267]² и на сопредельной территории (рис. 2.-13).

Типы 7 и 8 имеют некоторую связь с типом 6 по форме пластины. Видимо, последний — это переходный этап в эволюции развития стремян со средней планкой: от плоских и широких к узким стержневым.

Бросается в глаза некоторая «грузность» небольшого стремени из форта Ачхасан-4 (тип 9), которое можно датировать первой половиной — серединой VI в. [Лим Хёджэ и др., 2000]. Тогда по «Самгук саги» Когурё удерживало район современного города Сеула. В качестве аналогии можно было бы привести изделие № 25 из таблицы А. К. Амброза [1973: 84], однако это прорисовка рельефа 663 г., что на один век позже. К близкому по времени можно отнести изделие из погребения Ли Сяня в Северном Чжоу в Гуюани (569 г.). Это маленькое стремя арочной формы, суженное к низу, имело короткую пластину с остроконечным завершением и прямую подножку (рис. 1.-13). Поперечное отверстие для путлища у изделия из Ачхасана является уже когурёской традицией. О возможности аналогий и контактов с таким далеким государством может говорить сообщение о посольстве Когурё в Северную Чжоу в 577 г. [Ким Бусик, 1995: 98]. Примерно в это время в истории о знаменитом Ондале сообщается о поражении армии императора У-ди Северная Чжоу при нападении на Лядун, контролируемый Когурё [Ким Бусик, 2002: 165]. Стремена с подобной формой проёма подножки встречены и в Куннэ (тип 7) и в курганах середины VI в. на юге Корейского полуострова. Таким образом, такие изделия появляются к середине VI в. Однако на юге отсутствуют подобные «грузные» формы, т. е. они не распространились далее Когурё.

Ранее сообщалось, что по паре стремян типа 7 и 8 были обнаружены вместе в 1987 г. в юго-западной части городища Куннэ³. Судя по находке вазовидного сосуда с четырьмя ручками и особенно концевых дисков черепицы с облачным орнаментом, материал

¹ Тут обнаружен известный сосуд в виде всадника [Воробьев, 1961].

² Для этого времени стоит упомянуть появление стремян «глухого» типа (погребение Имдан 6А) [Ли Хёнджон, 2014: 267], очевидно, под влиянием окружающих Кая и Пэкче.

³ Там же найдена и массивная чугунная наковальня, где могли изготовить эти стремена.

датировали началом IV в. [Дун Фэн, 1993]. Однако, учитывая тот факт, что в это время отсутствуют стержневые стремена, то это, очевидно, поздний материал. Большие стремена с двумя проёмами находят многочисленные аналогии в материалах середины VI в. из Южной Кореи (в том числе из Ачхасан-4). Поэтому его стоит отнести также к данному времени. Меньшие стремена имеют схожую пластину, но они с поперечным отверстием и с хвостиком. Подножка тут без проема и с ребром жесткости, что уже характерно для поздних изделий (тип 10). В качестве аналогий формы пластины изделия (рис. 2.-18) привлекают внимание стремена из Анапчи более вытянутой формы (высота 29,5 см, ширина 7,2 см) с широкой и плоской подножкой (рис. 2.-14). Анапчи (совр. Вольджи) являлся ванским парком в столице Объединенного Силла Кёнджу. Время его сооружения приходится на 670-е гг. [Ким Бусик, 2001: 195]. Судя по большим аналогиям в верхней части, стремя из Куннэ можно датировать VII в. Оформление пластины продолжает традицию «унюйского» типа. Таким образом, высока вероятность, что стремена из Куннэ происходят из разновременных объектов или большие стремена характеризуются более поздними датами.

Стремена с отростком-жгутиком наверху пластины обнаружены в большом количестве на горном городище Уньюй. Поэтому поначалу их можно было бы определить в качестве региональной особенности. Однако изделие с подобным элементом (тип 8) найдено и на городище Куннэ, расположенному в 70 км на восток. Кроме того, единичные аналогичные элементы выявлены в стременах на юге Корейского полуострова: в жилище № 4 в участке «на» в Тэчхири в Тамъяне (Пэкче, юго-запад Кореи) (рис. 1.-14), в Анапчхи в Кёнджу (Объединенное Силла, юго-восток Кореи) (рис. 2.-14), и встречаются в Японии [Сайто Хироши 1986: 50] (например, в кургане Санкодзидзука, город Фуэфуки в префектуре Яманаси (о. Хонсю, VI–VII вв., кофун) (рис. 2.-12). Но отсутствовал среди стремян степной Евразии и, видимо, в Китае. Тем не менее, традиция существовала на большой территории в течение долгого времени, поэтому это вряд ли метка определенного кузнеца. Что касается функции, то, возможно, этот элемент можно было бы связать с необходимостью более крепкого соединения ремня со стременем. Однако наличие такого выступа могло травмировать бок лошади и перетирать путлище. Надобность в технологическом приеме также не совсем понятна. Таким образом, вопрос о назначении отростка-жгутика наверху пластины стремени остается дискуссионным.

Отметим среди них предмет из Тэчхири. По форме он имеет сходные черты с изделиями из Уньюй: сосуд «глухого» типа, с перпендикулярным отверстием для путлища и отростком наверху средней пластины. В отчете он был датирован временем после VI в. [Ким Гонсу и др., 2004: 75]. Ли Саннюль [2007: 67] определяет его как самый поздний тип «глухого» стремени и датирует VII в.

Расположение отверстия для путлища перпендикулярно оси корпуса является редким элементом. Эта особенность отсутствует у стремян в степях Евразии и характерна для Дальнего Востока. Кроме Когурё (Уньюй, Куннэ и Ачхасан-4) выявлено на стременах на юге Корейского полуострова (Тэчхири в Пэкче, на памятниках Объединенного Силла и Корё) и на Японских островах (от кофун до периода Эдо). В Китае автор пока еще не нашел подобных примеров. Поперечное отверстие для путлища стало но-

ваторским открытием для упряжи Дальнего Востока. Оно в течение нескольких столетий спорадически появлялось на исторической сцене. Возможно, его создание было связано с изобретением стремян «глухого» типа. Для продевания ноги в «башмак» было удобней, если проем располагался перпендикулярно боку лошади. Такие отверстия встречены на предметах из Отани (см.: рис 3.-11). Хотя, судя по классификации Сайто Хироши [1986], два варианта расположения отверстия продолжительное время существовали параллельно.

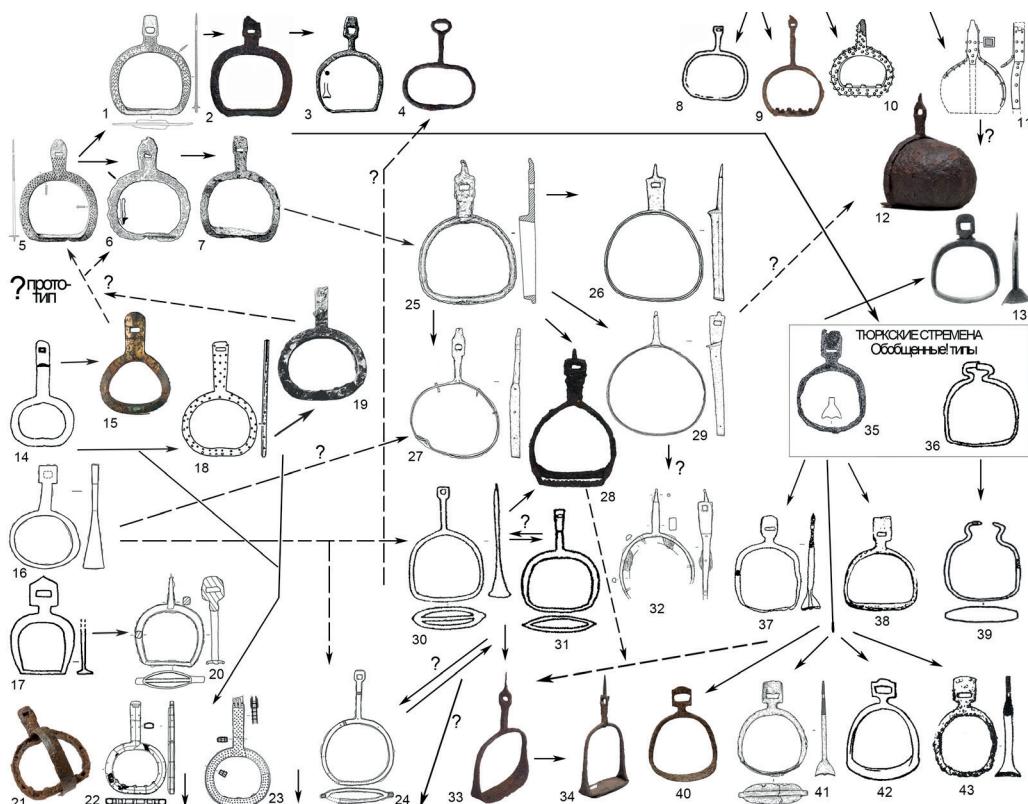

Рис. 3. Схема эволюции стремян в Когурё и на окружающих территориях: 1 – Красноярский музей (1, 2, 5 по: [Серегин и др., 2020: 35–36, 38]; 2, 3, 6 – Кок-Паш [Серегин, Васютин, 2021: 55, 140]; 4 – Хох Нуур [Серегин, Матренин, 2020: 42]; 5 – Минусинский музей; 7 – с. Локоть [Шульга, Горбунов, 1998: 101]; 8 – Храм Ямацутеру (8 по: [Ван Тайн, 2002: 83]; 9 – Сёгуниама (9, 12 по: [Tokyo...]); 10 и 11 – Отани [Кызласов, 1973: 28]; 12 – Санкодзидзука; 13 – Харабун (по: [Научно..., 2008: 265]); 14 – Сюминтыун № 154 [Чхве Чонхэк, 2020: 339]; 15 – Погребение Фэн Суфу [Ма Хуэй, 2020: 7]; 16 – Погребение Северной Вэй; 17 – Погребение Ли Сяня; 18 – Чхильсонсан № 1096; 19 – Усанха № 41; 20 – Ачхасан-4; 21 – Сучхолли II № 2 (Конджу, Пэкче по: [e-Museum]); 22 – Чисандон № 32 (Кая по: [Музей..., 2010: 28]); 23 – Хванамдэчхон; 24 – Имдан № 2 (сев.); 25 – Унюй, жил. № 42; 26 – Унюй, подъем.; 27, 29 – Унюй, «клад»; 28 – Унюй; 30 – Куннэ, большое стремя; 31 – Хахэбан; 32 – Тэчхири; 33 – Куннэ, малое стремя № 2; 34 – Анапчи; 35 – Монголия

[Серегин, 2017: 16]; 36 – Минусинская котловина [Савинов, 1996: 19]; 37 – Гаэр; 38 – Чалиба; 39 – Дахаймэн; 40 – Объединенная Силла (Гос. музей Кореи по: [e-Museum]); 41 – Шитайцзы № 4; 42 – Цзиань; 43 – Дунцин № 1, стремя № 2. №№ 16–20, 23–34, 37–39, 41–43 по: см. рис. 1 и 2. Без масштаба.

Fig. 3. Diagram of the stirrups evolution in Koguryo and the surrounding areas: 1 – Krasnoyarsk Museum (1, 2, 5 by: [Seregin et al., 2020, p. 35–36, 38]); 2, 3, 6 – Kok-Pash [Seregin, Vasyutin, 2021, p. 55, 140]; 4 – Khokh Nuur [Seregin, Matrenin, 2020, p. 42]; 5 – Minusinsk Museum; 7 – Lokot village [Shulga, Gorbunov, 1998, p. 101]; 8 – Yamatsuteru Temple (8 by: [Wang Tieying, 2002, p. 83]); 9 – Shogunyama (9, 12 by: [Tokyo...]); 10, 11 – Otani [Kyzlasov, 1973, p. 28]; 12 – Sankojizuka; 13 – Harabun (by: [Shizuoka..., 2008, p. 265]); 14 – Xiaomintun no 154 [Choi Jeongtaek, 2020, p. 339]; 15 – Feng Sufu Burial [Ma Hui, 2020, p. 7]; 16 – Northern Wei Burial; 17 – Li Xian Burial; 18 – Jilsongsan No. 1096; 19 – Usanha No. 41; 20 – Achasan-4; 21 – Suchon-ri II No. 2 (Gongju, Baekje by: [e-Museum]); 22 – Jisang-dong no 32 (Kaya by: [Bokcheon..., 2010, p. 28]); 23 – Hwangnamdaechéong; 24 – Imdang No. 2 [north]; 25 – Wunu, dwel. no. 42; 26 – Wunu, collect.; 27, 29 – Wunu, «hoard»; 28 – Wunu; 30 – Kunne, large stirrup; 31 – Hahaean; 32 – Dechi-ri; 33 – Kunne, small stirrup No. 2; 34 – Anapji; 35 – Mongolia [Seregin, 2017, p. 16]; 36 – Minusinsk Basin [Savinov, 1996, p. 19]; 37 – Gaoer; 38 – Chaliba; 39 – Dahaimeng; 40 – Unified Silla [Gyeongju...]; 41 – Shitaizi No. 4; 42 – Ji'an collect.; 43 – Dongqing No. 1, stirrup No. 2. Nos. 16–20, 23–34, 37–39, 41–43 to: see fig. 1 and 2. Not scale

Изделия типа 7 и 9 отличаются по форме подножки от типов 8 и 10, более поздних. У последних она цельная, без проёмов. Тип 10 представлен экземпляром из горного городища Гаэр. Фиксируется появление такого нового конструктивного элемента, как ребро жесткости (нервюра) снизу широкой выгнутой наружу подножки. Изделие еще крупное, но стремится к менее широким формам. Закрепляется принцип выделения пластинчатого ушка, вытянутого по вертикали. Аналогичной формы изделие танского времени обнаружено в Чаояне (рис. 1.-20).

Стремя из кургана Шитайцзы № 4 (рис. 1.-25) вблизи горного городища Шитайцзы у г. Шэньян на Лядуне в отчете [Институт..., 2012: 349] отнесено к позднему периоду Когурё [Чхве Чонхэк, 2020: 340]. Но, судя по конструкции погребений и инвентарю, аналогии существуют в материалах раннебохайского времени начала VIII в. [Кан Хёнсук, 2009: 161]. По облику они близки к типичным тюрским образцам арочной формы с хорошо выделенной широкой пластиной и вогнутой широкой подножкой, снабженной по долевой оси, характерной для типа ребром жесткости. Изделие танского времени с подобной пластиной обнаружено в Чаояне (рис. 2.-15). Без дополнительной информации из Цзиани приведено так называемое когурёское изделие [Лю Хань, 1959: 98] (рис. 1.-26), в целом близкой формы. В районе также обнаружены бохайские памятники, поэтому стремя стоит датировать именно этим временем.

В сопредельных с Когурё северных территориях, в бассейне реки Второй Сунгари, в могильниках *сумо-мохэ* VII–VIII вв. Чалиба (рис. 2.-22) и Дахаймэн обнаружены два типичных тюрских стремени. Намного больше их количество представлено в материалах Троицкого могильника в Амурской области [Деревянко, 1977], оставленного переселившимся в этот район *сумо-мохэ*. К этому времени относятся и изделия из Шитайцзы № 4 и Дунцина. Что касается Приморья, то до бохайского времени стремена тут не об-

наружены¹. На юге Корейского полуострова в период Объединённого Силла зафиксированы единичные стремена тюркского типа с пластинчатым ушком (рис. 3.-40). Тюркские стремена на Японских островах обнаружены с VII в. (рис. 3.-13) в основном в восточной части о. Хонсю (область Канто). Их количество также не велико: на 2008 г. выявлено только 5 экз., при 50 изделиях полностью «глухого» типа (Научно..., 2008: 173–174).

Для типа 10 встречаются аналогии среди тюркских изделий на широкой территории. Они в основном использовались вместе со стременами с подквадратным ушком (тип 9), хотя первые более распространенные [Серегин, 2017: 12]. Напротив, в Когурё и раннем Бохе преобладал тип 10.

Заключение

Представленная в работе развитая классификация показывает долговременную эволюцию в развитии форм и элементов стремян в Когурё на протяжении нескольких веков со второй половины IV в. Поэтому можно критически подойти к мнению П. П. Азбелева [2014: 314], что дальневосточные стремена являлись тупиковой ветвью общемирового развития данного элемента конского снаряжения. Это высказывание могло основываться на малом доступе к источникам. Значительное количество стремян зафиксировано на раннесредневековых памятниках на юге Корейского полуострова с IV–V вв. н. э. Традиция деревянно-металлических стремян оставалась на полуострове в течение долгого времени, что, видимо, определялось отсутствием притока новых идей извне и некоторым «полуостровным» консерватизмом. Тем не менее, постепенное осознание их малоэффективности привело с конца V в. — начала VI в. к отказу от деревянных элементов к стержневым (с разными вариациями укрепления подножки и ее расширения). И только уже в конце периода Трех государств на севере региона в Когурё постепенно стали заимствовать конское снаряжение евразийских степей.

«Самгук саги» сообщают [Ким Бусик, 1995: 96] о нападении в середине VI в. тюрок на Когурё. Как и два-три века назад после столкновений с сяньби и быстрого заимствования их комплекса конского снаряжения, так и в VI–VII вв. в Когурё логично обратились к передовому для региона конскому набору и постепенно стали отходить от дальневосточной традиции. Это, очевидно, можно объяснить осознанием преимуществ нового типа стремян, одного из важного элемента, превратившего тюрков в мощную державу, соседствующую с Когурё. Это прежде всего отобразилось в заимствовании классических стремян арочной формы с более короткой, но широкой и выделенной пластиной для крепления путлища. Широкая подножка у некоторых изделий была укреплена ребром жесткости. Она заместила идею и попытки в VI в. расширения ее за счет одного-двух проёмов. Заимствование могло происходить как напрямую, так и через племена соседних мохэ, многочисленную² конницу которых Когурё активно привлекало для столкновений с Китаем. Или в ходе многочисленных войн в VII в. с империей

¹ К позднему или даже постбохайскому этапу можно отнести стремя из Горнореченского-2 городища с выгнутой подножкой с пробитыми отверстиями и с прямоугольной пластиной.

² Письменные источники сообщают о «десятитысячной коннице» мохэцев в 598 г. и даже «пятидесятитысячной кавалерии» в 645 г. Между тем, находки стремян и удил на многочисленных мохэских памятниках в Маньчжурии исчисляются единицами, что позволяет усомниться в достоверности нарративных материалов.

Тан, часть элиты которой сформировалась из тюроков. В то же время важно отметить отсутствие других типичных тюрских представителей — «петельчатых» стремян. Они были характерны для женских и детских погребений или для рядовых членов [Нестеров, 1988: 176], менее популярны даже для Монголии — близкой для тюрок территории [Серегин, 2017: 13]. Необходимость их заимствования для когурёского воина оказалась неактуальной. В целом, автору известна единичная находка такого типа с уплощенной восьмерковидной петлей для дальневосточного региона (исключение — Средний и Нижний Амур) — в погребении Дахаймэн (рис. 1.-23) *сумо мохэ* VII–VIII вв., которые активно контактировали с тюрками³. Но, судя по малому количеству изделий, в Когурё не успели полностью воспользоваться этим новшеством, так как в 668 г. были разгромлены войсками империи Тан. В итоге, новая традиция в пред- и раннебохайское время получила меньшее распространение на Дальнем Востоке, за исключением Амура.

Поиск новых форм позволил сформировать в Когурё один из особых типов среди стремян «глухого» типа. На примере предметов из городища Унью мы наблюдаем попытку их применения в конце V в. — начале VI в. Видимо, с ними связано привнесение новинки в расположении ушка и паза для путлища в перпендикулярном направлении для удобного размещения «башмака» и быстрого запрыгивания в седло. Это могло быть достигнуто в ходе поиска удобного использования. На это подсказывают сопутствующие находки изделий и с обычным расположением отверстия. Тут обнаружены только обода стремян без железного турова, в отличие от полностью металлических изделий в виде «башмака» из Японии и позже с юга Корейского полуострова. Их элементы изготавливались отдельно и закреплялись в ободе гвоздиками-шпеньками, от которых в бортике сохранилось несколько отверстий. В Когурё было широко развито железоделательное производство, и, судя по находкам чугунных котлов и даже котла в «кладе» вместе со стременами, не было сложности создать подобное изделие. Либо его находки еще не обнаружены, либо он поначалу изготавливался из органических материалов, не сохранившихся до настоящего времени. С конца VI в. в Японии (самый древний пример из кургана Ватануки Канноньяма в префектуре Гумма)⁴ и позже на юге Корейского полуострова появляются изделия с полностью оформленным металлическим «башмаком», ставшим специфическим элементом дальневосточного конского снаряжения. Можно задаться вопросом: почему в Когурё не закрепилась эта традиция? Видимо, на это повлияла большая практичность стержневых стремян, которые активно стали распространяться в регионе с VI в.

Положение о том, что ранние стремена представляли собой редкий аристократический аксессуар, больше используемый в качестве престижной вещи [Азбелев, 2014: 315], в определенной степени верно. Стремян в Когурё обнаружено не очень много. До середины — второй половины V в. они встречаются только в погребениях. После этого в основном выявлены на городищах. Это сокращение, видимо, было вызвано постепенным изменением погребальной традиции, связанной с распространением буддизма.

³ К позднему времени относится экземпляр с прорезями на подножке, наряду с упомянутым выше изделием из Горнореченского-2 городища.

⁴ Автор благодарит профессора Исахая Наото за предоставленную информацию и статьи по японским стременам.

ма в Когурё с конца IV в. с его погребальным аскетизмом. В целом, подобную ситуацию можно наблюдать и на юге Корейского полуострова. Так, в Силла с середины VI в. с появлением каменных камер с горизонтальным входом прекращают помещать предметы упряжи и др. [Ли Хёнджон, 2014: 270]. На упрощение погребального инвентаря и изменение обряда могло повлиять официальное принятие буддизма в 527 г. в этом государстве. Поэтому в Силла и Кая детали конского снаряжения в большом количестве обнаружены в погребениях, так как это связано с тем, что соответствующий обряд с их помещением продержался дольше, чем в Когурё.

Когурё, как мощнейшее государство на Корейском полуострове и Маньчжурии, несомненно, длительное время оказывало влияние на культуру сопредельных стран, но также многое восприняло от соседей, особенно со стороны Китая или Степи, перерабатывая их идеи под свои нужды. Дискуссионным моментом в изучении стремян Когурё остается место происхождения определенных типов стремян. Мы считаем, что тип 4 мог попасть в Когурё из Центральной Азии. Часть типов единично встречена на территории Северного Китая. Многие имеют аналогии в материалах из памятников в Южной Корее. Там он более массовый, но это не может свидетельствовать о месте его происхождения. Необходимо выявить источник появления проёмов в подножке. Кроме того, все еще актуальна проблема хронологии, основанной на относительной периодизации курганов и предметов. Очевидно, что для решения этих вопросов необходимо накопление большего материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азбелев П. П. Еще раз о ранних стременах // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 297–322.

Амброд А. К. Стремена и сёдла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская археология. 1973. № 4. С. 81–98.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Седло и стремя // Советская этнография. 1984. Т. 6. С. 114–130.

Воробьев М. В. Древняя Корея (Историко-археологический очерк). М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 198 с.

Гилёв А. А. Погребальный обряд когурёской элиты IV–VII вв. н. э.: по материалам гробниц с фресками : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 218 с.

Деревянко Е. И. Троицкий могильник. Новосибирск : Наука, 1977. 224 с.

Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёцы (К этнической истории корейцев). М. : Наука, 1972. 204 с.

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. М. : Восточная литература, 1995. Т. 2. 320 с.

Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла. М. : Восточная литература, 2001. Т. 1. 601 с.

Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии. Т. 3. М. : Восточная литература, 2002. 622 с.

Комиссаров С. А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение. С. 20–23.

- Комиссаров С. А., Худяков Ю. С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи. Казань : Фэн, 2007. С. 246–266.
- Кудинова М. А., Комиссаров С. А. Очередная стременная (новые данные о появлении стремян) // Тихookeанская археология. 6-й Междунар. симпозиум. Владивосток : Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2023. С. 86–91.
- Кызласов И. Л. О происхождении стремян // Советская археология. 1973. № 3. С. 24–36.
- Нестеров С. П. Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск, 1988. С. 173–183.
- Нестеров С. П., Алкин С. В. Раннесредневековый могильник Чалиба на р. 2-я Сунгари // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 153–176.
- Савинов Д. Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 16–20.
- Серегин Н. Н. Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. III–IV. С. 9–23.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С. Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 36–49.
- Серегин Н. Н., Фокин С. М., Ключников Т. А. Ранние пластиначатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии: новые находки и возможности культурно-хронологической интерпретации изделий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 34–42.
- Стоякин М. А. Обзор керамики Когурё из памятников в Южной Корее // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2023. № 1. С. 129–159.
- Тетерин Ю. В. Миниатюрные стремена таштыкской культуры Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 83–89.
- Шульга П. И., Горбунов В. В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и Средневековье. Барнаул, 1998. С. 99–101.
- Ван Теин. Мадэн дэ цюоань [王铁英. 马镫的起源 // 欧亚学刊 第3辑] Происхождение стремян // Оуясюэкань [Журнал евразийских исследований]. 2002. № 3. С. 76–100 (на кит. яз.).
- Дун Фэн. Гонэйчэн чжун синь фасянь дэ ицзи хэ иу [董峰. 國內城中新發現的 遺蹟和遺物 // 高句麗研究文集. 延邊大學出版社] Недавно обнаруженные объекты и находки на городище Гонэйчэн // Гаоциюли янъцю вэнъцзы [Сборник исследований по Когурё]. Ун-т Яньбянь, 1993. С. 196–214 (на кит. яз.).
- Институт археологии Академии социальных наук. Чосон когохак джонсо 34. Когурё юмуль [사회과학원고고연구소. 조선고고학전서 34. 고구려유물. 과천: 진인진]. Полное собрание по археологии Кореи. Находки Когурё. Квачхон: Чининджин, 2009. Т. 34. 395 с. (на кор. яз.).
- Институт культурных ценностей и археологии пров. Ляонин. Үнүйшаньчэн: 1996–1999, 2003 нянь Хуанжэн Үнүйшаньчэн дяочжафацзюэ баогао [遼寧省文物考古研究所.

五女山城: 1996–1999, 2003年桓仁五女山城 調査發掘報告. 北京: 文物出版社] Горное городище Уньюй: отчет об археологических исследованиях горного городища Уньюй в Хуанъяжэн в 1996–1999 и 2003 гг. Пекин: Вэнью, 2004. 393 с. (на кит. яз.).

Институт культурных реликвий и археологии пров. Ляонин, Институт культурных реликвий и археологии г. Шэньян. *Шитайцзы шаньчэн* [遼寧省文物考古研究所, 沈陽市文物考古研究所. 石臺子山城. 上下卷. 北京: 文物出版社] Горное городище Шитайцзы. Пекин: Вэнью, 2012. Т. 1–2. 399 с. (на кит. яз.).

Институт культурных реликвий и археологии пров. Цзилинь, Музей г. Цзиань. *Цзиань Гаогули ванлин: 1990–2003 нянь Цзиань Гаогули ванлин дяоча баогао* [吉林省文物考古研究所, 集安市博物馆. 集安高句丽王陵: 1990–2003年集安高句丽王陵调查报告. 北京: 文物出版社] Царские курганы Когурё в Цзиани: отчет об исследованиях царских курганов Когурё в Цзиани в 1990–2003 гг. Пекин: Вэнью, 2004. 527 с. (на кит. яз.).

Институт культурных реликвий и археологии пров. Цзилинь, Музей г. Цзиань, Музей пров. Цзилинь. *Цзиань чуту Гаоцюли вэнью цзисюй* [吉林省文物考古研究所, 集安市博物馆, 吉林省博物院. 集安出土高句丽文物集粹. 北京: 科學出版社]. Коллекция культурных реликвий Когурё, обнаруженных в Цзиане. Пекин: «Кэсюэ», 2010. 217 с. (на кит. яз.).

Исаахая Наото. 2023. Дай 6-сёу. Абуми но сёцугэн — киба бунка адзуума-дэн но гэндорёку [諫早直人. 第6章. 鐙の出現—騎馬文化東伝の原動力— // 馬・車馬・騎馬の考古学—東方ユーラシアの馬文化—. 京都: 臨川書店] Глава 6. Появление стремян: движущая сила восточной традиции всаднической культуры // Ума сяба киба но когаку — тохо юрасиа но ума бунка [Археология лошадей, колесниц и всадничества: конная культура Восточной Евразии]. Киото: «Ринсен», 2023. С. 201–240 (на япон. яз.)

Кан Инук. Когурё тынджаый пальсэнгва Юрасиа чховонджидэрой чонпхаэ тэхаё [강인욱. 고구려 鐙子의 發生과 유라시아 초원지대로의 전파에 대하여 // 북방사논총 12호] О происхождении стремян в Когурё и распространении в степном регионе Евразии // Пукбанса нончхон [Сборник статей по истории Северного региона]. 2006. № 12. С. 141–216 (на кор. яз.).

Кан Хёнсук. *Когурё кобун ёнгу* [강현숙. 고구려 고분 연구. 과천: 진인진] Изучение курганов Когурё. Квачхон: Чининджин, 2013. 376 с. (на кор. яз.).

Кан Хёнсук. Когурё коджиый Пальхэ кобун — Чунгук Ёнёнджибан соксильпуныль чунсимыро [강현숙. 高句麗故地의 渤海古墳- 中國遼寧地方石 室墳을 中心으로 // 한국고고학보. Vol. 72] Бохайские курганы на древней земле Когурё: на основе погребений в каменных камерах на Лядуне в Китае // Хангук когохакбо [Вестник археологии Кореи]. 2009. № 72. С. 160–191 (на кор. яз.).

Ким Гонсу, Ли Сынён, Институт культурного наследия Хонам. *Тамъян Тэчхири юджок: Насалли, Вольбонни юджок* [김건수, 이승용. 호남문화재연구원. 潭陽大峙里遺蹟: 羅山里·月本里遺蹟. 광주: 湖南文化財研究院] Памятник Тэчхири в Тамъяне: памятники Насалли и Вольбонни. Кванджу: Институт культурного наследия Хонам, 2004. 138 с. (на кор. яз.).

Ким Ёнгиль. Пукхан Хамгёнпукдо Чхонджинси Пугори ильдэ пархэ копун ёнгу [김영길. 북한 함경북도 청진시 부거리 일대 밭해 고분 연구 // 高句麗渤海研究. 第79輯] Изучение бохайских курганов в районе Пугори г. Чхонджин пров. Хамгёнпукдо

в КНДР // *Когурё Пархэ ёнгу* [Изучение Когурё и Бохая]. 2024. № 79. С. 225–278 (на кор. яз.).

Ли Саннюль. Самгуксидэ ходыный чхульхёнга чонгэ [이상율. 삼국시대 호등의 출현과 전개 // 한국고고학보. Vol. 65] Появление и распространение стремян «глухого» типа в период Трех государств // *Хангук когохакбо* [Вестник археологии Кореи]. 2007. № 65. С. 46–73 (на кор. яз.).

Ли Хёнгу. *Хангук кодэмунхваий нимиль* [이형구. 한국고대문화의 비밀. 서울: 새녘] Секреты древней культуры Кореи. Сеул: «Сэнёк», 2012. 421 с. (на кор. яз.).

Ли Хёнджон. Силлаый мальгва магу [이현정. 신라의 말과 마구 // 신라고고학개론. 하. 과천] Лошадь и конское снаряжение в Силла // *Силла когохак кэрон. ха* [Введение в археологию Силла. Ч. 2]. Квачхон, 2014. С. 236–292 (на кор. яз.).

Лим Хёджэ, Чхве Чонтхэк, Ян Сонхёк, Юн Сандок, Чан Ынджен. 2000. *Ачхасан джэ 4 пору — пальгульчоса чонхаппогосо* [임효재, 최종택, 윤상덕, 장은정. 아차산 제4보루 — 발굴조사 종합보고서. 서울] Отчет об археологических раскопках форта Ачхасан-4. Сеул, 2000. 562 с. (на кор. яз.).

Лю Хань. Бэйчаодэ кайма циун [柳涵. 北朝的鎧馬騎俑 // 考古. 第2期] Фигурки всадников в доспехах времен Северных династий // *Kaogu*. 1959. № 2. С. 97–100 (на кит. яз.).

Ма Хуэй. Тан дай мадэн [马卉. 唐代马镫 // 文史知识. 2020-4] Стремена в динastии Тан // *Вэньши чжиши* [«Литературно-исторические знания»]. 2020. № 4. С. 5–12 (на кит. яз.).

Музей г. Бэньси. *Бэньси вэньу цзи цуй* [本溪市博物館. 本溪文物集粹. 沈阳: 遼寧美術出版社] Коллекция культурных реликвий Бэньси. Шэньян: «Ляонин мэйшу», 2011, 207 с. (на кит. яз.).

Музей г. Цзилинь. Цзилинь Юнцзи Янтунь Дахаймэн бохай ичжи [吉林省博物館. 吉林永吉杨屯大海猛渤海遗址 // 考古学集刊. 5辑] Бохайский памятник Дахаймэн в Янтунь уезда Юнцзи пров. Цзилинь // *Kaoguséu цзикань* [Сборник статей по археологии]. № 5. 1987. С. 120–151 (на кит. яз.).

Музей Покчхон. *Хангукый кодэ капджу* [복천박물관. 한국의 고대갑주. 부산] Древние доспехи Кореи. Пусан, 2010. 443 с. (на кор. яз.).

Научно-исследовательский институт захороненного культурного наследия префектуры Сидзуока. *Харабун кофун чоса хококу* [静岡県埋蔵文化財調査研究所. 原分古墳調査報告. 静岡市] Отчет об исследовании кургана Харабун. Сидзуока, 2008. 295 с. (на япон. яз.).

Пак Чинук. Самгук сиги-ы магу [박진욱. 삼국시기의 마구. 고고민속. 1966-3] Конское снаряжение периода Трех государств // *Кого минсок* [Археология и этнография]. 1966. № 3. С. 11–19 (на кор. яз.).

Рабочая группа по культурным реликвиям г. Фушунь. Ляонин Фушунь Гаоэршань гучэн чжи дяочжа цзяньбао [撫順市文物工作隊. 遼寧撫順高爾山古城祉調查簡報 // 考古. 1964-12] Краткий отчет об исследовании городища Гаоэр в Фушуне пров. Ляонин // *Kaogu*. 1964. № 12. С. 615–619 (на кит. яз.).

Сайто Хироши. Кофун цзидай но цубо абуми но бунрой то хэннэн [斎藤弘. 古墳時代の壺燈の分類と編年// 日本古代文化研究. 第3号] Классификация и хроноло-

гия стремян в виде «горшка» периода Кофун // *Нихон кодай бунка кенкю* [Исследование древней культуры Японии]. 1986. № 3. С. 47–53 (на япон. яз.).

Фан Цидун. Цзилинь Цзиань дя лян цзо Гаоцзюйли му [方起東. 吉林集安的兩座高句麗墓 // 考古. 1977年2期] Две гробницы Когурё в Цзиане пров. Цзилинь // *Kaogu*. 1977. № 2. С. 123–131 (на кит. яз.).

Хан Чжаоминь. Нинся Гуюань Бэйчжоу Ли Сянь фуфу му фацзюэ цзяньбао [韩兆民. 宁夏固原 北周李贤夫妇墓 发掘简报 // 文物. 1985年第11期] Краткий отчет исследований гробницы Ли Сяня и его жены династии Северная Чжоу в Гуюане, Нинся // *Вэньъу*. 1985. № 11. С. 1–20 (на кит. яз.).

Ци Дунфан. Чжунго цзаоци мадэн дэ юнгуань вэнъти [齐东方. 中国早期 马镫的有关问题 // 文物. 1993年第4期] Проблемы, связанные с ранними стременами в Китае // *Вэньъу*. 1993. № 4. С. 71–78 (на кит. яз.).

Чжан Сюэянь. Цзианьсянь лянцзо Гаоцзюйли цзишиму дэ цинли [张雪岩. 集安县两座高句丽积石墓的清理 // 考古. 1979年第1期] Изучение двух когурёских могил с каменной кладкой в уезде Цзиань // *Kaogu*. 1979. № 1. С. 27–50 (на кит. яз.).

Чхвэ Чонтхэк. Когурё юмуль [최종택. 고구려유물 // 고구려 고고학. 진인진] Находки Когурё // *Kogure kogoak* [Археология Когурё]. Чининджин, 2020. С. 259–358 (на кор. яз.).

Ян Сын. Онёсансоный сонгёкква хваллён ёндэ ёнгу [양시은. 오녀산성의 성격과 활용 연대 연구 // 한국고고학보. Vol. 115] Изучение характера и периода использования горного городища Унью // *Xanguk kogoakbo* [Вестник археологии Кореи]. 2020. № 115. С. 133–157 (на кор. яз.).

Яньбяньский музей [연변박물관. 동청발해무덤 발굴보고 // 발해사연구 3] Отчет о раскопках бохайских курганов Дунцин // Пальхэса ёнгу 3 [Изучение истории Бохая]. 1993. Ч. 3. С. 1–76 (на кор. яз.).

Tokyo National Museum Digital Research Archives: 東京国立博物館研究情報アーカイブズ (tnm. jp)

Gyeongju National Museum: <https://gyeongju.museum.go.kr/e-Museum>
National Museum of Korea: <https://www.emuseum.go.kr/>

REFERENCES

Azbelev P. P. Yeshche raz o rannikh stremenakh [Once again about early stirrups] // *Rossiyskiy arkheologicheskiy yezhegodnik* [Russian Archaeological Yearbook]. 2014, no. 4. P. 297–322 (in Russian).

Ambrose A. K. Stremena i sodla rannego srednevekov'ya kak khronologicheskiy pokazatel' (IV–VIII vv.) [Stirrups and saddles of the early Middle Ages as a chronological indicator (IV–VIII centuries)] // *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1973, no. 4. P. 81–98 (in Russian).

Vainshtein S. I., Kryukov M. V. Sedlo i stremya [Saddle and stirrup]. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1984, no. 6, P. 114–130 (in Russian).

Vorobiev M. V. *Drevnyaya Koreya (Istoriko-arkheologicheskiy ocherk)* [Ancient Korea (Historical and archaeological essay)]. Moscow: «Eastern Literature», 1961, 198 p. (in Russian).

Gilev A. A. *Pogrebal'nyy obryad koguroskoy elity IV–VII vv. n. e.: po materialam grobnits s freskami. Dis. kand. hist. sci* [Funeral rites of the Koguryo elite in the 4th-7th centuries. AD: based on materials from tombs with frescoes. Ph. D. Thesis in History]. Novosibirsk, 2010, 218 p. (in Russian).

Derevianko E. I. *Troitskiy mogil'nik* [Troitskiy burial ground]. Novosibirsk: Nauka, 1977, 224 p. (in Russian).

Dzharylgasinova R. Sh. *Drevniye kogurostsy (K etnicheskoy istorii coreytsev)* [Ancient Koguryo peoples (On the ethnic history of Koreans)]. Moscow: Science, 1972, 204 p. (in Russian).

Kim Busik. *Samguk sagi. (Letopisi Silla)* [Samguk sagi. Annals of Silla]. Moscow: Eastern literature, 2001, vol. 1, 601 p. (in Russian).

Kim Busik. *Samguk sagi: Letopisi Koguro. Letopisi Pekche. Khronologicheskiye tablitsy* [Samguk sagi: Chronicles of Koguryo. Chronicles of Baekje. Chronological tables]. Moscow: Eastern literature, 1995, vol. 2. 320 p. (in Russian).

Kim Busik. *Samguk Sagi. Raznyye opisaniya. Biografii* [Samguk sagi. Various Descriptions. Biographies]. Vol. 3. Moscow: Eastern Literature, 2002. 622 p. (in Russian).

Komissarov S. A. Rasprostraneniye stremyan (v kontekste mezhetnicheskikh kontaktov) [Distribution of stirrups (in the context of interethnic contacts)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, philology]. 2006, vol. 5, Is. 4: Oriental studies. P. 20–23 (in Russian).

Komissarov S. A., Khudyakov Yu. S. Yeshche raz o proiskhozhdennii stremyan: syan'biyskiy factor [Once again about the origin of stirrups: the Syanbi factor]. *Istoriya i kul'tura ulusa Dzhuchi* [History and culture of the Jochi ulus]. Kazan: Feng, 2007. P. 246–266 (in Russian).

Kudinova M. A., Komissarov S. A. Ocherednaya stremennaya (novyye dannyye o poyavlenii stremyan) [Another stirrup (new data on the appearance of stirrups)]. *Tikhookeanskaya arkheologiya. 6-y Mezhdunar. Simpozium* [Pacific Archeology. 6th Int. symposium]. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2023. P. 86–91 (in Russian).

Kyzlasov I. L. O proiskhozhdennii stremyan [On the origin of stirrups]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. 1973, no. 3. P. 24–36 (in Russian).

Nesterov S. P. Stremena Yuzhnay Sibiri [Stirrups of Southern Siberia]. *Metodicheskiye problemy arkheologii Sibiri* [Methodological problems of Siberia archeology]. Novosibirsk, 1988. P. 173–183 (in Russian).

Nesterov S. P., Alkin S. V. Rannesrednevekovyy mogil'nik Chaliba na r. 2 ya Sungari [Early medieval burial ground Chaliba on the river. 2nd Songhua]. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [Traditional culture of East Asia]. Blagoveshchensk, 1999, is. 2. P. 153–176 (in Russian).

Savinov D. G. K probleme proiskhozhdeniya metallicheskikh stremyan v Tsentral'noy Azii i Yuzhnay Sibiri [On the problem of the origin of metal stirrups in Central Asia and Southern Siberia]. *Aktual'nyye problemy sibirskoy arkheologii* [Current problems of Siberian archeology]. Barnaul: Alt. GU. 1996. P. 16–20 (in Russian).

Seregin N. N. Stremena iz pogrebal'nykh kompleksov rannesrednevekovykh tyurok Mongolii [Stirrups from the burial complexes of the early medieval Turks of Mongolia]. *Narody i religii Yevrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2017, is. III–IV. P. 9–23 (in Russian).

Seregin N. N., Fokin S. M., Klyuchnikov T. A. Ranniyе plastinchatyye stremena iz pamyatnikov Tsentral'noy i Severnoy Azii: novyye nakhodki i vozmozhnosti kul'turno-khronologicheskoy interpretatsii izdelyi [Early plate stirrups from the monuments of Central and Northern Asia: new finds and possibilities for cultural and chronological interpretation of finds]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2020, no. 1 (48). P. 34–42 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. Mongoliya v zhuzhanskoye vremya: osnovnyye aspekty interpretatsii arkheologicheskikh materialov [Mongolia in the Ruran time: main aspects of the interpretation of archaeological materials]. *Povelzhskaya arkheologiya* [Volga Archeology]. 2020, no. 4 (34). P. 36–49 (in Russian).

Shulga P. I., Gorbunov V. V. Stremya rannego tipa iz Aleyskoy stepi [Early type stirrup from the Alei steppe]. *Snaryazheniye verkhovogo konya na Altaye v rannem zheleznom veke i srednevekov'ye* [Equipment of a riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul, 1998. P. 99–101 (in Russian).

Stoyakin M. A. Obzor keramiki Koguryo iz pamyatnikov v Yuzhnoy Koreye [Review of Koguryo ceramic from sites in South Korea]. *Multidisciplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [Multidisciplinary research in archeology]. 2023. no. 1. P. 129–159 (in Russian).

Teterin Yu. V. Miniatyurnyye stremena tashtykskoy kul'tury Minusinskoy kotloviny [Miniature stirrups of the Tashtyk culture of the Minusinsk basin]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija* [Bulletin of NSU. Series: History, philology]. 2016. Vol. 15, Iss. 7: Archeology and ethnography. P. 83–89 (in Russian).

Wang Tieying. Mǎdèng de qǐyuán [The Origins of Stirrup]. *Ōuyàxuékān* [Journal of Eurasia studies]. 2002. no. 3. P. 76–100 (in Chinese).

Dong Feng. Guónèichéng zhōng xīn fāxiàn de yíjī hé yíwù [Newly discovered ruins and relics in Guónèi fortress]. *Gāojūlì yánjiū wénjí* [Koguryo Research Collection]. Yánbiān dàxué chūbǎn shè, 1993. P. 196–214 (in Chinese).

Institute of Archeology of the Academy of Social Sciences. *Joseon gogohak jeonso* 34. *Koguryo yumul* [Collection of works on the archeology of Korea. Vol. 34. Koguryo relics]. Gwacheon, Jinjinjin, 2009, 395 p. (in Korean).

Liaoning Provincial Institute of Cultural Relics and Archeology. *Wūnǔ shānchéng: 1996–1999, 2003 Nián Huánrén Wūnǔ shānchéng diàozhā fājué bàogào* [Wunu Mountain City: 1996–1999, 2003 Investigation and Excavation Report of Huanren Wunu Mountain fortress]. Beijing: Wenwu, 2004, 393 p. (in Chinese).

Liaoning Provincial Institute of Cultural Relics and Archeology, Shenyang Institute of Cultural Relics and Archeology. *Shitai shānchéng* [Shitai mountain fortress]. Vol. 1–2. Beijing: Wenwu, 2012, 399 p. (in Chinese).

Jilin Provincial Institute of Cultural Relics and Archeology, Ji'an City Museum. *Ji'an Gaogouli wangling: 1990–2003 nian Ji'an Gaogouli wangling diaocha baogao* [Ji'an Koguryo Royal Tombs: Survey Report on Ji'an Koguryo Royal Tombs from 1990 to 2003]. Beijing: Wenwu, 2004, 527 p. (in Chinese).

Jilin Provincial Institute of Cultural Relics and Archeology, Ji'an Museum, Jilin Provincial Museum. *Jian chutu Gaoguli wenwu jixu* [Collection of Koguryo cultural relics unearthed in Ji'an]. Beijing, Kēxué, 2010, 217 p. (in Chinese).

Isahaya Naoto. Dai 6-shō. Abumi no shutsugen – kiba bunka azuma-den no gendōryoku [Chapter 6. The Appearance of stirrups — The driving force behind the Eastern tradition of equestrian culture]. *Uma shaba kiba no kōkogaku – tōhō yūrashia no uma bunka* [Archeology of horses, chariots and cavalry — Equestrian culture in Eastern Eurasia]. Kyōto: Rinsen shoten, 2023. P. 201–240 (in Japanese).

Kang, In-Uk. Goguryeo deungjaui balsaeng-gwa yulasia chowonjidaeloui jeonpa-e daehayeo [A Study on the origin of stirrups in Koguryo state and its diffusion in Eurasia Steppe]. *Bugbangsa nonchong* [Journal of Northern region's history]. 2006, no 12. P. 141–216 (in Korean).

Kang Hyun-sook. Goguryeo gojiui balhae gobun — jung-gug yonyeongjibang seogsilbun-eul jungsim-eulo [On the stone-chambered tombs of Balhae excavated from Liaoning Province, China]. *Hanguk Kogo-Hakbo*. 2009. Vol. 72. P. 160–191 (in Korean).

Kim Geonsu, Lee Seungyong, Honam Cultural Heritage Research Institute. *Dam-yang Daechili yujeog: Nasanli-Wolbonli yujeog* [Report on the excavation of Dechi-ri site, Damyang]. Gwangju: Honam Cultural Heritage Research Institute, 2004, 138 p. (in Korean).

Kim, Younggil. Bughan Hamgyeongbugdo Cheongjinsi Bugeoli ildae balhae gobun yeongu [A Study on Balhae Tombs in Bugeo-ri, Cheongjin-si, Hamgyeongbuk-do, North Korea]. Koguryo Balhae yeonku [Koguryo Balhae Study]. 2024. Vol. 79. P. 225–278 (in Korean).

Lee Sang-yul. Samgugsidae hodeung-ui chulhyeongwa jeongae [The Development of Cover-type Stirrups of the Three Kingdoms Period]. *Hanguk Kogo-Hakbo* [Journal of Korean Archaeology]. 2007. Vol. 65. P. 46–73 (in Korean).

Lee Hyeonggu. *Hangug godaemunhwau bimil* [Secrets of Korean ancient culture]. Seoul: Saenyok, 2012, 421 p. (in Korean).

Lee Hyeonjeong. Sillaui malgwa magu [Horses and Harnesses of Silla]. *Silla gogohag gaelon* [Introduction to New Archeology of Silla]. Vol. 2. Gwacheon, Jinjin, 2014. P. 236–292 (in Korean).

Lim Hyo-jae, Choi Jong-taek, Yang Seong-hyeok, Yoon Sang-deok, Jang Eun-jeong. *Achasan je4bolu — balguljosa jonghabbogoseo* [Achasan Mountain Fortress 4 — Comprehensive excavation report]. Seoul. 2000, 562 p. (in Korean).

Liu Han. Běicháo de kǎi mǎ qí yǒng [Armored horse riding figurines from the Northern Dynasties]. *Kaogu*. 1959. no 2. P. 97–100 (in Chinese).

Ma Hui. Táng dài mǎdèng [Stirrups in the Tang Dynasty]. *Wénshǐ zhīshì* [Literary and Historical Knowledge]. 2020. no. 4. P. 5–12 (in Chinese).

Benxi City Museum. *Běnxī wénwù jí cuì* [Collection of Benxi Cultural Relics]. Shenyang: Liáoníng měishù, 2011, 207 p. (in Chinese).

Jilin City Museum. Jílín yǒngjí yángtún dàhaiměng bóhai yízhǐ [Jilin Yongji Yangtun Dahaimeng Bohai Site]. *Kǎogǔxué jíkān* [Archaeology Collection]. 1987. no 5. P. 120–151 (in Chinese).

Bokcheon Museum. *Hangug-ui godaegabju* [Korean ancient armor]. Busan. 443 p. (in Korean).

Shizuoka Prefecture Buried Cultural Properties Research Institute. *Harabunkofun chōsa hōkoku* [Harabun Kofun Survey Report]. Shizuoka City, 2008, 295 (in Japanese).

Park Jin-wook. Samgugsigui magu [Harness from the Three Kingdoms period]. *Gogominsog* [Archaeology and folklore]. 1966. no. 3. P. 11–19 (in Korean).

Fushun Municipal Cultural Relics Task Force. Liáoníng fǔshùn gāoěrshān gǔchéng zhǐ diàozhā jiǎnbào [Brief survey of the ancient city of Gaoershan in Fushun, Liaoning]. *Kǎogǔ*. 1964. no. 12. P. 615–619 (in Chinese).

Saitō Hiroshi. Kofun jidai no tsuboabumi no bunrui to hen'nen [Classification and chronology of pot stirrups of the Kofun period]. *Nihon kodai bunka kenkyū* [Japanese Ancient Culture Research]. 1986. no. 3. P. 47–53 (in Japanese).

Fang Qidong. Jílín jíān dì liǎng zuò gāojùlì mù [Two Koguryo tombs in Ji'an, Jilin]. *Kaogu*. 1977. no. 2. P. 123–131 (in Chinese).

Han Zhaomin. Níngxià gùyuán bēizhōu lǐ xián fūfù mù fajué jiǎnbào [Brief introduction on the excavation of the tomb of Li Xian and his wife in the Northern Zhou Dynasty in Guyuan, Ningxia]. *Wénwù*. 1985. no. 11. P. 1–20 (in Chinese).

Qi Dongfang. Zhōngguó zǎoqí mǎdèng de yǒuguān wèntí [Related Issues in Early Stirrups in China]. *Wénwù*. 1993, no. 4. P. 71–78 (in Chinese).

Zhang Xueyan. Jíānxiàn liǎng zuò gāojùlì jī shí mù de qīnglǐ [Studing of Two Koguryo Stone Tombs in Ji'an County]. *Kǎogǔ*. 1979, no. 1. P. 27–50 (in Chinese).

Choi Jong-taek. Koguryo yumul [Koguryo relics]. *Koguryo kogohak* [Koguryo archeology]. Gwacheon, Jinjinjin, 2020. P. 259–358 (in Korean).

Yang Si-eun. Onyeosanseong-ui seong-gyeoggwa hwal-yong yeondae yeongu [A study on the characteristics and date of use of Onyeosanseong Fortress]. *Hangug gogohagbo* [Journal of Korean Archaeology]. 2020. Vol. 115. P. 133–157 (in Korean).

Yanbian Museum. Dongcheong Balhae mudeom balgulgobogo [Dongcheong Balhae Tomb Excavation Report]. *Balhaesa yeongu* [Balhae History Study]. 1993. Vol. 3. P. 1–76 (in Korean).

e-Museum National Museum of Korea: <https://www.emuseum.go.kr/>

Gyeongju National Museum: <https://gyeongju.museum.go.kr/>

Tokyo National Museum Digital Reasearch Archives: 東京国立博物館研究情報アーカイブズ (tnm.jp)

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024

Принята к публикации: 25.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 394

DOI 10.14258/nreur(2024)3–05

Е. А. Ягафова, А. С. Роговой

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
(Россия)

ЭТНИЧЕСКАЯ VS ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧУВАШЕЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ «ВКОНТАКТЕ» И «ОДНОКЛАССНИКИ»)

В статье рассмотрена проблема репрезентации этничности в киберпространстве на основе изучения виртуальной активности участников сельских сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Целью работы является определение соотношение этнической и локальной идентичности жителей чувашских селений в ходе репрезентации в киберпространстве, задачей — характеристика репрезентационных практик в группах и сообществах чувашских селений в пяти регионах компактного проживания чувашей в Урало-Поволжье. Исследование позволило определить роль, значимость этнического фактора в формировании виртуального пространства чувашских селений, способов репрезентации этнокультурного наследия, содержание и востребованность этнически маркированной (чувашской) информации жителями селений. Исследование показало, что этничность выступает в процессе виртуальной самоидентификации пользователей в тесной связи с локальной идентичностью и проявляется в первую очередь в отношении к «малой Родине», а благодаря участию в региональных и/или общечувашских группах получает существенную опору в «чувашском мире» в интернете.

Ключевые слова: ВКонтакте, киберпространство, локальная идентичность, Одноклассники, репрезентация этничности, сельские виртуальные сообщества, социальные сети, чуваши, этничность

Цитирование статьи:

Ягафова Е. А., Роговой А. С. Этническая vs локальная идентичность чувашей в киберпространстве (по материалам социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники») // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, №. 3 С. 91–106. DOI 10.14258/nreur(2024)3–05.

E. A. Iagafova, A. S. Rogovoy

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia)

ETHNIC VS LOCAL IDENTITY OF THE CHUVASH IN CYBERSPACE (BASED ON SOCIAL NETWORKS VKONTAKTE AND ODNOKLASSNIKI)

This article explores the representation of ethnicity in cyberspace by studying the online activities of participants in rural communities on the social networks VKontakte and Odnoklassniki. The research aims to determine the relationship between the ethnic and local identities of residents in Chuvash villages, specifically how these identities are represented online. It focuses on characterizing representational practices within groups and communities from five regions of concentrated Chuvash habitation in the Ural-Volga region. The study highlights the role and significance of the ethnic factor in shaping the virtual landscape of Chuvash villages. It examines how ethnocultural heritage is represented and evaluates the content and demand for ethnically specific (Chuvash) information among village residents. Findings indicate that ethnicity plays a critical role in the virtual self-identification of users, closely tied to their local identity. This connection primarily manifests in their relationship with their «small motherland or birthplace.» Participation in regional and all-Chuvash groups fosters a strong sense of support within the broader «Chuvash world» on the Internet.

Keywords: VKontakte, cyberspace, local identity, Odnoklassniki, representation of ethnicity, rural virtual communities, social networks, Chuvash, ethnicity

For citation:

Iagafova E. A., Rogovoy A. S. Ethnic vs local identity of the Chuvash cyberspace (based on social networks VKontakte and Odnoklassniki). *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No3. P. 91–106 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–05.

Ягафова Екатерина Андреевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры и искусства Самарского государственного социально-педагогического университета, Самара (Россия). Адрес для контактов: yagafova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>

Роговой Алексей Сергеевич, магистр антропологии и этнологии, специалист по учебно-методической работе кафедры философии, истории и теории мировой культуры и искусства Самарского государственного социально-педагогического университета, Самара (Россия). Адрес для контактов: rogovoy.aleksey@psga.ru; <https://orcid.org/0009-0000-2136-9446>

Iagafova Ekaterina Andreevna, Doctor of History, Professor
Head of the Chair of Philosophy, History and the Theory of World Culture and Art of the Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia). Contact address: yagafova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2784-8090>

Rogovoy Aleksey Sergeyevich, Master of Anthropology and Ethnology, Specialist in educational and methodical work of the Chair of Philosophy, History and the Theory of World Culture and Art of the Samara State University of Social Sciences and Education, Samara (Russia). Contact address: rogovoy.aleksey@psga.ru; <https://orcid.org/0009-0000-2136-9446>

Введение

Одной из ключевых проблем в истории человечества является проблема самоопределения человека в социальном и культурном окружении. К числу базовых характеристик личности относится этническая идентичность, основанная на осознании человеком сопричастности к культуре, языку, истории определенного этнического сообщества. Трансформация этнической культуры в современных условиях, когда значительную роль в организации культурного пространства играют интернет, разные информационные технологии, медиасфера, породила у человека необходимость поиска новых форм представления своей идентичности. Сегодня невозможно представить наше окружение без кибермира, включающего многие сферы коммуникации и информации, жизнеобеспечения и услуг, политики и безопасности, промышленности и транспорта, войны и мира. Помимо преобразования прежних сфер, кибермир образует новые (медиа, технологий, сети, каналы и др.) [Головинев и др., 2021:8].

Несмотря на существенное влияние на общественные процессы глобализационных тенденций, в современном обществе этническая идентичность не только не отмирает, но и активно проявляется как в реальном, так и в виртуальном мире. Как показывают исследования этничности последних десятилетий, ее презентация в пространстве интернета становится все более популярной и востребованной; актуальная жизнь разворачивается в информационном пространстве, и «интернет-реальность» уже не представляется вторичной по отношению к физической [Волокитина, 2019: 40]. В этой связи очевидна необходимость изучения процесса презентации этничности в интернет-пространстве, роли киберпространства в существовании этничности, в консоли-

дации этнического сообщества, выяснения масштабов и форм влияния киберэтничности на развитие этнических процессов в реальном мире.

Тема «этнического интернета» рассматривалась в работах зарубежных и отечественных исследователей, в частности А. В. Головнева, С. Ю. Белоруссовой и Т. С. Киссер в соавторстве [2018; 2022], отдельных работах С. Ю. Белоруссовой [2018; 2019; 2022], Т. С. Киссер [2019; 2020], З. А. Махмутова и Г. Ф. Габдрахмановой [2016], А. А. Нечаевой [2020], И. А. Разумовой, О. А. Сулеймановой [2021], А. А. Сибгатуллина [2008] и др. Исследовательские практики показали актуальность изучения в киберпространстве конкретных этнических групп, что обусловило обращение в данной статье к теме «чувашского интернета», которая затрагивалась в работах отдельных авторов лишь фрагментарно [Головнев и др., 2021: 134–135].

В рамках настоящего исследования тема репрезентации этничности в виртуальной среде заострена на проблеме соотношения этнической и локальной идентичности жителей сельских поселений, которая будет решаться на примере чувашей — одного из крупных по численности народов России (по переписи 2020 г. — 1,067 млн чел.¹), активно интегрирующегося, как и другие народы РФ, в киберпространство. Исследование темы связано с решением двух основных вопросов: в какой степени чуваши — жители отдельных населенных пунктов, в частности, сельских поселений, погружены в этническую проблематику и какое место занимает этническая тематика в актуальной повестке дня виртуального сельского сообщества?

Акцент на сельском населении обусловлен тем, что сельская местность является традиционной средой обитания чувашей, в которой формировались их культурные детерминанты как земледельческого народа. Для значительной части чувашей (по переписи 2020 г. — 51%) и сегодня характерен сельский образ жизни, позволяющий в определенной мере воспроизводить и развивать традиционные формы культуры, связанные с хозяйственными практиками (в основном земледелие и животноводство, реже — пчеловодство, собирательство, рыболовство), социальным взаимодействием (сельская община, семья), религиозными представлениями (обрядность).

Обращение к сельским группам и сообществам в киберпространстве позволило бы определить роль виртуальной среды в жизни его членов и место этнической тематики в актуальных вопросах жизнедеятельности села / деревни. Подобный подход к анализу виртуального контента применяется впервые, и вопросы методологии исследования, как и в целом киберэтнографии, находящейся в процессе формирования как отдельного исследовательского направления, остаются открытыми. Один из них — это расхождения в образах, создаваемых отдельной личностью и этническим большинством в процессе репрезентации этничности в киберпространстве, заслуживающий отдельного исследования, лежит за пределами данной статьи.

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020). Том 5 Национальный состав и владение языками. Табл. 1: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXIUoewruiJlVtFYQSh3L9EZjXXadBvIEMJ_eMjWyfydNS9y85tQ-eZXIOPoUY5YjdXMnzfaUw6nWo8ec6msbM-6Gxr81c9q2WJdTUUVw4AySnefW8oywcXSER84j_QhQyCucgQCzA%3D%3D%3Fsign%3DzLfidvTaRsjj73uHphDK8FmtG77Lu3-4R6DPB3R_MgE%3D&name=Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx&nosw=1 (дата обращения: 20.04.2024).

Цель данной работы — определить соотношение этнической и локальной идентичности жителей чувашских селений в ходе презентации в киберпространстве на основе изучения виртуальной активности участников сельских сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Задачи исследования — охарактеризовать презентационные практики в группах и сообществах чувашских селений в разных регионах компактного проживания чувашей.

В рамках исследования был изучен контент сельских групп, сообществ, пабликов в двух наиболее популярных российских социальных сетях «ВКонтакте» (ВК) и «Одноклассники» (ОК). Выборка охватила 21 виртуальное сообщество чувашей в Самарской (с. Девлезеркино² Челно-Вершинского и д. Старое Афонькино Шенталинского районов), Ульяновской (села Аппаково и Чувашский Сускан Мелекесского, Елаур Сенгилеевского, Средние Тимерсяны Цильнинского районов) областях, в республиках Башкортостан (села Кистенли-Богданово и Кош-Елга Бижбулянского, Ефремкино Кармаскалинского, Месели Аургазинского и Чуюнчи-Николаевка Давлекановского районов) и Татарстан (села Аккиреево и Новое Ильмово Черемшанского, Алешкин-Саплык Дрожжановского, Елаур Нурлатского, Старые Бурундуки Буйинского районов), Чувашской Республике (населенные пункты Арабоси Урмарского, Аттиково Козловского, Новые Айбеси Алатырского, Трех-Изб-Шемурша Шемуршинского районов)³.

Отбор виртуальных сообществ указанных селений определялся их доступностью для изучения (они представляют собой открытые группы), а также тем, что в большинстве из них Е. А. Ягафовой изучались этнокультурные процессы в ходе полевых исследований в 2002–2022 гг.⁴, что позволяло в отдельных случаях сопоставлять процессы в виртуальной среде с наблюдениями в ходе экспедиций. Основное внимание уделено тематике и объему размещаемой в группах информации. Было выявле-

² Изучены сообщества в обеих социальных сетях.

³ Сообщества чувашских селений в социальной сети «ВКонтакте»: «МБУ «Аккиреевский СДК» (<https://vk.com/public193837986>)», «Аттиковская Сельская библиотека» (<https://vk.com/public195369177>), «Алешкин-Саплыкский СДК Дрожжановский район РТ» (<https://vk.com/public211629657>), «Девлезеркино СДК» (<https://vk.com/public20088577>), «Елаурский сельский Дом культуры» (<https://vk.com/elaurklub>), «Кош-Елгинский Сельский Дом Культуры» (<https://vk.com/public116068194>), «Меселинский СДК» (<https://vk.com/public207764109>), «Новоайбесинский СДК» (<https://vk.com/public218650706>), «МБУ «Новоильмовский СДК»» (<https://vk.com/public186938541>), «Сельский клуб Бор-Игар | Ял клуб Йёкёрте» (https://vk.com/sdk_bor_igar?from=search), «Чувашский Сускан» (<https://vk.com/tchuvaschskisuskan>); (дата обращения: 15–22.03.2024); Сообщества чувашских селений в социальной сети «Одноклассники»: «Хамар ял. Село Аппаково. Мелекесский район» (https://ok.ru/appakovo_u), «Арабоси» (<https://ok.ru/arabosi>), «Девлезеркино-Родина моя.» (<https://ok.ru/devlezerki>), ««ЕЛАУР- село мое родное! Татарстан»» (<https://ok.ru/seloyelaur>), «ЕФРЕМКИНО-это мое детство! ЕФРЕМКИНО-моя школа!» (<https://ok.ru/yefremkino>), «Кистенли-Богданово моя Родина» (<https://ok.ru/kistenlibo>), «Родное Чув-Урметьево» (<https://ok.ru/rodnoechuv>), «Тимерсяны» (<https://ok.ru/timersyany>), «Старое Афонькино – наша «малая Родина»» (<https://ok.ru/starafonk>), ««старые бурундуки»» (https://ok.ru/c_staryebu), «ТРЁХ-ИЗБ ШЕМУРШИНСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.» (<https://ok.ru/group/51003549417665>), «ЧЮҮНЧИ-НИКОЛАЕВКА – ЧАВАШ ЯЛЁ» (<https://ok.ru/chuyunchin>), «Чувашский Чикилдым» (<https://ok.ru/group/50657067073733>); (дата обращения: 23–31.03.2024).

⁴ Полевыми исследованиями были охвачены с. Девлезеркино (2021 г.), д. Старое Афонькино (2021 г.), с. Аппаково (2003), с. Средние Тимерсяны (2002 г.), с. Кистенли-Богданово и Кош-Елга (2022 г.), с. Ефремкино (2002), с. Месели (2022 г.), Новое Ильмово (2021 г.), с. Алешкин-Саплык (2002 г.), с. Старые Бурундуки (2002 г.), с. Аттиково (2022 г.), д. Трех-Изб-Шемурша (2005 г.).

но 1822 единицы контента в ВК и 990 — в ОК, которые были распределены по тематических блокам и статистически обработаны; во всех сообществах анализировался материал за 2023 г. Дополнительно привлекался материал по двум селениям Самарской области — Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района и Борискино-Игар Клявлинского района.

Анализ контента виртуальных сельских групп и сообществ в социальных сетях был направлен на решение следующих двух проблемных вопросов: Какова доля этнически маркированного контента и его тематика? Какова доля и тематика информации локального значения? Анализ материала позволил определить роль, значимость этнического фактора в формировании виртуального пространства чувашских селений, формы презентации этнокультурного наследия, содержание и востребованность этнически маркированной (чувашской) информации жителями селений. Одним из вопросов исследования было выяснение степени включенности жителей изучаемого селения в чувашскую тематику путем анализа их виртуальных связей в рамках других чувашских сообществ и групп. Выборочно в группах сел в социальной сети «Одноклассники» были проанализированы данные 5% пользователей — членов групп, всего 454 личные страницы.

При анализе материала были учтены данные онлайн-опроса пользователей социальных сетей «Одноклассники» и «ВКонтакте», проведенного в 2023 г. с использованием Google Forms, в котором приняли участие 139 человек — чуваки, в том числе 48 пользователей сети «Одноклассники» и 91 пользователь сети «ВКонтакте»¹.

Виртуальные группы и сообщества чувашских селений

Виртуальные страницы чувашских селений представлены в виде официальных страниц (с пометкой «Госорганизация») в сети «ВКонтакте» и неофициальных публичных страниц в обеих социальных сетях. Детальное знакомство с контентом позволило классифицировать группы и сообщества по содержанию и форме размещаемой информации. Первая группа — это неофициальные публичные страницы селений, контент которых формируется при добровольном участии их жителей и содержит различную актуальную для жителей тематику, чаще о новостях и культурных событиях в жизни селений. Вторая группа — официальные публичные страницы селений, созданные и поддерживаемые местными администрациями; контент таких групп более официальный — чаще объявления и отчеты о проведении мероприятий. Третья группа — это публичные страницы сельских Домов культуры, на которых размещается информация о культурной жизни селения, мероприятиях, организованных работниками СДК. Поскольку ведение таких страниц является обязательным в некоторых регионах, то контент постоянно обновляется; на некоторых страницах это происходит ежедневно. Последнее обстоятельство выгодно отличает третью группу сообществ от первых двух и позволяет проследить динамику виртуальной жизни сельского сообщества.

Если на сайтах сельских домов культуры преобладает информация о культурной жизни селения — анонсы концертов, праздничных мероприятий и репортажи о них,

¹ Полевые материалы авторов, 2023 г. (ПМА, 2023). Опрос пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники».

то на страницах самих селений присутствуют также информация социально-бытового характера — объявления о купле-продаже, предложения об оказании различных услуг, поиске потерявшихся людей. На всех площадках жители активно комментируют посты, часто одобряя, благодаря сотрудников администрации или сельского клуба, но нередко и критикуя их, обсуждают актуальные вопросы жизни сельского сообщества. Таким образом, группы, сообщества и паблики — это площадка активного внутрисельского взаимодействия, своеобразная «агора» селения.

Изучение состава участников групп и сообществ показало, что значительная часть из них не проживает в селении, но так или иначе связана с ним либо происхождением, либо родственными или иными контактами с его жителями. По этой причине число участников отдельных виртуальных сообществ в ВК (Чувашский Сускан; 318,2%) и в большинстве групп в ОК превышает реальное число жителей (табл. 1 и 2). В среднем, в сельские сообщества в сети «ВКонтакте» включены 43,5%, а в сети Одноклассники — 193,1%, что почти вдвое больше фактического числа проживающих в селении.

Таблица 1
Чувашские сельские сообщества в сети «ВКонтакте»

Table 1
Chuvash rural communities on the VKontakte network

Название селения — название сообщества	Численность жителей в селении (текущая статистика на 01.01.20242)	Численность участников виртуальной группы селения	В процентном отношении к фактической численности
Аккиреево — «МБУ «Аккиреевский СДК»»	646	402	62,2
Алешкин Саплык — «Алешкин-Саплыкский СДК Дрожжановский район РТ»	572	155	27,1
Аттиково — «Аттиковская Сельская библиотека»	171	59	34,5
Девлезеркино — «Девлезеркино СДК»	580	250	43,1
Елаур — «Елаурский сельский Дом культуры»	835	233	27,9
Кош-Елга — «Кош-Елгинский Сельский Дом Культуры»	680	588	86,5
Месели — «Меселинский СДК»	603	106	17,6
Новые Айбеси — «Новоайбесинский СДК»	650	265	40,8
Новое Ильмово — «МБУ «Новоильмовский СДК»»	628	325	51,8
Чувашский Сускан — «Чувашский Сускан»	203	646	318,2

² BDEX — электронная база данных: <https://bdex.ru> (дата обращения: 30.04.2024).

Таблица 2

Чувашские сельские группы в сети «Одноклассники»

Table 2

Chuvash rural groups in Odnoklassniki network

Название селения — название сообщества	Численность жителей в селении (текущая статистика на 01.01.2024 ¹)	Численность участников виртуальной группы селения	В процентном отношении к фактической численности
Аппаково — «Хамар ял. Село Аппаково. Мелекесский район»	160	521	325,6
Арабоси — «Арабоси»	1263	862	68,3
Девлезеркино — «Девлезеркино-Родина моя.»	580	1128	194,5
Елаур — ««ЕЛАУР — село мое родное!» Татарстан»	415	1344	323,6
Ефремкино — «ЕФРЕМКИНО — это мое детство! ЕФРЕМКИНО — моя школа!»	975	893	91,6
Кистенли-Богданово — «Кистенли-Богданово моя Родина»	401	582	145,1
Средние Тимерсяны — «Тимерсяны»	669	1411	210,9
Старое Афонькино — «Старое Афонькино — наша «малая Родина»	350	454	129,7
Старые Бурундуки — «с. Старые бурундуки»	100	422	422,0
Трех-Изб-Шемурша — «ТРЕХ-ИЗБ ШЕМУРШИНСКАЯ СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА»	363	189	52,1
Чуюнчи-Николаевка — «ЧЮОНЧИ-НИКОЛАЕВКА — ЧАВАШ ЯЛЁ»	537	860	160,1

Высокие показатели обеспечиваются также распространенной практикой «участия» в группе конкретного селения жителей соседних сел и деревень, что позволяет им «быть в курсе» текущей жизни сельской округи. Таким образом, социальные сети формируют социальное взаимодействие в пределах «кустов» селений.

Безусловно, виртуальное сообщество отличается от реального вследствие ограниченного доступа к интернет-технологиям отдельных категорий жителей, в первую очередь старшего поколения. Как показал опрос 2023 г., пользователи сетей «Одноклассники» и «ВКонтакте» немного различаются по контингенту. Пользователи сети «Одноклассники» — это лица в возрасте от 26 до 78 лет, но в основном от 45 до 60 лет, преимущественно служащие (34,1%), пенсионеры (36,4%) и рабочие (13,6%) с высшим или неоконченным высшим (65,9%) или средним профессиональным образованием (15,9%). В сети «ВКонтакте» преобладают пользователи в возрасте от 25 до 55 лет, служащие (26,1%), пенсионеры (20,5%), рабочие (17%), предприниматели и студенты (по 8%) по роду занятий, с высшим или неоконченным высшим (55,2%), средним профессиональным образованием (21,8%) и ученой степенью (10,3%)². Указанные различия с большой вероятностью отражаются на особенностях поведения участников сообществ в виртуальной среде.

¹ BDEX — электронная база данных: <https://bdex.ru> (дата обращения: 30.04.2024).

² Полевые материалы авторов, 2023 г. (ПМА, 2023). Опрос пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники».

Тематика контента виртуальных сельских сообществ

Изучение контента виртуальных страницселений показало, что в них отражен весь актуальный спектр тем социокультурной жизни села — благоустройство и экология, календарные светские (Новый год, 8 марта и др.) и религиозные праздники (поздравительные открытки, приглашения на церковные службы, просветительская информация), патриотические мероприятия — встречи с ветеранами, флешмобы с чтением стихов в дни государственных праздников (9 мая, 23 февраля, 12 июня, 4 ноября и др.), анонсы концертов и других публичных мероприятий и отчеты об их проведении и т. д. В целом, контент может быть разделен на сведения общего характера (анонсы мероприятий, реклама, поздравления), информацию на патриотическую (участие жителей в Великой Отечественной войне, СВО), этническую и локальную тематику. В рамках настоящего исследования наше внимание привлекли две последние темы, которые составляют в совокупности более 65% информации, размещаемой в сельских группах и сообществах; именно они будут рассмотрены ниже подробнее. Соотношение тематических блоков контента представлено в таблице 3.

**Соотношение тематики контента в сельских группах и сообществах
в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», %**

Table 3

**Correlation of content topics in rural groups and communities
on VKontakte and Odnoklassniki social networks, %**

Социальные сети	Общая информация	Патриотическая тематика	Этническая тематика	Локальная тематика
ВКонтакте	21,30	13,28	14,71	50,71
Одноклассники	28,18	6,56	14,75	50,51

Как видно из таблицы, доля этнического и локального контента в обеих сетях практически одинакова и составляет соответственно 14,71 и 50,71% в ВК и 14,75 и 50,51% в ОК. При этом статистически локальная тематика превышает этническую почти в 3,5 раза, что на первый взгляд указывает на незначительность этнического начала в общественной жизни чувашскихселений. Однако смысло-содержательный анализ информации локального характера показал ее тесную связь с понятиями, лежащими в основе этнической идентичности жителейселений, такими как «малая Родина», «земля предков, отцов и дедов», «семья и род» и т. д. Рассмотрим последовательно этнический и локальный контент в виртуальных группах и сообществах чувашскихселений.

Этническая тематика

Этническая тематика ярко представлена анонсами чувашских общесельских или региональных праздников и отчетами об их проведении. Так, на страницах сельских групп часто можно встретить репортажи о проведении Масленицы Ҫäварни, летних хороводов Уяв/Вайә с соответствующим песенным фольклором ҫäварни юррисем, уяв / вайә юррисем, моления Учук, праздника деревни или улицы и др. В целом, данной тематике посвящена почти четверть (22,83%) этнического контента в ВК и пятая часть (20,54%)

в ОК (см. табл. 4). Даже если эти обряды не проводятся в селении, пользователи размещают их со страниц других пользователей и групп, тем самым обогащая этнический (чувашский) контент в группе / сообществе своего селения.

Таблица 4

**Соотношение тем этнического контента в социальных сетях
«ВКонтакте» и «Одноклассники»**

Table 4

The ratio of ethnic content topics on VKontakte and Odnoklassniki social networks

Социальные сети	Фольк. коллек-тивы	Меро-при-ятия	Чуваш-ский ко-стюм, вышивка	Анонсы меропри-ятий	Памят-ные даты	Празд-ники и обряды	Чувашский язык, поэзия	Песни, музыка, танцы
ВКонтакте	23,76	17,83	3,69	8,85	9,95	22,83	7,92	5,17
Одноклас-ники	19,27	2,67	3,01	7,14	2,63	20,54	10,63	34,11

Существенную часть контента в ОК (более трети — 34,11%) составляют видеоклипы чувашских эстрадных песен, танцев. Как правило, перепосты контента чувашских групп и сообществ в социальных сетях и веб-ресурса YouTube. В то же время в ВК доля этого вида контента невелика — всего 5,17%, что обусловлено возрастными особенностями контингента пользователей — более молодым в ВК; чувашская эстрада в реальной жизни и виртуальном пространстве пользуется популярностью среди более молодого населения пользователей ОК.

Отдельного внимания заслуживают посты о деятельности местных фольклорных коллективов — анонсы их выступлений, отчеты об участии в концертах и фестивалях и т. д., сопровождающиеся, как правило, фото- и видеорепортажами; они составляют примерно 24% этнического контента в ВК и более 19% в ОК. Тематически близка им общая информация о чувашских фольклорных и эстрадных концертах и фестивалях, представленная существенно чаще в ВК (17,83%), чем в ОК (2,67%). Расхождение обусловлено спецификой контента виртуальных страниц сельских домов культуры в ВК, регулярно размещающих сведения о проведенных мероприятиях или об участии местных коллективов в региональных праздниках и концертах. Тема чувашского костюма и вышивки занимает сравнительно незначительное место — им уделено всего около 3% контента в ОК и чуть более этого (3,69%) в ВК, что несколько отличается от ситуации с этнокультурным контентом в интернете — в тематических группах в социальных сетях, а также на веб-платформах YouTube, RuTube и других эта тема активно обсуждается пользователями.

Этнический контент сельских групп и сообществ формируется не только на основе фольклорных сюжетов, но и профессиональной культуры — музыки, поэзии. На страницах сообществ размещаются стихи, музыкальные произведения, информация о творческих встречах с их авторами, о проведении круглых столов, посвященных деятелям культуры, чувашским ученым, общественным деятелям («Алешкин-Салыкский СДК» в ВК). В совокупности эта тематика занимает примерно 18% этнически маркированного контента в ВК и 13% в ОК.

Немаловажную роль в популяризации чувашской культуры на страницах сельских сообществ играют красочные анонсы концертов чувашских артистов и других мероприятий — на их долю приходится почти 9% этнического контента в ВК и чуть более 7% в ОК. Часть новостной информации, а также отчеты о мероприятиях представлены на чувашском языке, что усиливает их этническую выраженность.

Этническую маркировку получают и поздравления с праздниками на чувашском языке. В их числе и интернет-акции — в 2023 г. жители чувашских сел приняли участие в интернет-акции «Мы славим Победу на всех языках», посвященной 80-летию разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве («Алешкин-Саплыкский СДК» в ВК).

Актуальность этнической тематики для пользователей — участников виртуальных сельских сообществ — позволяет установить изучение характера их активности в конкретных группах. Например, из 1125 пользователей группы «Девлазеркино — родина моя» в ОК только 14% подписаны на чувашские публичные страницы, в основном посвященные музыке и песням; из них более половины — на одну группу. Из 106 тематических альбомов лишь 10 посвящены этнической тематике, в основном, содержат информацию о проведении праздников *Акатуй* и *Уяв* (Петров день). В остальных 10 изученных группах чувашских селений в ОК около трети пользователей (33,1%) подписаны на одну группу, чуть менее половины (46,7%) — от двух до десяти групп, пятая часть пользователей (20,2%) — на 11 и более чувашских групп в ОК. Такие показатели расходятся с реальной активностью жителей чувашских селений — участием в фольклорных коллективах (имеются в большинстве рассмотренных селений), а также в масовых чувашских сельских праздниках и могут быть объяснены ограниченным доступом жителей, особенно старшего поколения, в интернет.

Объем и регулярность обновления этнического контента во многом зависит от активности отдельных пользователей, таких как К. Малышев (Казань), выступающих администраторами ряда групп. Благодаря его тиражированию на страницах сельских сообществ последние выступают каналами трансляции чувашской культуры, популяризации ее среди значительной массы пользователей, а в конечном итоге, интеграции сельских сообществ в виртуальное пространство чувашской культуры, в чувашское киберпространство.

Локальная тематика

Тематика локального характера выглядит значительно шире этнической и превышает ее по объему более чем в три раза (статистика по блокам тем представлена в таблице 5). В отличие от этнической тематики она существенно различается по социальным сетям. Так, в сообществах ВК широко представлена работа сельских домов культуры (15,44%), организация ими мероприятий, в том числе воспитательных и досуговых для подростков и детей (33,68%), участие в конкурсах и фестивалях (9,86%), в то время как в ОК шире освещаются вопросы экологии, природы (13,41%), благоустройства села (3,98%), православного прихода (5,09%), а также личные судьбы (15,6%) и художественное творчество местных жителей (5,32%).

Одна из популярных тем в ОК — история селения, на ее долю приходится около 40% информации в группах. Она представлена очерками об истории селения, храма (если

таковой имелся / имеется), колхоза, школы, об известных жителях — ученых, писателях, артистах — его уроженцах, о героях и участниках ВОВ, военных действий последних десятилетий и др. В отдельных случаях в группах размещаются фотокопии исторических документов, в том числе метрических книг, как например в группе «Хамар ял. Село Аппаково. Мелекесский район» в ОК. Значимую роль в презентации сельской истории в ОК играет школьная тема, представленная, помимо истории школы, фотографиями школьной жизни разных лет и встреч выпускников. Акцентирование информации на этой теме связано с отношением пользователей к школьным годам как важнейшему этапу жизненного пути.

Значительную часть контента составляют портреты жителей, фотографии бытовых сцен, семейных торжеств, публичных мест, знаковых событий сельской жизни, школьных лет. Как правило, они сгруппированы по альбомам с говорящими названиями: «Встреча с родными», «Наши будни и праздники», «Родной край», «Деревня в лицах» (например, в группе «Чувашский Чикилдым» в ОК). Фотографии сопровождаются комментариями жителей, которые в отдельных случаях превращаются в поисковую историю с идентификацией изображенных лиц или мест, поиском родственников и т. д. Нередко в этом участвуют и уроженцы селений, проживающие в других населенных пунктах, но внимательно следящие за виртуальной жизнью бывших односельчан через социальные сети. Пользователи размещают посты о своей «малой Родине» в группах, на своих страницах, загружают фото- и видеоконтент, комментируют свои и чужие посты, выясняя в том числе происхождение источника, личности изображенных, родственные связи с ними и т. д. Социальные сети становятся, таким образом, для пользователей одной из площадок для генеалогического поиска.

Таблица 5
Локальный контент в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники»
*Table 5
Local content on «VKontakte» and «Odnoklassniki» social networks*

Социаль-ные сети	События	Поздравления	Участие в конкурсах, фестивалях	Воспитание и досуг подростков и детей	Мероприятия СДК	Творчество местных жителей	Про-воды в армию	Природа и экология	История села и жителей	Личные истории и фото	Социальная активность	Благоустройство села	Вопросы и обращения жителей	Местный приход РПЦ	Мемориальная
ВКонтакте	10,28	5,35	9,86	33,68	15,44	2,13	0,81	8,10	6,37	-	3,43	2,01	0,47	0,67	-
Одно-классни-ки	6,94	3,98	3,94	-	-	5,32	-	13,41	39,87	15,6	0,23	3,98	1,15	5,09	0,49

Такие направления активности вполне соответствуют декларируемым администрациями описаниям групп: например, «Все, кто родился, вырос или когда-то был в этом

селе, предлагаю размещать здесь свои фото, родителей, односельчан, родных окрестностей. Если у кого-то есть старые фотографии, тоже очень интересно....» («Родное Чув-Урметьево»). Генеалогические поиски получают совершенно самостоятельное звучание в фотоальбомах отдельных семейно-родственных групп. Например, в группе «Девлезеркино — родина моя» собраны фотоальбомы «Древо рода Моисеевых», «Салмины», «Кузнецовы», «Поршевы». Таким образом, заметное место в презентации локальной идентичности занимают семейно-родственные связи.

Тесно связана с последней мемориальная тема, представленная почти в каждом сообществе, но особенно ярко — в группах отдельных селений. Например, жителями с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Самарской области создан отдельный альбом в группе в сети «Одноклассники» «НАШЕ ЛЮБИМОЕ СЕЛО ДЕВЛЕЗЕРКИНО!!!!!!», а которой в основном размещаются фотографии умерших жителей села с соболезнованиями родным в комментариях.

Очень выразительно тему «малой Родины» передают фотоальбомы и их названия. Например, в группе с. Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района Самарской области в ОК выделены такие альбомы: «Мы тоже из ЧУВ — УРМЕТЬЕВО...», «О д Н о С е Л ъ Ч а Н е», «Наши РОДИТЕЛИ, БАБУШКИ и ДЕДУШКИ», «моё родное село» и др.

Образ «малой Родины» в представлении пользователей связан с окружающей средой природой, красотами которой они восхищаются в фото- и видеоизображениях окрестностей и в комментариях к ним: «В красивом месте мы живём. Красотаааа»; «Просто и красиво»; «Милая, Родина милая»; «Красота наша родная. Я люблю тебя, моя малая Родина»; «Прекрасная родина моя!». Фотоальбомы с характерными названиями («ПРОСТОРЫ нашего СЕЛА», «Родные просторы» и т. д.) есть практически в каждой сельской группе в ОК. Комментарии к ним проникнуты ностальгией по родным местам: «Вид детства!»; «Нет земли краше, чем родина наша! На чужбине родная землица во сне снится. На чужой стороне Родина милей вдвойне».

Деревенская тематика с ностальгическими комментариями больше характерна для сети «Одноклассники», что объясняется, вероятно, тем, что среди пользователей этой сети преобладают сельские жители и/или выходцы из сел. По данным онлайн-опроса, проведенного в 2023 г., пользователи ОК в большей степени заинтересованы в информации о своих одноклассниках, родственниках, знакомых (79,5%) и о жизни села / деревни (61,3%), о чувашах своего региона (района, области) (79,5%), чем пользователи ВК (45,4, 48,8, 62,5% соответственно). Пользователи ОК также охотнее состоят в сельских сообществах (62,1%) и участвуют в них (56,7%), чем состоящие в ВК (50 и 36,3% соответственно)¹.

Тема «деревни» как малой родины прочно связана у пользователей с образом родительского дома, темами семьи, родства. Особенно актуальна эта тема для заброшенных селений, продолжающих виртуальную жизнь в киберпространстве благодаря воспоминаниям ее прежних жителей.

Страницы селений в социальных сетях — своеобразная летопись сельской жизни. Здесь представлены все наиболее значимые события, будь то празднование Дня ВДВ

¹ Полевые материалы авторов, 2023 г. (ПМА, 2023). Опрос пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники».

или Последнего звонка в местной школе. Существенную часть контента групп, особенно СДК, составляют анонсы о предстоящих мероприятиях и отчеты об их проведении. Последние сопровождаются фото- и видеоматериалами, позволяющими детально проследить ход организации мероприятия и виртуально приобщиться (хотя и потсфактум) к нему. Такие отчеты позволяют выходцам из селения удаленно «участвовать» в культурной жизни села, укрепляют в них чувство «малой Родины», о чем свидетельствуют многочисленные комментарии.

Однако сельские страницы — это и способ организации культурной жизни, ставший особенно актуальным в период пандемии COVID-19. Культурная жизнь селений поддерживалась за счет онлайн-трансляций мероприятий, в том числе крупных мероприятий (например, чувашских праздников-фестивалей «Уяв», «Учук» и др.) или путем проведения онлайн-конкурсов. Сложившаяся в период ковидных ограничений практика продолжилась и в последующем. Например, в августе 2022 г. клубные учреждения Клявлинского района Самарской области были задействованы в онлайн-конкурсе чувашской культуры «Мой край родной», организованном при поддержке Президентского гранта «Язык — душа народа». Жителям района предлагалось проголосовать в ВК за понравившееся выступление танцевального коллектива, чтеца стихов и вокалиста (пост от 19.08.2022 в сообществе с. Борискино-Игар «Сельский клуб Бор-Игар | Ял клуб Йёкёрте» в ВК).

Страницы сельских обществ — это способ быстрого информирования о грядущих мероприятиях, будь то просмотр фильмов под открытым небом или соревнования по мини-футболу (Борискино-Игар). Интернет-площадки чувашских сел и деревень — группы и сообщества в социальных сетях, паблики — стали виртуальной «доской объявлений», через которую жители узнают о грядущих культурных событиях — праздниках, акциях и т. д. Пользовательский контент частично посвящен бытовым вопросам — здесь содержатся рецепты блюд, заготовок, другие полезные советы хозяйственного назначения, которые жители активно тиражируют и комментируют, что также способствует их взаимной коммуникации.

Таким образом, информация локального характера включает обширный и разнообразный спектр тем, актуальных для жителей чувашских селений и выходцев из них (история селения, семейно-родственные связи и т. д.), отражающих социальную активность местного населения и способствующих их взаимодействию как в виртуальном, так и в реальном формате. Особенно значима для пользователей тема «малой Родины», поиска ими «своих корней», отражающая процесс их личностной идентификации, в ходе которой они обращаются к понятиям («земля предков, отцов и дедов», «семья и род» и др.), лежащим, как известно, в основе этнической идентичности индивида. Поэтому тематика локального характера сельских групп и сообществ в социальных сетях выступает фундаментом этнокультурного самоопределения их участников. Участие в общечувашских группах и сообществах укрепляет в них этническое самосознание.

Заключение

В целом, киберпространство чувашских селений служит целям информирования жителей о текущей жизни, в первую очередь о культурных событиях, но также способствует консолидации сельского сообщества, формированию у его членов чувства единства, «малой Родины», в целом — локальной идентичности. Не случайно названия

публичных страниц содержат формулы локально-патриотического характера: «НАШЕ ЛЮБИМОЕ СЕЛО ДЕВЛЕЗЕРКИНО!!!!!!», «Девлезеркино — Родина моя», «Родное Чувурметьево» и т. д.

Локальный контент активно создается жителями, благодаря чему виртуальные группы и паблики, как зеркало, отражают реальные события жизни сельского сообщества. Количественное преобладание (более 50%) и разнообразие в них информации местного характера на первый взгляд указывает на приоритет локальной идентичности жителей над этнической. Вместе с тем тема «малой Родины», ее природных красот и исторического прошлого, родственных связей, красной нитью проходящие сквозь контент киберсообществ, создают прочный фундамент для культурного самоопределения человека. Этничность выступает в процессе виртуальной самоидентификации пользователей в тесной связи с локальной идентичностью и проявляется в первую очередь в отношении к «малой Родине». Благодаря участию некоторых членов сельских групп и сообществ в региональных и/или общечувашских группах она получает существенную опору в «чувашском мире» в интернете.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00018, <https://rscf.ru/project/23-28-00018/>

Acknowledgement and funding

The study was funded by the Russian State Foundation, project number 23–28–00018, <https://rscf.ru/project/23-28-00018/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Белоруссова С. Ю. Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 41–63.

Белоруссова С. Ю. Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84–111.

Белоруссова С. Ю. Нагайбаки в киберпространстве // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 71–77.

Волокитина Н. А. Этническая культура и презентация идентичности в интернет-пространстве // Культурология, 2019. № 3 (33). С. 39–45.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.

Киссер Т. С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 64–84.

Киссер Т. С. Российские немцы: религиозность онлайн // Этнография. 2020. № 3 (8). С. 103–123.

Махмутов З. А., Габдрахманова Г. Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Историческая этнология. 2016. Т. 1. № 2. С. 276–292.

Нечаева А. А. Проблема конструирования валлийской идентичности в ХХI в. на страницах интернет-сайтов // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 154–168.

Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 2 (179). С. 114–122.

Сибгатуллин А. А. Татарский Интернет. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. 60 с.

REFERENCES

- Belorussova S. Yu. Nagaybaki v kiberprostranstve [Nagaibaks in cyberspace]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2018, no. 1. P. 71–77. (in Russian).
- Belorussova S. Yu. Silakryashen: virtual'naya zhizn' nepriznannogo naroda [#Silakryashen: virtual life of an unrecognized people]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian historical research]. 2019, no. 2. P. 41–63 (in Russian).
- Belorussova S. Yu. Korennyye malochislennyye narody Rossii: virtual'naya etnichnost' i setevyye optyty [Indigenous peoples of Russia: virtual ethnicity and network experiences]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2022, no. 4 (18). P. 84–111 (in Russian).
- Volokitina N. A. Etnicheskaya kul'tura i reprezentatsiya identichnosti v internet-prostranstve [Ethnic culture and representation of ethnic identity in the Internet space]. *Kul'turologiya* [Culturology]. 2019, no. 3. P. 39–45 (in Russian).
- Golovnyov A. V., Belorussova S. YU., Kissner T. S. Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web ethnography and cyberethnicity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2018, no. 1 (58). P. 100–108 (in Russian).
- Golovnyov A. V., Belorussova S. YU., Kissner T. S. *Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya* [Virtual ethnicity and cyberethnography]. St. Petersburg: MAE RAN, 2021, 280 p. (in Russian).
- Kissner T. S. Virtual'naya identichnost' rossiyskikh nemtsev [Virtual identity of Russian Germans]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian historical research]. 2019, no. 2. P. 64–84 (in Russian).
- Kissner T. S. Rossiyskiye nemtsy: religioznost' onlayn [Russian Germans: religiosity online]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2020, no. 3 (8). P. 103–123 (in Russian).
- Makhmutov Z. A., Gabdrakhmanova G. F. Osobennosti etnicheskoy identichnosti virtual'nykh tatarskikh soobshchestv v sotsial'noy seti VKontakte [Features of the ethnic identity of virtual Tatar communities on the social network VKontakte]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. 2016, vol. 1, no 2. P. 276–292 (in Russian).
- Nechayeva A. A. Problema konstruirovaniya vallyanskoy identichnosti v XXI v. Na stranitsakh internet-saytov [The problem of constructing Welsh identity in the 21st century. on the pages of Internet sites]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2020, no. 3 (9). P. 154–168 (in Russian).
- Razumova I. A., Suleymanova O. A. Saamskiye setevyye soobshchestva v etnicheskem internete Rossii [Sami network communities in the «ethnic Internet» of Russia]. Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk State University]. 2021, no. 2 (179). P. 114–122 (in Russian).
- Sibgatullin A. A. *Tatarskiy Internet* [Tatar Internet]. Nizhniy Novgorod: Publishing house «Medina», 2008, 60 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.05.2024

Принята к публикации: 10.09.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 94: [614.21]
DOI 10.14258/nreur(2024)3–06

Л. М. Дамешек

Байкальский государственный университет, Иркутск (Россия)

И. Л. Дамешек

Иркутский государственный университет, Иркутск (Россия)

И. В. Орлова

Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск (Россия)

ИНФЕКЦИОННЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОЧНИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ

Авторы статьи рассматривают источники распространения инфекционных заболеваний у коренного этноса Восточной Сибири, эпидемиологические факторы, угрожающие вымиранием аборигенов, анализируются меры, направленные на борьбу с распространением у инородцев натуральной оспы, сифилиса, проказы и пр. Первые данные о появлении заболеваний, способных массово уносить жизни инородцев, стали зафиксироваться в конце XVIII в. Но на протяжении десятилетий приоритетным направлением по предупреждению инфекций имела натуральная оспа. Только во второй половине XIX в. проблема борьбы с другими инфекционными заболеваниями стала осознаваться как медико-социальная угроза. В этот период к инициативным мерам по борьбе с распространением инфекций относятся попытки устройства лечебниц и оказание медицинской помощи инородческому населению. В Восточной Сибири инициативу по искоренению источников распространения «заразительных» болезней взяла на себя прогрессивная часть врачебного сообщества региона, осознавая глубокое социальное значение распространения сифилиса, лепры (проказы), дифтерии и подобных болезней как основного фактора вырождения населения инородческих поселений. К концу первого десятилетия XX в. границы распространности инфекционных заболеваний между инородческим и русским населением стали нивелироваться. Этому способствовали особый контроль за численностью ясачного населения, распространение медико-санитарных мероприятий на инородческое население, приобщение кочующих инородцев к оседлому образу жизни и бытовому укладу сельских жителей, а также структурные изменения в сфере «народного здравия» Восточной Сибири.

Ключевые слова: инородцы, Восточная Сибирь, инфекционные заболевания, сифилис, проказа, экспедиционные миссии, здравоохранение

Для цитирования:

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Орлова И. В. Инфекционные заболевания коренных народов восточной Сибири в конце XVIII — начале XX в.: источники распространения и основные меры борьбы // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 107–127. DOI 10.14258/nreur(2024)3-06.

L. M. Dameshek

Baikal State University, Irkutsk (Russia)

I. L. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk (Russia)

I. V. Orlova

Irkutsk State Medical University, Irkutsk (Russia)

INFECTIOUS DISEASES OF INDIGENOUS PEOPLES OF EASTERN SIBERIA IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES: SOURCES OF SPREAD AND MAIN CONTROL MEASURES

The authors of this article investigate the sources of infectious disease spread among the indigenous ethnic groups of Eastern Siberia, examining the epidemiological factors that threaten the survival of these populations. They analyze measures implemented to combat diseases such as smallpox, syphilis, and leprosy among foreigners in the region. The first records of diseases capable of causing mass fatalities among non-indigenous populations date back to the late 18th century. For many years, smallpox remained a primary focus for infection prevention. It wasn't until the second half of the 19th century that other infectious diseases began to be acknowledged as significant medical and social threats. During this period, proactive measures against the spread of infections included efforts to establish hospitals and provide medical care to the foreign population. In Eastern Siberia, the progressive segment of the medical community took the initiative to eradicate the sources of «contagious» diseases. They recognized the severe social implications of spreading illnesses like syphilis, leprosy, and diphtheria, viewing them as critical factors contributing to the degeneration of populations in foreign settlements. By the end of the first decade of the 20th century, the prevalence of infectious diseases began to converge between the foreign and Russian populations. This shift was facilitated by enhanced control over the yasak population, the extension of medical and sanitary measures to non-Russian communities, the integration of nomadic foreigners into sedentary lifestyles, and structural changes in public health initiatives across Eastern Siberia.

Keywords: foreigners, Eastern Siberia, infectious diseases, syphilis, leprosy, expeditionary missions, healthcare.

For citation:

Dameshek L. M., Dameshek I. L., Orlova I. V. Infectious diseases of indigenous peoples of Eastern Siberia in the 19th — early 20th centuries: sources of spread and main control measures. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No3. P. 107–127 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–06.

Дамешек Лев Михайлович — доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского центра отечественной истории, Байкальского государственного университета, Иркутск (Россия). **Адрес для контактов:** levdameshek@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7763-1199>

Дамешек Ирина Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и методики педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск (Россия). **Адрес для контактов:** dameshek@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2510-1652>

Орлова Ирина Вячеславовна — доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Иркутского государственного медицинского университета Минздрава России, Иркутск (Россия). **Адрес для контактов:** irina_orlova7@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6897-7163>

Dameshek Lev Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Research Center of Russian History of the Baikal State University, Irkutsk (Russia). **Contact address:** levdameshek@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7763-1199>

Dameshek Irina Lvovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Methods of the Pedagogical Institute of the Irkutsk State University, Irkutsk (Russia). **Contact address:** dameshek@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2510-1652>

Orlova Irina Vyacheslavovna — Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health and Healthcare, the Irkutsk State Medical University of Russian Health, Irkutsk (Russia). **Contact address:** irina_orlova7@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6897-7163>

Введение

Во второй половине XIX — начале XX в. среди прогрессивной интелигенции сформировалось устойчивое мнение о русской колонизации и ее влиянии на уклад жизни коренного населения Сибири. Источником оценочных суждений общественности стали публикации авторитетных исследователей. О «кабальных» отношениях русских купцов, промышленников и крестьян к аборигенам писал С. С. Шашков, отмечая, что «менее других инородцев подчинены этой кабале буряты. <...> Но это относится только к племенам, близким к Иркутску» [Шашков, 1867: 548–632]. Лидер сибирского областничества Н. М. Ядринцев считал, что государство и направлявшееся в Сибирь купечество занимались разграблением ресурсов края, обрекая северных инородцев на вымирание [Ядринцев, 1891: 161–162]. В начале XX в. этнограф М. А. Миропиев в попытке смягчить

категоричность мнений предложил рассматривать русификацию инородцев как «способ вовлечения [их] в цивилизованный мир» [Миропиев, 1901: 232]. Однако в этой формулировке усматривалось противопоставление двух «миров». Вторая идея областничества, на страницах периодической печати стали появляться такие резкие оценки: «За три сотни лет русского присутствия на просторах Сибири местное население лишь эксплуатировалось», «Русские принесли лишь пьянство, разврат и болезни» [Сибирская газета, 1882].

В данной статье мы рассмотрели источники распространения у представителей коренного населения Восточной Сибири инфекционных заболеваний, эпидемиологические факторы, угрожающие вымиранием аборигенов, проанализируем меры, направленные на борьбу с распространением у инородцев натуральной оспы, сифилиса, проказы и пр.

Источники распространения инфекционных заболеваний у коренных народов

Освоение Сибири, растущий приток переселенцев из разных уголков России, антисанитарные бытовые условия аборигенов и пришлого населения, суровый климат — все это способствовало распространению таких «прилипчивых» болезней, как «натуральная оспа, корь, скарлатина, туберкулез, тиф, сифилис и др.». Вопросы хронологии появления инфекций, симптоматическая картина и характер протекания болезней у инородческого населения остаются открытыми и зависят от полноты источников базы. Особенности документальных свидетельств вспышек инфекций у аборигенов были обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, коренные жители физически не имели возможности фиксировать происходящие события, накопление документальных (письменных) источников оставалось за русскими, владеющими грамотой. Во-вторых, форму документа приобретали только данные о фактах массовых заболеваний, имевших наиболее свирепствующий характер, ставшие достоянием русской администрации. В-третьих, до середины XIX в. многие инфекции не имели научно описанных симптомов и патологических процессов.

В медицинских донесениях все виды лихорадки и кожных высыпаний, сопровождающиеся, в том числе, кишечными коликами, именовали «горячкой»; «гнилой горячкой» называли тиф, при этом понятия «тиф» было обобщенным названием без классификации по видам; скарлатину отождествляли с дифтерией; сифилис не отличали от проказы, включая в понятие «сифилис» все виды венерических заболеваний. С конца XVIII в. население России по симптоматическим проявлениям уверенно идентифицировало только натуральную оспу, чему способствовала начавшаяся на правительственном уровне кампания по борьбе с этим острозаразным инфекционным заболеванием, распространение наглядных материалов, которыми снабжались экспедиционные отряды, и инициированная государством профилактическая работа по борьбе с натуральной оспой.

В якутских и северо-тунгусских улусах эпидемии натуральной оспы были зафиксированы в конце XVII в. П. И. Словцов приводил данные о гибели племени юкагиров от натуральной оспы в 1691 г., связывая появление вспышек эпидемических заболеваний с проникновением русских казаков и купцов в Сибирь [Словцов, 1886: 71]. Во второй половине XVIII в. оспа сильно опустошила Забайкалье, «похищая множество тунгусов и бурят», к натуральной оспе тогда добавились все виды горячки и тифов. В 1768 г. на Камчатке распространилась оспа, на борьбу с которой из Якутска направили лека-

ря Гофмана, который прибыл, когда эпидемия унесла жизни около шести тысяч местных жителей и свыше 300 приезжих.

Вот как в 1869 г. А. С. Сгибнев, капитан 1 ранга и военно-морской историк, описывал происходящее: «В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. <...> канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбой и не дозволяли пить холодного — вот и все меры, которые были приняты против этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле» [Сгибнев, 2008: 88].

В 1799 г. отрядом генерал-майора А. А. Сомова на Камчатку был занесен тиф, унесший около двух тысяч аборигенов, и сифилис, со временем перешедший у камчадалов в хронические формы. Из-за общего стесненного быта и отсутствия медицинской помощи «русская болезнь», так аборигены называли сифилис, закрепилась на долгие десятилетия, приобретя рецидивирующую и врожденную форму, при которой инфицированными были даже новорожденные. В 1811 г. врач и натуралист Г. И. Лангсдорф, участник первого кругосветного плавания, писал о последствиях пребывания сомовского полка: «Грязные, ленивые, невежественные и совершенно незнакомые с сельским хозяйством, они уже с момента их прибытия на Камчатку стали приносить стране больше вреда, чем пользы. Они стали большой нагрузкой для камчадалов, ибо их жестоко эксплуатировали различными способами, заразили оспой, венерическими болезнями, распространяли физические и моральные пороки. Так что, если правительство не вмещается срочно, местные жители, число которых с десяти тысяч сократилось до трех, вскоре полностью исчезнут» [Стоянов, 2014: 256].

В 1824–1825 гг. в трех поселениях по реке Лене от горячки вымерли эвенки [Орлова, 2022: 37]. В Туруханском крае в период с 1832 по 1857 г. от тифа, оспы и «кишечно-гриппа» скончалось 1 060 жителей [Третьяков, 1869: 338–339]. Исследователь Туруханского края П. И. Третьяков, рассматривая кризис промыслов и активное включение коренного населения в товарообмен с русскими как основные причины падения уровня жизни аборигенов, настаивал на том, что это спровоцировало и распространение эпидемических заболеваний в среде инородцев.

Экспедиционные миссии в инородческие поселения

Угроза потери численности податного ясачного населения определила такую правительенную меру, как экспедиционные миссии, в состав которых входили медики для определения на местах степень серьезности инфекционной составляющей и выработки «предложений и докладов». Для борьбы с натуральной оспой начиная с 1730-х гг. в Восточную Сибирь стали направлять полковых лекарей, [Словцов, 1886: 74]. В Иркутской губернии при губернаторе А. И. Бриле в 1772 г. была начата прививочная кампания представителей бурятских родов, открыт Оспенный дом. Указом Иркутского губернского правительства от 20 сентября 1811 г. № 821 во всей губернии предписывалось медицинским чинам использовать все средства по распространению прививания предохранительной оспы, «приобщать к обучению оспопрививанию выбранных от инородческих обществ и вольножелающих» [Орлова, Дамешек, 2023: 35]. Так, в 1811 г. началась подготовка осипенных учеников из инородческих ведомств. По свидетельству

Е. В. Комлевой, в Туруханском крае первые противооспенные прививки были сделаны в 1808 г., в 1812 г. в Туруханске был создан оспенный комитет, в 1832 г. уже работал врач с двумя учениками [Комлева, 2017: 13].

Если к первому десятилетию XIX в. для борьбы с натуральной оспой были выработаны основные меры, в том числе привлечение инородцев в число оспенных учеников, то в отношении других «заразительных болезней» начинался период экспедиционных миссий специалистов-медиков в северо-восточные окраинные территории Российской империи.

В 1800 г. на Камчатку для борьбы с венерическими заболеваниями был командирован штаб-лекарь коллежский асессор Малафеев.

В 1803 г. для осмотра колымских прокаженных прибыл штаб-лекарь Малиновский, который сделал вывод, что «особенного рода заразительную болезнь, причисляемую к роду проказы, <...> надобно относить к особому произведению соединения венерической, цинготной и ломотной болезней» [Слепцов, Слепцова, Андреев, 2022: 159].

В 1808 г. в Нижнекамчатск прибыл доктор А. А. Шпир с двумя фельдшерами. В 1809 г. в донесении министру внутренних дел Шпир написал: «При тех условиях жизни, при которых находятся камчадалы, доктор в Камчатке из всех бесполезных вещей есть самая бесполезная, особенно для венерической болезни... Большая часть жителей полуострова страдает цингой, язвами и чирьями <...> Там нужен не доктор, а средства к удобной жизни. Имеющиеся в Камчатке двух докторов достаточно, чтобы, в случае надобности, подать пособие камчадалам» [Князькина, 2016: 89]. Однако не все современники Шпира разделяли его взгляды на положение медицинского дела. Камчатский врач Любарский придерживался иного мнения о массовом заболевании сифилисом. Он писал, что нет почти ни одного селения, в котором бы не обнаружились венерические больные. Исследователь Т. А. Князькина утверждает, что разразившаяся на Камчатке эпидемия горячки в 1814–1815 гг. и унесшая множество коренных жителей, стала причиной постройки в 1818 г. двух лечебниц в селах Малка и Тигиль. Обе больницы были построены на деньги военных моряков. В Тигильскую и Малкинскую больницы власти собирали страдавших венерическими заболеваниями. Тайонам и старшинам племен вменялось в обязанность со всей строгостью направлять в лечебницы зараженных людей, выявленных лекарями [Князькина, 2016: 91].

В 1817 г. в Среднеколымск был направлен лекарь Томашевский. Якутский областной начальник М. И. Миницкий в 1820 г. представил сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому составленное лекарем описание сифилиса и проказы. Из практических мероприятий, проведенных Томашевским, в 60 верстах от Среднеколымска была организована лечебница для прокаженных.

В 1827 г. акушер Иркутской врачебной управы Крузе выехал в Якутскую область для исследования сифилиса и проказы. Инспектируя поселения инородцев, Якутское начальство предложило начать постройку в Вилюйске больницы для прокаженных. Однако только в 1835 г. Иркутским приказом общественного призрения были выделены деньги на приобретение здания под лечебницу на 40 мест. Дом изначально был непригоден для размещения инфекционных больных, поэтому сразу же перестал использоваться. В результате, инородческими обществами был вынесен приговор о полном финансировании больничных юрт за счет сборов.

В 1823 г. первым в истории Енисейской губернии губернатором А. П. Степановым была совершена ознакомительная поездка по вверенной ему территории. Результатом поездки стал объемный труд «Енисейская губерния», в котором А. П. Степанов отмечал: «Болезни свирепствуют, наиболее скорбут, воспалительная горячка, сифилитическая, понос кровавый, катаракта. Сей последний почти у всех и беспрестанно» [Степанов, 2017: 268]. По мнению губернатора, общение с пришлым русским населением привело к распространению среди аборигенов заболеваний, к которым они не имели иммунитета. Позже эту причинно-следственную связь обосновал Н. М. Ядринцев, который считал, что кочевой образ жизни, неграмотность, неполноценное питание и пристрастие к водке стали основными факторами, определившими высокую заболеваемость и смертность среди коренных сибирских народов [Ядринцев, 2003: 104–105].

Первые мероприятия по борьбе с венерическими заболеваниями в Восточно-Сибирском регионе относятся к началу XIX в., когда ясачные миссии русских в сопровождении лекарей стали обустраивать больницы и лазареты в местах расселения инородцев. Однако медицинскую помочь в них оказывали только крещеным инородцам, оседлым и полуобрусовшим. На кочующих аборигенов это не распространялось из-за отсутствия возможности передвигаться за племенами по тайге и острой нехватки медицинских кадров. В отличие от правительенной программы по предохранению населения от натуральной оспы, прежде всего основанной на массовом оспопрививании и рекрутировании в число оспенных учеников даже инородцев, борьба с сифилисом носила локальный характер, поиски решений и реализация мер были заботой региональной власти.

В 1832 г. штаб-лекарь Малиновский представил енисейскому окружному начальству проект «Истребление венерических болезней» [Орлова, 2022: 49]. В 1839 г. к абаканским инородцам был командирован оператор Енисейской врачебной управы для лечения сифилиса, родовые старости указали ему на несколько «сифилитиков» в каждом из родов [Минусинские и Абаканские инородцы, 1898: 65]. Этими событиями было положено начало исследованиям венерических заболеваний местным врачебным сообществом в 1840–1850-х гг. Однако эти исследования имели описательный и фактологический характер, объектами наблюдений чаще выступало городское и сельское население, сведения о наличии сифилиса в инородческих поселениях носили случайный характер. Как говорилось выше, поражение инородцев венерическими заболеваниями фиксировалось только по фактам крупных эпидемических вспышек. Классификации таких половых инфекций, как сифилис, гонорея, мягкий шанкр и другие, не существовало, в документах фиксировалось обобщенное понятие «сифилис». Наличие большого количества запущенных форм инфекций внутри инородческих общин позволило укрепиться мнению, что «любострастная болезнь присуща инородцам в значительно большей степени» [ГАКК. Ф. 803. Оп. 1 Д. 12. Л. 3].

Устройство лечебниц и внедрение практических мер

Во второй половине XIX в. проблема борьбы с инфекционными заболеваниями стала осознаваться как медико-социальная угроза. В этот период к инициативным мерам по борьбе с распространением инфекций стоит отнести попытки устройства лечебниц и оказание медицинской помощи инородческому населению. В Восточной Сибири инициативу по искоренению источников распространения сифилиса взяла на себя

прогрессивная часть врачебного сообщества. Так, в 1862 г. верхоленский окружной врач Ф. Ф. Шперк в течение месяца по разработанной им программе исследовал и оказывал медицинскую помощь 25 больным сифилисом. По социальным группам они распределились так: 16 бурят (14 мужчин, две женщины), сеять крестьян, два мещанина. В марте 1863 г. эти систематизированные данные по сифилитическим больным Ф. Ф. Шперк выслал в Санкт-Петербург. Исследовательская инициатива Шперка, беспрецедентный научный анализ и полученный практический опыт выделили его в разряд авторитетных врачей, чье исследование, основанное на практике, стало базой для последующих поколений врачей. Когда в донесениях генерал-губернатору Восточной Сибири от 28 октября 1868 г. № 294 и от 20 ноября 1868 г. № 2183 было сообщено, что в Охотском округе и в самом городе распространилась «повальная болезнь, не то сифилис, не то проказа», исследования Ф. Шперка были использованы для постановки точного диагноза. Основная же суть донесений охотского окружного исправника заключалась в просьбе направить из Иркутска в город Охотск медика, «так как при настоящем положении нет ни врача, ни денежных средств» [ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 28. Л. 98]. Осенью 1868 г. из-за отсутствия в Иркутске свободных врачей «по случаю их командирования по ре-кругским присутствиям на время объявления набора», управляющему Якутской областью было предложено командировать в Охотск Верхоянского лекаря А. М. Брилианто-ва «для оказания надлежащего пособия больным и принятия меры против дальнейшего распространения развивающейся болезни». Расстояние между местом приписки врача и командировочным пунктом составило около тысячи верст. Иркутский приказ обще-ственного призрения на решение проблемы выделил только 200 руб., что объяснялось недостаточностью средств, Иркутская врачебная управа направила командированно-му в Охотск лекарю А. М. Брилиантову небольшую аптеку. Брилиантову предписывалось подробно информировать о «повальной болезни» для определения точной нозо-логической формы: проказа или сифилис, и в соответствии с этим начать оказание ме-дицинской помощи. На основании подробных описаний врача Брилиантова и с учетом научно-обоснованных материалов Ф. Ф. Шперка был определен точный диагноз забо-левания — сифилис. Сохранившиеся отчеты А. Брилиантова стали ценным источни-ком, характеризующим ситуацию как критическую: «В г. Охотске и преимущественно в округе существует заразительная болезнь сифилис <...> Болезнь укоренилась уже давно, целые десятки лет тому назад. Сифилис проник почти во все селения Охотско-го края, но более всего он свирепствует между якутами Мстинского наслега» [ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 28. Л. 99].

Инспектор Иркутской врачебной управы Н. И. Кашин на основе донесений А. М. Брилиантова о характере протекания сифилиса в Охотске предложил ряд прак-тических мер по пресечению распространения болезни среди инородцев:

1) ходатайствовать перед высшим начальством о назначении «отдельного врача со специальной целью лечения только этих больных и в помощь ему не менее четырех подготовленных при госпиталях и опытных фельдшеров»;

2) с целью привлечения врача ходатайствовать перед начальством о его годовом со-держании не менее 2 500 руб., выплатах прогонных для разъездов, 5-летнюю или 10-лет-нюю привилегию для получения пенсии;

3) запретить браки между зараженными до тех пор, пока брачующиеся «не избавятся от худосочия» и не предоставят свидетельство от врача;

4) уничтожать по излечении всю одежду инородцев;

5) снабдить край достаточным количеством продовольствия, чтобы «инородцы не привыкали к юколе и квашенной рыбе, как мало питательной, положительно вредной и способствующей развитию скорбутного худосочия» [ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 28. Л. 103].

Командированный из Верхоянска лекарь А. М. Брилиантов провел в Охотске 54 дня (с 8 февраля по 4 апреля). В доме, приспособленном под лечебницу, им было размещено 25 человек, 8 больных врач лечил на дому. Так, из 33 больных был 21 якут Мстинского наслега, среди них 17 мужчин и четыре женщины [ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 28. Л. 106]. У всех болезнь была в запущенной и застарелой форме, среди внешних проявлений которой: пятнистая и чешуйчатая сыпь (редкая форма); слизистые прыщи (реже); бугорковатая сыпь (самая частая форма); струпья и язвы на разных частях тела и наросты, преимущественно у ануса (почти у всех); язвы в глотке, отпадение язычка и части небной занавески, поражение гортанных хрящев и сифилитическая ногтоеда (у многих); сифилитическая костоеда (у пяти человек). У многих больных в сильной степени было развито «худосочие». Все эти признаки говорили о вторичной или третичной форме течения заболевания.

Инспектор Иркутской врачебной управы Н. И. Кашин, оформляя документальный отчет в МВД, сформулировал вывод о том, что первоначально сифилис в Охотском kraе был «посеян путем половых сношений еще во времена существования в Охотске порта, когда проституция была довольно развита». Инспектор писал, что в ранний период Охотского порта существовали больницы военного и гражданского ведомства, постоянные врачи и медикаменты, в случае появления болезни принимались меры к ее прекращению, о чем свидетельствовали отчеты начальников порта в 1823, 1828, 1845, 1849 гг. После упразднения порта, морской военный полугоспиталь, а затем и больница гражданского ведомства были закрыты, врачи из Охотска отбыли, а сифилис, «будучи предоставлен своему собственному течению, облекся во вторичные формы, стал распространяться по массе народонаселения независимо от половых сношений, уже путем заражения вторичными припадками и, наконец, стал передаваться наследственно». Н. И. Кашин в докладе министру внутренних дел от 19 июля 1869 г. № 2095 констатировал: «за отсутствием терапевтической помощи появились шарлатаны, занимающиеся врачеванием посредством снадобий» [ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 28. Л. 109].

Неуправляемый характер распространения инфекции на северо-восточных окраинах империи требовал принятия серьезных мер. На основании донесений Иркутской врачебной управы и при ходатайстве генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова 7 октября 1873 г. Государственный совет вынес решение о строительстве временных сифилитических больниц в шести населенных пунктах. Так, были открыты больницы: в Охотске и Гижиге (ноябрь 1874 г.), в селении Ключевском (апрель 1875 г.), Петропавловском селении (май 1875 г.), в Верхоянске и Усть-Ямском улусе (июнь 1875 г.) [Гайдаров, Алексеевская, Демидова, 2022: 703]. Однако организация стационарной медицинской помощи и прибывшие врачи были бессильны в борьбе с религиозными представлениями, поведенческими стереотипами и бытовым укладом. Народные спо-

собы врачевания были преобладающим фактором в быту инородцев и иного внегородского населения. Знахарство, шаманство и подобное признавались властями Восточной Сибири и медицинской общественностью как негативные явления, отражение невежества и «калечащей практики», но альтернативного механизма борьбы с недугами населению не предлагалось, а квалифицированная медицинская помощь в отдаленных поселениях просто отсутствовала.

На основании архивных документов нами было установлено, что впервые иркутская губернская власть подняла вопрос о шаманстве как о губительной лечебной практике, 29 декабря 1851 г., когда в повестку Журнала Иркутского губернского правления был внесен доклад «О прекращении шаманства между инородцами». В содержании доклада было отмечено, что за время начиная с 1822 г. в судах было рассмотрено только два случая лечения больных шаманами: в 1835 г. в Верхнеудинском округе; в 1837 г. в Нерчинском округе [ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1393. Л. 19–19 об]. Но и в конце XIX в. организации медицинской помощи инородцам препятствовали их религиозные убеждения и популярность магических практик шаманов, образ жизни и языковой барьер. В январе 1881 г. Нижеудинский сельский фельдшер Иконников, описывая поездку по тунгусским поселениям, объяснял перманентный характер кишечных расстройств и «заразительных» инфекций у местного инородческого населения наличием устойчивых традиций ведения хозяйства и «бытования». В донесении фельдшера читаем: «Женщины-тунгуски предпочитают родоразрешаться вдали от общинников, уходя на это время от жилищ <...> Медицинских материалом им служит размягчённые жилы оленя, топленый животный жир, сухой мох, который приспособливают при кровоточении и затягивании открытых ран <...> В бытовом хозяйствовании собаку используют и как охотника, и как лекаря, давая ей зализывать раны и даже вылизывать кухонную утварь, не понимая необходимости обмывать оную водой...» [Никитенко, 1915 (3): 28].

Во второй половине XIX в. врачи Восточной Сибири в отчетах стали фиксировать данные о проказе (лепре) как о самостоятельном заболевании, не смешивая его с другими инфекциями. Были обоснованы выводы, что в регионе прочно сформировались несколько очагов проказы, значительная часть которых располагалась на территории Вилюйского округа, Колымского края, Байкальского региона, где преобладающим населением были инородцы. В 1880 г. в отчете «О состоянии народного здравия», направленном в МВД, указывалось, что «проказа существует эндемически среди населения, живущего около озера Байкал и устьях реки Селенги». В отчете за 1883 г. также встречается информация о случаях проказы у прибайкальских бурят [Никитенко, 1915 (3): 29]. Однако с точки зрения источниковедческого анализа эти данные о проказе не информативны, так как не содержат статистических сведений и точной локализации инфекции.

Обстоятельство, ставшие причиной особого внимания к больным лепрой, было связано с путешествием английской сестры милосердия Кэт Марсден в Якутскую область в 1891 г. Целью путешествия англичанки стало знакомство с условиями пребывания прокаженных в Вилюйской колонии. Вместе с К. Марсден в Якутскую область отправился читинский военный врач П. С. Алексеев. Состояние Вилюйская колонии привывшие оценили как удручающее: больные были практически лишены ухода, разме-

щались в закопченных юртах. Главной мерой мерой против распространения болезни была полная изоляция прокаженных.

Первые сведения о существовании проказы в регионе относятся к 1895 г., когда иркутская газета «Восточное обозрение» опубликовала 5 декабря статью, автор которой П. Е. Кулаков сообщил, что лепра распространилась на острове Ольхон. 12 и 13 декабря 1895 г. в том же издании сельский врач Верхоянского уезда Вокуолов привел данные о трех зарегистрированных случаях лепры у бурят Коржетуйского и Тогодского улусов. П. Е. Кулаков писал, что ольхонские буряты умели распознавать проказу, имеющую «му-ибишен», «хара-ибишен» (дурная, черная болезнь), по следующим признакам: тело больных покрывается сыпью, шелушится и чернеет; выпадают брови, ресницы, волосы на бороде, усах и голове; руки и ноги начинают отекать и пухнуть; голос дается хриплым; движения затрудняются; от больного исходит запах гниющего, разлагающегося мяса [Восточное обозрение, 1895 (143), Восточное обозрение, 1895 (149)].

В 1896 г. на заседании ВСОРГО П. Е. Кулаков в этнографическом докладе об иркутских бурятах сообщил: «Буряты очень боятся этой болезни и отличают ее от сифилиса, который называют «купороской». Сифилитики едят из общей чашки и спят на общей постели со здоровыми, а прокаженные, как только замечается их болезнь, выделяются из селений и живут в отдельных юртах или зимовых, специально для них построенных где-нибудь за улусом или за скотным двором. Положение заболевшего проказой бурята беспомощное: шаманы отказываются их лечить, от родственников они ничего не получают, кроме жалкой пищи; они живут в темноте и зловонии своих крошечных жилищ, куда не осмеливаются подойти близко улусные ребятишки и откуда сами больные не могут выйти под страхом тяжелого наказания» [Кулаков, 1896: 18]. Автор доклада привел шокирующие примеры расправы с теми, кто нарушал изоляцию, таких бурят напаивали до пьяна тарасуном и сжигали вместе с юртой, одеждой и имуществом.

В 1898 г. на VII Пироговском съезде врачей Д. В. Петерсон сделал сообщение о 12 больных лепрой в Забайкалье. В том же году врачебный инспектор Иркутской губернии Н. Е. Маковецкий начал обследование населения острова Ольхон и прилегающих к нему прибрежных территорий. В докладе генерал-губернатору А. Д. Горемыкину врачебный инспектор Маковецкий писал: «За истекшие 10 лет по Иркутской губернии зарегистрировано до 20 больных проказой, главным образом, на острове Ольхон и отчасти по берегу озера Байкал, а также в Верхнеудинском уезде и в самом городе Иркутске, где взято на учет 17 больных» [Секулович, 1994: 184]. При опросе ольхонских бурят Н. Е. Маковецкий установил, что истинное количество больных значительно превышает официальные данные, но больные постепенно вымирали, регистрацию по ним не вели. По свидетельству Н. Е. Маковецкого, лепра «упорно держится в роде, передаваясь в различных коленах по наследству <...> в роде прокаженного продолжительность жизни каждого ныходящего поколения уменьшается и <...> с каждым поколением проказа поражает более младшие возрасты, вызывая и более раннюю, чем в предыдущих поколениях, смерть прокаженных» [Никитенко, 1915 (3): 26]. В течение трех лет Маковецкий собирал сведения о прокаженных в Иркутской губернии, зафиксировав, что с 1898 по 1901 гг. таких было 100 человек. На протяжении нескольких лет Н. Е. Маковецкий представлял ходатайства губернскому начальству о постройке лепрозория:

В 1898 г. ходатайство об ассигновании средств на строительство в с. Еланцы Ольхонского района фельдшерского пункта для наблюдения за прокаженными, но просьба осталась без ответа.

В 1899 г. доклад с рекомендацией постройки приюта на 10 мест около Хароницкого улуса и только для бурят, чтобы они нашли «родную среду и привычные условия жизни».

В 1902 г. доклад о 17 больных лепрой в Иркутске, из которых 7 умерли, еще 19 инфицированных, проживавших по домам, а также ходатайство о постройке лепрозория в пяти верстах от Иркутска. К ходатайству прилагались смета расходов и примерный штат для медицинского обслуживания.

В 1899 г. генерал-губернатором А. Д. Горемыкиным было сделано представление в МВД о необходимости открытия в окрестностях Иркутска лепрозория на благотворительные средства, однако ходатайство было оставлено без удовлетворения. Отсутствие лепрозория порождало вопиющую практику по размещению отдельных больных в Иркутской Кузнецковской гражданской больнице, что способствовало распространению инфекции. В 1899 г. на байкальском острове Ольхон была предпринята попытка создать нечто вроде лепрозория — деревянный барак для изолированных прокаженных, однако этот изолятор был сожжен, а местное бурятское население устойчиво распространяло слух, что вместе с изолятором сожгли и больных. Только в 1906 г. в селе Кургитуй Нижнеудинского уезда в 500 км от Иркутска был построен лепрозорий на средства от земских сборов крестьянских и инородческих обществ. За три года, с 1907 по 1910 гг. число пролечившихся в лепрозории составило 20 человек, которые провели в стационаре 5 260 дней, с 1911 по 1913 г. поступило 7 человек.

В 1902 г. разъездной фельдшер села Манзурка Рабинович направил в газету «Восточное обозрение» рукопись очерка «О жизни и быте ольхонских бурят», в расширенной версии публикации, которая хранится в архивных фондах газеты, читаем: «Чем больше я стал знакомиться с домашним бытом ольхонца, тем больше стал убеждаться, что при таких условиях, в которых живет наш больной, не только лечить, но подавать ему какую бы то ни было медицинскую помощь бесполезно да и невозможно <...> Ольхон представляет широкое поле для интересующихся сифилисом, так как с положительностью можно сказать, что ни одна клиника не в состоянии показать таких ужасов и безобразий, какими изобилует Ольхон <...> А для желающих сделать вклад в науку, да и вообще пролить свет на проказу, — к услугам прокаженные. Конечно, не в таких условиях, при каких приходится в настоящее время лечить и исследовать больных: в коровьей стайке на 18 градусах мороза, как пришлось делать господину участковому врачу, а в хорошо обставленной больнице...» [ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–17 об].

Ситуация по проказе была эпидемически угрожающей, но отсутствие специализированной медицинской помощи и необходимых условий для содержания больных были определяющими факторами положительной динамики в численности заболевших. По данным статистических отчетов Общества врачей Восточной Сибири, в период с 1902 по 1914 г. в Иркутской губернии было зарегистрировано 84 прокаженных, 54 из них были представителями коренного этноса Прибайкальской зоны [Никитенко, 1915 (5): 19].

В период XIX — начала XX в. одновременно получили распространение различные инфекционные заболевания. Наличие в одном поселении сразу нескольких инфекций

не только осложняло работу медицинского персонала, но и делало борьбу с инфекцией практически бесполезной. В арсенале врачей и фельдшеров долгое время были примитивные средства, а из рекомендаций — очистка и окуривание жилища и одежды.

Дифтерия наводила панику на жителей той местности, где появлялась. В 1880–1890-х гг. дифтерия привлекла внимание не только массовостью распространения и тяжелым течением, но и высокой летальностью. В 1895 г. иркутский врач Л. С. Зисман ввел больному дифтерией четырехлетнему мальчику усовершенствованную сыворотку против дифтерии и получил положительный лечебный эффект, ребенок выздоровел. Уникальность этого факта была не только в терапевтическом успехе, но и в прогрессивном характере события — в провинциальном Иркутске этот метод был применен через год после внедрения. Это дало возможность врачам Иркутска начать вприскивать детям противодифтерийную сыворотку. Но первоначально этот метод с осторожностью применялся в городских условиях и только опытными врачами. Общество врачей Восточной Сибири отмечало, что в 1884 г. летальность при дифтерии составила 35,8%, в 1888 г. — 33,9% [Френкель, 1911: 53].

Агинская степная дума в мае 1890 г. направила в Верхнеудинский комитет общественного здравия решение схода инородцев о направлении к ним фельдшера, так как «болезнь горла охватила 52 человека, 9 человек умерло». Командированный в Агинское фельдшер Бирюков сообщал: «...по-видимому, это дифтерия» [ГАРБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 12. Л. 17–33]. Очевидно, что фельдшер не был уверен в диагнозе, так как симптоматические проявления могли быть схожи с крупом или скарлатиной. В мае 1894 г. баргузинских инородцев охватила эпидемия брюшного тифа. Врач Н. Семенов, прибывший «для подания медицинского пособия инородцам», отмечал, что источник инфекции «может скрываться в условиях быта: котлы для приготовления пищи не вычищаются, остатки пищи не извлекаются и новая провизия закладывается туда же» [Батоев, Киселев, 2018: 272].

Доктор медицины, активный член Забайкальского общества врачей А. Д. Давыдов стал инициатором практических мер по борьбе с социально-значимыми инфекциями у коренного населения Забайкалья. В 1899 г. им были сделаны доклады о Забайкалье как о «климатическом курорте» для туберкулезных больных, о бубонной чуме в Соктуе. Врач продемонстрировал больного с подозрением на проказу. После прочитанного им в марте 1900 г. доклада «Сифилис и венерические болезни в Забайкальской области» было принято решение о направлении летучих медицинских отрядов в места с бурятским населением для выявления больных венерическими болезнями. Для Забайкальской области это стало началом профилактической работы по борьбе с инфекционными заболеваниями у коренных народов.

Реформа сельской медицины 1865 г. и сельско-врачебной части 1895 г. в Енисейской и Иркутской губерниях изменила принцип формирования сети лечебных учреждений. Так, стали учреждаться фельдшерские пункты для оказания медицинской помощи крестьянскому и инородческому населению. Например, в Иркутской губернии на средства крестьян Тельминской волости и общества Китайской инородческой управы был открыт Тельминский приемный покой, содержание которого в 1877 г. обходилось в 860 руб. в год. На средства крестьянских обществ Оекской, Уриковской волостей и инородцев Кудинского и Капсальского ведомств был открыт Оекский приемный по-

кой при годовом содержании 1091 руб. [ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 59–60]. К концу XIX в. в Иркутской губернии Общество борьбы с заразными болезнями стало ассигновать средства для обустройства инфекционных коек. Так, в селе Усть-Орда Иркутского округа были открыты фельдшерский пункт, аптека и больница на 5 кроватей для оказания медицинской помощи населению Кудинского, Ординского, Абаганатского и нородческого ведомства «в борьбе с сифилисом и другими заразными болезнями» [ГАИО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 19]. На основании отчета фельдшера Готлибова, состоявшего при Усть-Ордынском фельдшерском пункте, мы можем определить структуру инфекционных заболеваний за февраль–май 1901 г. (табл. 1) [ГАИО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 30].

Таблица 1
Инфекционные заболевания у обратившихся в Усть-Ордынский
фельдшерский пункт, чел.

Table 1

Infectious diseases in those who applied to the Ust-Ordynsky paramedic station
[State Archive of the Irkutsk Region. Fund 332. Inventory 1. File 1. F. 30]

Инфекционные заболевания февраль	Месяц 1901 г.				Итого
	март	апрель	май		
Общее число инфекционных больных	27	45	11	11	94
Сифилис	половое заражение	10	22	2	36
	внеполовое заражение	7	6	2	16
	наследственное	5	11	1	19
	Общее по сифилису:	22	39	5	71
Иные инфекционные заболевания	5	6	6	6	23

В таблице приведены статистические данные по инфекционным заболеваниям по четырем месяцам 1901 г. в Усть-Ордынском фельдшерском пункте, которые демонстрируют специфическую природу носительства сифилиса у бурят при преобладании полового распространения, однако немалую долю имели бытовые и наследственные формы. В доле иных инфекций сифилис значительно доминировал: в целом по четырем месяцам 1901 г. из 94 случаев инфекционных заболеваний 71 приходился на сифилис.

В Забайкальской области реформа сельско-врачебной части началась позже, ее формирование закончилось в начале XX в. при военном губернаторе Забайкальской области И. П. Надарове. Разрабатывая проект штата медицинской части в 1901 г., И. П. Надаров руководствовался численностью населения в уездах области, географическим положением отдельных волостей и инородческих дум и управ. Интересным представляется факт, что при этом военный губернатор брал во внимание следующие обстоятельства: «Инородцы редко обращаются за помощью к врачам и фельдшерам. Ввиду этого врачебные участки, в которые входят инородцы, проектированы более обширные, чем участки с одним русским населением, в них будет назначено сравнительно большее число фельдшеров, из наиболее опытных, как противовес ламскому лечению» [ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 261 (3 дел-во). Л. 178].

Выравнивание статистических показателей инфекционных заболеваний у инородцев и русских

В системе здравоохранения Восточной Сибири начала XX в. характерно следующее: активная деятельность врачебных обществ, попытки научных обоснований практических мероприятий, возрастающая роль медицинской статистики. Административно-территориальные преобразования с разделением территории губерний и областей на врачебные участки, прикреплением населения к участковым фельдшерским пунктам стало размывать границы медицинской помощи между инородцами и крестьянами. Иркутская губерния была разделена на 19 врачебных участков, Енисейская — на 24, Забайкальская и Якутская области — на 10 каждая. Например, в 4-й участок Иркутского уезда входило 7 поселений, три из которых были бурятскими: в третий участок Балаганского уезда, состоявший из 15 сел, входило 7 инородческих поселений. Участковый медицинский персонал с одинаковой степенью ответственности оказывал медицинскую помощь и русским крестьянам, и инородцам, медицинская отчетность стала формироваться по участкам, статистику по нозологическим формам заболеваниям у населения участка не дифференцировали по социальному и этническому признаку, основу статистики составляли количественные показатели амбулаторной и стационарной помощи, число проведенных дней и повторных посещений.

В 1910 г. врачебным инспектором при Иркутском губернском управлении был назначен В. П. Никитенко, который в течение пяти лет составлял медико-санитарные карты, несмотря на объединение внегородского населения по врачебным участкам, пытался выявить восприимчивость или устойчивость к инфекциям как у русских, так и у инородцев. В качестве контрольной группы В. П. Никитенко взял медицинскую статистику по третьему участку Балаганского уезда, где соотношение русского и инородческого населения было относительно 1:1. Врачебным инспектором В. П. Никитенко были проанализированы статистические данные по брюшному тифу, натуральной оспе, кори, скарлатине, дифтериту, коклюшу. Выводы, сделанные Никитенко за пять лет по третьему врачебному участку указанного уезда по каждой инфекционной патологии представлены в таблице 2 [Никитенко, 1915 (1): 23–24].

Таблица 2

Инфекционные заболевания русского и бурятского населения третьего врачебного участка Балаганского уезда Иркутской области за 1910–1914 гг., чел.

Table 2

Infectious diseases of the Russian and Buryat population of the 3rd medical district of the Balagansky district of the Irkutsk region for 1910–1914

Инфекционные заболевания	Всего заболевших за пять лет	Русское население	Инородцы (буряты)
Брюшной тиф	707	144	563
Натуральная оспа	161	74	87
Коклюш	324	313	11
Корь	606	358	248
Скарлатина	277	201	76
Дифтерит	123	76	47

Таблица демонстрирует количественные показатели по основным инфекционным заболеваниям. Допуская неполную регистрацию по всем заболевшим, можно выделить относительно средний показатель. Так, за пятилетний период между русскими и бурятами, из расчета на 1 000 населения, заболевания распределились следующим образом:

- тиф брюшной — 18,1% у русских, 74,1% у бурят;
- корь — 38,4% у русских, 56,8% у бурят;
- коклюш — у русских 45,0%, у бурят — 8,0%;
- скарлатина — 24,7% у русских, 22,0% у бурят;
- оспа натуральная — 20,2% у русских, 20,8% у бурят;
- дифтерит — 16,2% у русских, 7% у бурят.

Из шести инфекций лишь две — брюшной тиф и корь — оказались более распространены среди бурятского населения, при этом брюшной тиф, согласно динамике и периодичности проявлений, перешел в эндемическую форму у бурят Балаганского уезда Иркутской губернии, заболеваемость корью характеризовалась ежегодными вспышками. В то время как скарлатина и натуральная оспа представляли одинаковую распространенность, коклюш и дифтерит не обнаруживали склонность к распространению среди бурят.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в начале второго десятилетия XX в. на территории Восточной Сибири коренные народы в общем составе населения региона численно уступали «пришлому люду», о чем было опубликовано в «Статистическом ежегоднике России» за 1915 г. (табл. 3) [Статистический ежегодник, 1916].

Численность инородцев Восточной Сибири на 1 января 1916 г.

The number of foreigners in Eastern Siberia on January 1, 1916

Таблица 3

Table 3

Регион	Всего населения, чел.	Инородцы, чел.	Удельный вес, %
Енисейская губерния	1 134 108	53 019	4,6
Забайкальская область	953 470	204 462	21,4
Иркутская губерния	744 361	105 033	14,1
Якутская область	270 113	240 745	89,1
Восточная Сибирь	3 102 052	603 259	19,4

Наибольшая доля инородцев сохранялась в Якутской области, причем в 1916 г. здесь сохранялось значительное количество кочующих аборигенов: из 240 745 человек инородцев только 6 653 были оседлыми. В Иркутской губернии из 105 033 инородцев 36 976 были оседлыми. В абсолютных цифрах наибольшее число инородцев Енисейской губернии проживало в Минусинском уезде, Иркутской губернии — в Балаганском уезде, Забайкальской области — в Читинском уезде. В Иркутской губернии Балаганский уезд по количеству инородцев был самым многочисленным (46 089 оседлых и 1 429 кочующих).

Таким образом, к концу имперского периода границы распространенности инфекционных заболеваний между инородческим и русским населением были окончательно нивелированы. Этому способствовали особый контроль за численностью ясачного населения, распространение медико-санитарных мероприятий на инородческое население, приобщение кочующих инородцев к оседлому образу жизни и бытовому укладу сельских жителей, структурные изменения сферы «народного здравия» Восточной Сибири.

К началу XX в. проблема инфекционных заболеваний у представителей коренного населения Восточной Сибири не была ликвидирована. Изменения отразились на характере протекания болезней, в отчетных документах исчезли понятия «эпидемия», «повальная болезнь», что говорит о снижении остроты проблемы. При этом угроза распространения тифа, натуральной оспы, кори, скарлатины, дифтерита, сифилиса у бурят, эвенков и якутов сохранялась. Несмотря на то, что оседлое население представителей коренных народов постепенно вовлекалось в медико-санитарные мероприятия, доля кочующих народов в Восточной Сибири оставалась значительной, что затрудняло оказание им медицинской помощи, реализацию предупредительных мер. Основные способы, среди которых были экспедиционные выезды в очаги инфекции, устройство лечебниц, изоляция больных, нуждались серьезном терапевтическом сопровождении. В начале XX в. клинические рекомендации по сопровождению инфекционных больных и действенные лекарственные средства не были разработаны, что сохраняло угрозу эпидемиологическому благополучию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батоев С.Д., Киселев А.С. Особенности зарождения основ здравоохранения в Забайкалье в период XVIII — первая половина XIX вв. (историко-экономический аспект) // Проблемы современной экономики. 2018. № 2. С. 271–274.

Гайдаров Г.М., Алексеевская Т.И., Демидова Т.В. История становления сифилитических лечебниц в северо-восточных окраинах Восточной Сибири в XIX веке // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. 30 (4). С. 698–704.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 261 (3 дел-во).

ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10.

ГАИО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1.

ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 20.

ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 28.

ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1393.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 803. Оп. 1. Д. 12.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 319. Оп. 1. Д. 12.

Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии // Восточное обозрение. 1895. № 149.

Князькина Т.А. К истории организации медицинской помощи населению дальневосточных окраин Российской империи (кон. XVIII — сер. XIX вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 88–94.

Комлева Е. В. Борьба с «гибельным действием»: здравоохранение в Туруханском крае в первой половине XIX в. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 4. С. 11–16.

Кулаков П. Е. Буряты Иркутской губернии // Известия Восточно-Сибирского отделения Российского географического общества. Иркутск, 1896. Т. XXVI, № 4–5. С. 11–24.

Минусинские и абаканские инородцы : материалы для изучения А.А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова // Издание Енисейского губернского статистического комитета. Красноярск, 1898. 326 с.

Миропиев М. А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 515 с.

Никитенко В. П. Недавнее прошлое сибирской медицины // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губернии. Иркутск : Губернская типография, 1915. № 3. С. 26–30.

Никитенко В. П. Острозаразные болезни среди русского и бурятского населения Благанского уезда за последние 5 лет (1910–1914 гг.) // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губернии. Иркутск : Губернская типография, 1915. № 1. С. 19–49.

Никитенко В. П. Сведения о движении эпидемических заболеваний в Иркутской губернии по отдельным селениям // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губернии. Иркутск : Губернская типография, 1915. № 5. С. 9–27.

Орлова И. В. Хроника провинциальной медицины: Иркутск и его окрестности в до-советский период. Иркутск : Репроцентр+, 2022. 336 с.

Орлова И. В., Дамешек И. Л. О привлечении инородческого населения Иркутской губернии к решению региональных медико-санитарных задач в имперский период // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. Ч. 1, № 2 (50). С. 32–38.

Подробности о проказе и проказенных в бывшем Ольхонском ведомстве // Восточное обозрение. 1895. № 143.

Русская культура и инородцы // Сибирская газета. 1882. № 40. С. 3.

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 г. по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2008. Вып. 1. С. 5–103.

Секулович А. Ф. Из истории борьбы с заразными болезнями в Иркутской области: очерки. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1994. 240 с.

Слепцов С. С., Слепцова С. С., Андреев М. Н. Проказа в Колымском округе Якутии (исторический обзор) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 158–168.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С 1742 по 1823 год. СПб. : тип. И. Н. Скороходова, 1886. 277 с.

Статистический ежегодник России. 1915 г. (Год двенадцатый). Издание Центрального статистического комитета МВД, Петроград, 1916. URL: https://archive.org/details/statisticheskii_ezhegodnik_rossii_1915 (дата обращения: 23.02.2024).

Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск : РАСПР, 2017. 268 с.

Стоянов Ю. А. Камчатка глазами Г. А. Сарычева и Г. И. Лангсдорфа // Всеобщее богатство человеческих познаний : материалы XXX Крашенинниковских чтений. 2014. С. 255–258.

Третьяков П. Туруханский край // Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1869. Т. 2. С. 215–530.

Френкель А. М. Борьба с дифтеритом в школах // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. Иркутск : Паровая типография И. П. Казанцева, 1911. С. 52–62.

Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX веке // Исторические очерки. Исторические этюды. Собрание сочинений. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1867. Т. 2. С. 548–632.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. 200 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

REFERENCES

Batoev S. D., Kiselev A. S. Osobennosti zarozhdeniya osnov zdravookhraneniya v Zabaikal'e v period XVIII — pervaya polovina XIX vv. (istoriko-ekonomicheskii aspekt) [Features of the emergence of the foundations of healthcare in Transbaikalia during the period of the 18th — first half of the 19th centuries. (historical and economic aspect)] *Problemy sovremennoi ekonomiki*. [Problems of modern economics] 2018, no 2. P. 271–274 (in Russian).

Frenkel' A. M. Bor'ba s difteritom v shkolakh [The fight against diphtheria in schools] *Vrachebno-sanitarnaya khronika g. Irkutska*. [Medical and sanitary chronicle of Irkutsk] Irkutsk: Parovaya tipografiya I. P. Kazantseva, 1911. P. 52–62 (in Russian)

Gaidarov G. M., Alekseevskaya T. I., Demidova T. V. Istorija stanovleniya sifiliticheskikh lechebnits v severo-vostochnykh okrainakh Vostochnoi Sibiri v XIX veke. [History of the formation of syphilitic hospitals in the northeastern outskirts of Eastern Siberia in the 19th century] *Problemy sotsial'noi gigienny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine] 2022, no. 30 (4). P. 698–704 (in Russian).

Illyustrirovannoe opisanie byta sel'skogo naseleniya Irkutskoi gubernii. [Illustrated description of the life of the rural population of the Irkutsk province] *Vostochnoe obozrenie*. [Eastern Outlook]. 1895, no 149 (in Russian).

Knyaz'kina T. A. K istorii organizatsii meditsinskoi pomoshchi naseleniyu dal'nevostochnykh okrain Rossiiskoi imperii (kon. XVIII — ser. XIX vv.) [On the history of the organization of medical care for the population of the Far Eastern outskirts of the Russian Empire (late 18th — mid 19th centuries)] *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. [Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East] 2016, no 1. P. 88–94 (in Russian).

Komleva E. V. Bor'ba s «gibel'nym deistviem»: zdravookhranenie v Turukhanskom krae v pervoi polovine Kh1Kh v. [The fight against the «disastrous effect»: healthcare in the Turukhansk region in the first half of the 19th century] *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific review of Sayano-Altai]. 2017, no 4. P. 11–16 (in Russian).

Kulakov P. E. Buryaty Irkutskoi gubernii [Buryats of the Irkutsk province] *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Rossiiskogo geograficheskogo obshchestva*. [News of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society] Irkutsk, 1896. T. KhKhVI, no 4–5. P. 11–24 (in Russian).

Minusinskie i Abakanskie inorodtsy: materialy dlya izucheniya AA. Kuznetsovoi i P. E. Kulakova [Minusinsk and Abakan foreigners: materials for studying AA. Kuznetsova and

P.E. Kulakova] *Izdatie Eniseiskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. [Publication of the Yenisei Provincial Statistical Committee]. Krasnoyarsk, 1898. 326 p. (in Russian).

Miropliev M. A. *O polozhenii russkikh inorodtsev* [On the situation of Russian foreigners]. SPb., 1901, 515 p. (in Russian)

Nikitenko V. P. Nedavnee proshloe sibirskoi meditsiny [The recent past of Siberian medicine] *Vrachebno-sanitarnaya khronika Irkutskoi gubernii*. [Medical and sanitary chronicle of the Irkutsk province] Irkutsk: Gubernskaya tipografiya, 1915, no 3. P. 26–30 (in Russian).

Nikitenko V. P. Ostrozaraznye bolezni sredi russkogo i buryatskogo naseleniya Balaganskogo uezda za poslednie 5 let (1910–1914 gg.) [Acutely contagious disease among the Russian and Buryat population of Balagansky district over the past 5 years (1910–1914)] *Vrachebno-sanitarnaya khronika Irkutskoi gubernii*. [Medical and sanitary chronicle of the Irkutsk province] Irkutsk: Gubernskaya tipografiya, 1915, no 1. P. 19–49 (in Russian).

Nikitenko V. P. Svedeniya o dvizhenii epidemicheskikh zabolеваний v Irkutskoi gubernii po otdel'nym seleniyam [Information on the movement of epidemic diseases in the Irkutsk province in individual villages] *Vrachebno-sanitarnaya khronika Irkutskoi gubernii*. [Medical and sanitary chronicle of the Irkutsk province]. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya, 1915, no 5. P. 9–27 (in Russian).

Orlova I. V. *Khronika provintsial'noi meditsiny: Irkutsk i ego okrestnosti v dosovetskii period*. [Chronicle of provincial medicine: Irkutsk and its environs in the pre-Soviet period]. Irkutsk: Reprotsentr+, 2022, 336 p. (in Russian).

Orlova I. V., Dameshek I. L. O privlechenii inorodcheskogo naseleniya Irkutskoi gubernii k resheniyu regional'nykh mediko-sanitarnykh zadach v imperskii period. Ch. 1 [On the involvement of the non-native population of the Irkutsk province in solving regional health problems during the imperial period] *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskego otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences] 2023, pt. 1, no 2 (50). P. 32–38 (in Russian).

Podrobnosti o prokaze i prokazhennykh v byvshem Ol'khonskom vedomstve [Details about leprosy and lepers in the former Olkhon department] *Vostochnoe obozrenie*. [Eastern Review]. 1895, no 143 (in Russian).

Russkaya kul'tura i inorodtsy [Russian culture and foreigners] *Sibirskaya gazeta*. [Siberian newspaper]. 1882, no 40, p. 3 (in Russian).

Sekulovich A. F. *Iz istorii bor'by s zaraznymi boleznyami v Irkutskoi oblasti: ocherki*. [From the history of the fight against infectious diseases in the Irkutsk region: essays] Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, 1994, 240 p. (in Russian).

Sgibnev A. S. Istoricheskii ocherk glavnishikh sobytii v Kamchatke s 1650 g. po 1856 gg. [Historical outline of the main events in Kamchatka from 1650 to 1856] *Voprosy istorii Kamchatki*. [Questions of the history of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Khold. komp «Novaya kniga», 2008, vyp. 1. P. 5–103 (in Russian).

Shashkov S. S. Sibirskie inorodtsy v XIX veke [Siberian foreigners in the 19th century] *Istoricheskie ocherki. Istoricheskie etyudy*. [Historical essays. Historical sketches] Sobranie soчинений. SPb: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1867, vol. 2. P. 548–632 (in Russian).

Sleptsov S. S., Sleptsova S. S., Andreev M. N. Prokaza v Kolymskom okruse Yakutii (istoricheskii obzor) [Leprosy in the Kolyma district of Yakutia (historical review)]. *Vestnik*

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Tomsk State University]. 2022, no. 479. P. 158–168 (in Russian).

Slovtsov P. A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri. S 1742 po 1823 god.* [Historical review of Siberia. From 1742 to 1823]. SPb: tip. I. N. Skorokhodova, 1886, 277 p. (in Russian).

Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1915 g. (God dvenadtsatyi). [Statistical Yearbook of Russia. 1915 (Year twelve)]. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD, Petrograd, 1916. Available at: https://archive.org/details/statisticheskii_ezhegodnik_rossii_1915 (accessed: February 23, 2024) (in Russian).

Stepanov A. P. *Eniseiskaya guberniya* [Yenisei province]. Krasnoyarsk: RASTR, 2017, 268 p. (in Russian).

Stoyanov Yu. A. Kamchatka glazami G. A. Sarycheva i G. I. Langsdorfa [Kamchatka through the eyes of G. A. Sarychev and G. I. Langsdorff] *Vseobshchee bogatstvo chelovecheskikh poznanii* [The universal wealth of human knowledge]. Materialy KhKhKh Krasheninnikovskikh chtenii. 2014. P. 255–258 (in Russian).

Tret'yakov P. Turukhanskii krai [Turukhansk region] *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva.* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. SPb., 1869, vol. 2. P. 215–530 (in Russian).

Yadrinsev N. M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskem, etnograficheskem i istoricheskem otnoshenii.* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms] Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2003, 555 p. (in Russian).

Yadrinsev N. M. *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie. Etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablits.* [Siberian foreigners, their life and current situation. Ethnographic and statistical research with the application of statistical tables.] SPb., 1891, 200 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 01.04.2024

Принята к публикации: 29.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 94

DOI 10.14258/nreur(2024)3–07

И. И. Мучаева

Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова
(Элиста, Россия)

И. В. Лиджиева

Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия)

КОЧЕВЫЕ ИНОРОДЦЫ НА КОРОНАЦИЯХ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.: ДАРЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЕРНОПОДДАНСТВА

В статье на основе анализа документов, выявленных в фондах региональных и центральных архивных учреждений Российской Федерации, впервые в отечественной историографии рассматривается процедура организации и участия инородческих депутатий на торжественных мероприятиях по случаю коронации российских монархов в последней трети XIX в. на примере кочевых народов Астраханской и Ставропольской губерний. С момента принятия подданства российского монарха они стремятся наладить коммуникативные каналы, через которые возможно было обеспечить получение каких-либо преференций, направленных на сохранение своих традиционных институтов власти.

Особое внимание уделяется анализу процедуры формирования депутатий, которые наряду с представителями привилегированных сословий включали и выходцев из числа простолюдинов. Несмотря на существовавшие требования соответствия церемониальному протоколу, депутатия астраханских калмыков преподнесла в дар императору предметы кочевого быта, имевшие как этнический, так и конфессиональный смысл. В заключении автор приходит к выводу о том, что процедура формирования депутатий зависела от степени либерализации власти и политического режима в стране. Главы инородческих администраций так же, как и губернские власти, стремились обеспечить достойное представительство подведомственных им народов. В ходе организации даров императорской чете чиновники на местах столкнулись с трудностями приобретения аутентичных предметов кочевого быта, что может свидетельствовать об интенсивности интеграционных процессов в социально-экономической сфере.

Ключевые слова: кочевые инородцы, Астраханская губерния, Ставропольская губерния, коронация, дары, депутатия, артефакты, Александр III, Николай II

Для цитирования:

Мучеева И. И., Лиджиева И. В. Кочевые инородцы на коронациях российских монархов в последней трети XIX в.: дары как свидетельства верноподданства // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 128–145. DOI 10.14258/nreur(2024)3–07.

I. I. Muchaeva, I. V. lidzhieva

N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

NOMADIC FOREIGNERS AT THE CORONATIONS OF RUSSIAN MONARCHS IN THE LAST THIRD OF THE 19TH CENTURY: GIFTS AS EVIDENCE OF LOYALTY

This article analyzes documents from regional and central archival institutions in the Russian Federation to explore, for the first time in domestic historiography, the organization and participation of foreign delegations at ceremonial events marking the coronation of Russian monarchs in the late 19th century. The focus is on the nomadic peoples of the Astrakhan and Stavropol provinces. After accepting Russian citizenship, these groups sought to establish communication channels to secure preferences that would help preserve their traditional power structures. The article pays particular attention to the formation of deputations, which included not only representatives from privileged classes but also individuals from the common populace. Despite strict adherence to ceremonial protocol, the delegation of Astrakhan Kalmyks presented the emperor with items reflecting their nomadic lifestyle, imbued with both ethnic and confessional significance.

In conclusion, the author argues that the process of forming delegations was influenced by the degree of liberalization in the political regime. Heads of foreign administrations and provincial authorities aimed to ensure adequate representation of the peoples under their jurisdiction. However, local officials faced challenges in acquiring authentic nomadic items for gifts to the imperial couple, suggesting a significant level of integration within the socio-economic sphere.

Keywords: nomadic foreigners, Astrakhan province, Stavropol province, coronation, gifts, delegation, artifacts, Alexander III, Nicholas II

For citation:

Muchaeva I. I., lidzhieva I. V. Nomadic foreigners at the coronations of Russian monarchs in the last third of the 19th century: gifts as evidence of loyalty. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No3. P. 128–145 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–07.

Мучаева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, директор Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, Элиста (Россия). Адрес для контактов: muchaevaii@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7555-3182>

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону (Россия). Адрес для контактов: irina-lg@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5699-1021>

Muchaeva Irina Ivanovna, candidate of Historical Sciences, Director of the N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia, Elista (Russia). Contact address: muchaevaii@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7555-3182>

Lidzhieva Irina Vladimirovna, doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Humanitarian Studies of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don (Russia). Contact address: irina-lg@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5699-1021>

Введение

В первой четверти XIX в. российский законодатель в отношении ряда народов империи использует понятие «инородец» — «все племена обывателей не Российского происхождения, в Сибири обитающие» [Учреждение для управления, 1830: 358]. Позднее, согласно статье 1 закона «О состояниях», все население Российской империи была разделено на три категории: 1) природные обыватели, 2) инородцы и 3) иностранцы [Законы о состояниях, 1857: 1]. В этом же законодательном акте в редакциях 1876 и 1899 гг. дан перечень народов, относящихся к инородцам, в который вошли сибирские киргизы, кочующие народы Кавказской области, калмыки Астраханской, Ставропольской губерний [Свод законов, Т. IX, 1876; 1899]. К кочующим народам Кавказской области относились: «ногайцы по Калаусу и Янкулям, в Ставропольском округе обитающие; б) около Бештовых гор по Куме и Сабле в Георгиевском округе; в) Джембулуковские и Едисанские между Моздоком и Кумой, в Моздокском округе; Карапогайцы и Едишкульцы в Кизлярском округе; д) Трухмены и Киргизцы в зимнее время в округе Кизлярском, а в летнее на землях Калмыцких» [Устав для управления, 1827: 145–146]. После ликвидации Калмыцкого ханства Калмыцкая степь в административно-территориальном отношении входила в состав Астраханской губернии. Со второй половины XIX в. один из калмыцких улусов — Большедербетовский был передан под юрисдикцию ставропольского губернского начальства.

Политическая история каждого из этих народов включает страницы этнической государственности. С момента принятия подданства российского монарха они стремятся наладить коммуникативные каналы, через которые возможно было обеспечить получение каких-либо преференций, направленных на сохранение традиционных институтов власти. В конце XIX столетия, несмотря на активную имперскую политику по интеграции инородцев в общеимперское пространство, они продолжали сохранять отдельные элементы традиционной системы управления.

Целью данной статьи является анализ процедуры организации и участия инородческих депутатий на торжественных мероприятиях по случаю коронации российских монархов в последней трети XIX в., на примере кочевых инородцев Астраханской и Ставропольской губерний. Источниковую базу исследования составили документальные источники, выявленные в фондах региональных и центральных архивных учреждений Российской Федерации.

Данная проблематика не была объектом специального исследования. Участие отдельных народов в коронационных мероприятиях рассматривается рядом авторов. Так, предметом исследования А. А. Борисова выступает процесс становления инородческого законодательства в контексте якутских депутатий в 1789–1840 гг. [Борисов, 2018: 5–11]. В статье М. С. Арсанукаевой факт участия представителей горского населения Северного Кавказа в коронациях российских императоров рассматривается как одно из средств успешной адаптации горцев и создание условий для ведения диалога с властью [Арсанукаева, 2015: 84–87]. Депутации на коронации последней трети XIX в. рассматриваются в статье Н. В. Цыремпилова, который, констатируя факт участия буддистов в коронационных событиях XIX в., исследует проблему рецепции интерпретации ими смысла указанных торжеств [Цыремпилов, 2020: 12–31].

Коронация являлась неотъемлемым актом вступления наследника Российской империи на престол. Этот ритуал имел большое значение и был насыщен символизмом [Орчаков, Козловская, 2020: 15]. По утверждению В. В. Трапавлова, калмыцкая депутация принимала участие в коронации Елизаветы Петровны, при этом, по его мнению, это могло быть далеко не первым участием калмыков в коронационных мероприятиях [Трапавлов, 2004: 11].

Лама Гелик на аудиенции императоров Николая I и Александра II

Практика предыдущих столетий свидетельствует, что инородческие депутатии направлялись на прием к царствующим особам не только для решения светских проблем. Немаловажную роль как в организации депутатий, так и участия в них играли духовные лица. Так, например, 11 декабря 1852 г. высочайшим указом, данным Сенату, ламой калмыцкого народа был назначен Арши Онгоджиев (лама Гелик). В 1853 г. на основании всеподданнейшего доклада министра внутренних дел был согласован приезд его в Санкт-Петербург для принесения императору «верноподданнической благодарности за Всемилостивейшее возведение его в сие звание» [РГИА. Ф. 828. Оп. 8. Д. 1224. Л. 3]. По утверждению А. А. Курапова, лама Гелик вел активную самостоятельную политику по управлению делами буддийской церкви в Калмыцкой степи [Курапов, 2021: 287].

10 марта 1854 г. канцелярия Министерства императорского двора направила уведомление министру внутренних дел Л. А. Перовскому о том, чтобы «находящийся здесь прибывший из Астраханской губернии лама Гелик был представлен Его Величеству в Зимнем Дворце, завтра в четверг 11 числа сего месяца в час с половиною пополудни» [РГИА. Ф. 472. Оп. 35. Внутр. Оп. 142/979. Д. 16. Л. 2].

Последовавшее по завершению аудиенции императора Николая I с ламой Гелик отношение канцелярии к министру внутренних дел следует расценивать как знак проявление уважения к высшему духовному лицу Калмыцкой степи. Так, за подписью министра В. Ф. Адлерберга в Министерство внутренних дел поступил запрос, «какой по-

дарок может быть дан ламе Гелику в знак Высочайшего благоволения» [РГИА. Ф. 472. Оп. 35. Внутр. Оп. 142/979. Д. 16. Л. 5].

24 марта 1854 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий уведомил Министерство императорского двора о всемилостивейшем пожаловании 18 марта того же года ламе Гелику золотой медали для ношения на шее на Анненской ленте [РГИА. Ф. 472. Оп. 35. Внутр. Оп. 142/979. Д. 16. Л. 6]. По докладу министра государственных имуществ П. Д. Киселева лама Гелик «в вознаграждение издержек на поездку Вашу в Санкт-Петербург» получил «двойной оклад штатного своего жалованья» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1224. Л. 3; НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 47. Л. 10 об].

Скоропостижная смерть императора Николая I обусловила обращение духовного лица к главному чиновнику Калмыцкой степи с просьбой посодействовать в получении аудиенции взошедшего на престол императора Александра II. Главный попечитель калмыцкого народа М. И. Тагайчинов в своем рапорте на имя министра государственных имуществ В. А. Шереметева сообщает о желании ламы калмыцкого народа прибыть в Санкт-Петербург «для принесения поздравления Его Императорскому Величеству по случаю восшествия на престол». Ходатайство профильного министра не получило удовлетворения, о чем было сообщено 4 августа 1855 г. Император сообщил ему, что «поездка может быть отложена до другого благоприятнейшего и более свободного времени» [РГИА. Ф. 812. Оп. 8. Д. 1224. Л. 1].

Следующий приезд ламы Гелик состоялся в октябре 1856 г. Целью его ставо принесение «верноподданнических поздравлений Государю Императору и Государыне Императрице со Святым Коронованием Их Величеств». Прием состоялся 3 октября 1856 г. в Зимнем Дворце в час пополудни, о чем А. В. Адлерберг сообщил министру внутренних дел С. С. Ланскому как «Главному начальнику по части духовных дел иностранных исповеданий» [РГИА. Ф. 812. Оп. 8. Д. 1224. Л. 2–2 об].

13 марта 1882 г. в результате нападения народовольцев с использованием самодельных взрывных устройств погиб император Александр II Освободитель. Извещение поданных о случившемся, как и провозглашение нового императора, состоялось в этот же день подписанием манифеста «О мученической кончине Государя Императора Александра II и о восшествии на прародительский престол Государя Императора Александра III» [Восшествие, 1881]. Восприятие кочевыми инородцами двух этих событий отразилось в приговоре общества калмыков Большебербетовского улуса, принятого на сходе: «Ужас тьмы поразил нас, когда позорной рукой жалкой горсти злоумышленников была пресечена жизнь Императора Александра Николаевича. Солнце пред нами померкло, и ужас страшного сновидения оледенил нашу кровь. Падаем ниц перед Тобою, Заря Востока, и возносим хвалы нашему Зиждителю мира, вновь дающему нам свет солнца после его захода» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 81 об. — 82].

Подготовка кочевых инородцев к коронации Александра III

Ожидание коронования растянулось на два года, что свидетельствовало о тщательности ее подготовки [Шохин, 1997: 546]. Так, организация депутатий от кочующих народов Ставропольской губернии началась в середине лета 1882 г., когда приставы и попечитель были уведомлены о предстоящей коронации. Уже 12–14 июля 1882 г. чиновники, подведомственные Главному приставу кочующих народов Ставропольской губер-

нии подполковнику А. А. Самойлову, направили в его адрес рапорты, в которых доносили о состоявшихся в обществах ногайцев, трухмен (самоназвание туркмен) и калмыков Большедербетовского улуса общественных сходах. Кочевники, обращались с ходатайством о разрешении отправить им депутатов в Москву «для присутствования на коронации Их Величеств и выражения верноподданнических чувств». Вторым пунктом решений схода выступало изъявление согласия на выделение средств, связанных с дорожными расходами, из общественных капиталов [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 3–3 об., 4–4 об., 6–6 об., 45–45 об.].

На состоявшемся 24 августа 1882 г. сходе общество трухмен единогласно ассигновало из трухменского общественного капитала 2 000 руб. на покупку блюда, «на коем имелеть быть поднесено депутатией при короновании Их Императорских Величествах Государе Императоре и Государыни Императрице хлеб-соль» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 14]. Централизованный заказ, в том числе на изготовление вышеуказанного подносного блюда, был сделан канцелярией губернатора в фирме П. А. Овчинникова — одной из крупнейших ювелирных фирм Москвы второй половины XIX — начала XX в. Дар для императорской четы в честь их коронования был готов уже осенью 1882 г. Так, уведомлением от 25 сентября 1882 г. на фирменном бланке фабриканта, где значилось: «ПОСТАВЩИК ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА», адресованным ставропольскому губернатору К. Л. Зиссерману, сообщалось о готовности «Блюда и Солонки, заказанные Вами для кочующих народов Ставропольской губернии». Здесь же дано его описание: «работа с эмалированным орнаментом борта и с камнями аметистами, надпись и фон орла тоже эмалевые» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 15]. Избранные для участия в церемонии коронования готовились к поездке в Москву. Так, 28 марта 1883 г. пристав трухменского народа сообщал А. А. Самойлову, что «старшина Соин Аджиева рода Закерья Муса Аджиев обязался немедленно представиться к Вашему Высокоблагородию в том же костюме, который изготовлен им для ношения в городе Москве, во время торжеств коронации Их Величеств» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 34]. Однако до конца 1882 г. официальных сообщений о торжествах не последовало. Между тем «церемония помазания на царство — национальный, политический и религиозный обряд, без которого в глазах русского народа царь не является настоящим царем» [Чеобану, 2013: 62].

15 мая 1883 г. в Москве состоялось торжество коронования их величеств [Священное, 1883: 43]. В инородческих обществах Ставропольской губернии возобновились сходы по выдвижению депутатов, «коим будет дозволено удостоиться великой чести и счастья лицезреть Великого Государя Императора нашего» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 53], чтобы отправиться в Санкт-Петербург с целью «принесения поздравлений Их Императорским Величествам с совершением Священного Коронования» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 45]. Анализ текстов решений сходов показывает, что число желающих выразить свои верноподданнические чувства увеличилось. 8 мая 1883 г. пристав, в ведении которого состояли ачикулак-джембойлуковцы, едишкульцы и едисанцы, направил главному приставу кочующих народов А. А. Самойлову рапорт, в котором доносил о желании ногайцев отправить в Санкт-Петербург по одному депутату от каждого народа. Удовлетворение выдвинутого ходатайства позволило каждому об-

ществу избрать не менее трех депутатов. Так, от ногайских обществ в состав депутатии вошли три представителя: едишкулец Саиб Сарсемби Аджиев, едисанец Шора Атей Аджиев, джембойлуковец Тенгизбай Курмамбаев [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 47–47 об]. Отдельным приговором от караногайского народа избрали кадия Рахмета-эфенди Аджи Арслан Эфендиева, голову Ярболды Толубай Аджиева и старшину найманова куба Йолокай Шора Атей Аджиева [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 68].

29 мая 1883 г. улусный попечитель сообщил в Ставрополь об избрании от большедербетовских калмыков в состав депутатии для отправления в Санкт-Петербург «для выражения своих верноподданнических чувств и поднесения хлеба-соль» владельца улуса Михаила Михайловича Гахаева, бакшу большедербетовских хурулов Санджи Яванова и зайсанга Икитуктунова рода Бадьму Опогинова [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 9].

В марте 1883 г. от трухменского общества «депутатом для присутствования при Священном Короновании Их Императорских Величеств был избран старшина Соин-Аджиев рода Закерья Муса Аджиев». В дополнение к приговору от 28 марта было принято решение о выделении средств на поездку в Москву и для переводчика Абдулхалика Аджакаева [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 43]. Однако приговор, составленный на сходе 5 мая 1883 г., содержал имена других лиц, выбранных депутатами: Ханай Айдаев, Эшай Джембулатов и Согандык Исмаил Аджиев [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 53].

Каждая из депутатий состояла не только из представителей привилегированных слоев населения, но и включала простолюдинов, занимавших выборные должности в органах местного самоуправления. Процедура избрания депутатов не завершалась на сходе. Список кандидатов вместе с решением схода направлялся на согласование главному приставу кочующих народов, а затем на утверждение губернатору. Канцелярия главного пристава представляла на утверждение губернатору сведения на каждого кандидата по форме, сходной с представлением к награждению. Например, «бакша Большидербетовских улусов Санджи Яванов. Вероисповедания ламайского. Исполняя высшую духовную обязанность в Ламайском духовенстве Большидербетовского улуса с 1 сентября 1868 г., своей примерной нравственностью способствовал возвышению нравственного уровня не только в среде подчиненного ему калмыцкого духовенства, но и вообще между калмыками. Содействовал уменьшению в улусе грабежей и разбоев и склонял калмыков личным примером к занятию землемерием и к переходу к оседлой жизни». Характеристика, данная на второго кандидата, не имеет кардинальных отличий от предыдущей. Так, «ламайский зайсанг Бадьма Лапин Опогинов управляя аймаком по праву наследства, исполняет с особым усердием и своим личным примером служит образцом калмыкам, как в нравственном отношении, так и в деле устройства хозяйства. Во время исполнения обязанностей опекуна улуса содействовал уменьшению грабежей и воровства между калмыками и в прошлом 1881 г. оказал большие услуги при уничтожении саранчи» [ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 162. Л. 14–16].

Сведений о состоявшемся приеме депутатии кочевых инородцев Ставропольской губернии, к сожалению, выявить не удалось. Более подробные сведения мы имеем по факту бракосочетания и коронации императора Николая II.

Депутации к императору Николаю II

В декабре 1894 г. министр внутренних дел П. Н. Дурново направил уведомление астраханскому губернатору Н. Н. Тевяшеву о возможности выражения верноподданнических чувств разными учреждениями, обществами и сословиями императорской чете по случаю их бракосочетания. Депутация от калмыцкого народа в составе трех человек должна была прибыть 15 января 1895 г. в Петербург. Телеграмма от главного попечителя калмыцкого народа В. А. Башкирова в адрес министра государственных и земельных имуществ А. С. Ермолова последовала 12 декабря 1894 г. с просьбой представить депутатацию калмыков Астраханской губернии «с поднесением по их древнему обычаю кувшинов с кумысом и арке» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 712. Л. 1].

Уже 31 декабря 1894 г. Башкиров, чье участие в депутатации было согласовано с Ермоловым, сообщил Тевяшеву список лиц, «назначенных» им членов депутатации от калмыков. В состав представителей от калмыков вошли четыре кандидата, первым из которых был отставной штабс-ротмистр Баты-ка Церенович Тюмень, начальник Данжигин — малого хурула Багацохуровского улуса Цюрюм Чикинов, толмач улусной администрации Калмыцкого Базара Васко Тугаев и простолюдин Яргачин-Эркетенова рода Икицохуровского улуса Цаган-Убуши Леджинов.

Он также известил губернатора о дарах, желаемых ими преподнести императору Николаю II и императрице Александре Федоровне: на серебряном подносе бёrbё (кожаный кувшин) с арке (водка, добываемая из молока) и две деревянные чашечки [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 712. Л. 7].

Императорская чета удостоила аудиенции астраханских калмыков 18 января в три часа пополудни, во время которой они имели возможность преподнести на серебряном блюде домбо (деревянный кувшин, охваченный серебряными кольцами), бёrbё (кожаный сосуд) и две чашечки. В этот же день калмыцкая депутатация во главе с главным попечителем калмыцкого народа «отслужила в Петро-Павловском соборе торжественную панихиду по в Бозе почившем Государе Императоре Александре III и на гробницу своего Великого Царя от имени всего калмыцкого населения Астраханской губернии возложила серебряный венок» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 712. Л. 19 об.].

Важность события подчеркивает циркуляр главного попечителя калмыцкого народа, направленный всем улусным попечителям и заведующим отдельными частями улусов об объявлении через аймачных старшин подведомственному населению о состоявшемся приеме. Кроме того, сообщалось о повелении императора «благодарить калмыцкий народ» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 712. Л. 19 об. — 20].

22 декабря 1895 г астраханский губернатор уведомил главного попечителя калмыцкого народа об организации очередной депутатации калмыков по случаю торжественных коронационных мероприятий в Москве. Ранее, 27 сентября 1895 г., управляющий Министерством императорского двора, шталмейстер двора его величеств, генерал-лейтенант барон В. Б. Фредерихс «...с целью предоставления депутатам отдаленных частей Империи возможности своевременно прибыть в Москву ...» представил императору на утверждение проект участия сословных и местных представителей в церемонии коронования. И уже 30 сентября на полях доклада собственноручно Николаем II было написано: «Согласен» [РГИА. Ф. 472. Оп. 65. Д. 45. Л. 45]. Следствием данного

согласования стали два законодательных акта. Первый документ гласил: «Призываем всех верных Наших подданных в предстоящий торжественный день Коронования разделить радость Нашу...». Так Николай II, подписав 1 января 1896 г. манифест о предстоящем «Священном Короновании Их Императорских Величеств», положил начало организации депутатий от народа [Манифест, 1899: 1]. Во втором документе, подписанным императором в тот же день, обозначено место проведения торжеств — Москва [Манифест, 1899: 1].

После получения уведомления калмыки обратились к губернатору, генерал-лейтенанту М. А. Газенкампфу с просьбой «о разрешении калмыцкой депутации при предстоящем торжестве Святого Коронования с поднесением по своему древнему обычаю на серебряном подносе «домбо» с кумысом (деревянный кувшин), «бёрбё с арке (кожаный кувшин с водкой, добываемой из молока) и две деревянные чашечки». Процедура согласования предусматривала получение одобрения сначала министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова, а затем министра императорского двора и уделов И. И. Воронцова-Дашкова. Последовавший 15 февраля ответ последнего гласил, что с его стороны «препятствий не встречается» [РГИА. Ф. 472. Оп. 65. Д. 45. Лл. 120, 147]. Подготовкой даров занимался главный попечитель калмыцкого народа Ф. А. Агафонов, вступивший должность 5 июля 1895 г. В начале января 1896 г. его помощник М. И. Овечкин отправил попечителю Калмыцкого Базара И. А. Сабурову поручение о приобретении «в возможно непродолжительное время» бёрбё для поднесения депутатией от калмыков их императорским величествам. В письме содержалась просьба обязательно указать имя продавца [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 16]. Дальнейшая ситуация с подготовкой даров свидетельствует о том, что найти мастеров, способных изготовить предметы материальной культуры калмыков, в Степи уже не так-то просто. О состоявшейся покупке стоимостью в пять рублей в Управление калмыцким народом было донесено 28 января, с просьбой выслать деньги для оплаты Улюмджи Салматаеву, у которого было приобретено бёрбё [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 20].

Сложнее было приобрести деревянные чашечки, прилагаемые к домбо. Агафонов обратился к Баты-ка Тюменю, который в январе в составе калмыцкой депутации преподносил императору такие чашечки. Однако нойон не смог помочь. Не увенчались успехом и поиски мастеров в Астрахани. В итоге, Ф. А. Агафонову удалось договориться со столоначальником департамента государственных земельных имуществ М. П. Новицким и заказать изготовление двух деревянных чашек из красного дерева. В письме московскому чиновнику главный попечитель калмыцкого народа объясняет, что, «к сожалению, в Астрахани нет мастеров, которые могли бы искусно выточить их, почему приходится обращаться к иногородним мастерам». По описаниям известного историка-этнографа У. Э. Эрдниева, процесс изготовления этих деревянных чашек был достаточно трудоемок и сложен: они выдалбливались из сырых наплывов на клене, ольхе, березе, иногда — из карагача и ореха. Уже оформленное изделие в течение двух часов подвергали кипячению, а затем начищали войлоком. После этого смазывали животным жиром и держали завернутым в кошме не менее 10 дней. Потом опять смазывали жиром и сушили на солнце [Эрдниев, 2007: 256].

Для приближения заказа к аутентичным предметам калмыцкого быта в Москву были направлены образцы чашек и дерева. Для создания гармоничного комплекта последнее являлось обязательным условием, так как «посуда для кумыса сделана из прилагаемого материала, при этом чашки не должны быть покрываемы» [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 34–34 об].

В начале марта 1896 г. для заказа серебряного блюда Ф. А. Агафонов обратился в ювелирную компанию Фаберже. Переписка между ними продолжалась в течение двух месяцев. Первоначально фирма обещала изготовить блюдо к 3 мая. Однако только 13 мая главный мастер и художник фирмы Фаберже Ф. Бирбаум телеграммой из Москвы сообщил Ф. А. Агафонову о готовности заказа, весом 12 фунтов (5,44 кг), диаметр его дна составлял 8,5 вершков (37,74 см), а всего блюда — 12 вершков (53,28 см) и стоимостью 725 руб. серебром [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 57]. Блюдо в Москве получил нойон Б. Ц. Тюмень. Описание серебряного подноса сохранилось в делопроизводственной документации Управления калмыцким народом. Так, на ободке подноса вязью сделана надпись розовой эмалью «от верноподданного калмыцкого народа Астраханской губернии». В центре верхней части ободка в медальоне были выгравированы позолоченные инициалы их величеств с короной, в нижней части — медальон с указанием времени коронации, по бокам в медальонах голубой эмали гербы — на левой стороне государственный, на правой — Астраханской губернии. На указанном серебряном подносе были преподнесены домбо с кумысом, бербе с аракой и две чашки из красного дерева [НАРК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 47. Л. 8–8 об].

По результатам внесенной поправки в утвержденное 11 января «Положение о порядке вызова и о составе сословных и местных депутатий при Священном Короновании Их Императорских Величеств», представители духовенства иноверных исповеданий получили возможность принять участие в торжественных мероприятиях. Речь шла о представителях от римско-католического, армяно-григорианского, евангелическо-лютеранского, магометанского, караимского и от ламайского — Бандидо-хамба ламайского духовенства и Восточной Сибири и лама калмыцкого народа [Извлечение..., 1899: 9].

В соответствии с данными поправками 1 февраля 1896 г. департамент духовных дел иностранных исповеданий уведомил экспедицию церемониальных дел о «препровождении списка духовных лиц иностранных исповеданий в Москву по случаю предстоящего Святого Коронования Их Императорских Величеств» [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 4]. От калмыцкого народа в числе 18 человек в список был включен и лама калмыцкого народа Бара-Шара Манджиев [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 36 об]. Дополнительно уже 12 мая был согласованы кандидатуры членов его свиты, куда вошли начальник хурула Александровско-Багацохуровского улуса гелюнг Чимид Балданов, манджик того же хурула Манджи Джоджиев, а также зайсанги на правах переводчиков Лиджи Джапов и Цебек-Джал (Бегали) Онкоров. Причем последние получили право присутствовать в день торжественного въезда на Красной площади, а в день коронования — на Соборной площади [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 73, 74 об].

Сообщение главного попечителя ламе калмыцкого народа о включении его в состав депутатии от астраханских калмыков последовало 11 апреля. В связи с крайне незначительным сроком на подготовку верховный лама Калмыцкой степи обратился за по-

мощью в организации подарка к главному попечителю Ф. А. Агафонову. По его желанию необходимо было сделать заказ на изготовление серебряного блюда с гравировкой даты коронования их императорских величеств и солонку. Имеющиеся в наличии домбо и бортха для украшения серебром были переданы им через хурульного ученика Бову Онгаева. Просьбу священнослужителя удалось выполнить лишь частично. Агафонов обратился к известному астраханскому ювелирному мастеру С. А. Морозову, который «ввиду кратковременности срока» взял в работу только бортха и домбо. Агафонов посоветовал священнослужителю приобрести блюдо в Москве, по адресу, переданному через того же посыльного [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 46].

Уведомление в отношении светских лиц, долженствующих присутствовать на церемонии, министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов 17 февраля 1896 г. направил министру императорского двора иделов И. И. Воронцову-Дашкову. Так, в список депутатов от кочевых инородцев Астраханской губернии вошли: нойон Александровского улуса, отставной штабс-ротмистр Баты-ка Тюмень и калмык-простолюдин Икицохуровского улуса Цаган-Убushi Леджинов и Ставропольской — калмык, старшина Цоросова, Шеретова и Таракинерова родов Манжер Марков; от трухменского народа — Голова Назар Джембулатов и от эдишкульского народа — Голова Арсланбек Махмут Аджиев [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 63]. Донских калмыков в составе депутатации от Войска Донского получили право представлять бакша донских калмыков, казак Платовской станицы Сальского округа Джамбо Микулинов и донской калмык, отставной казак Иловайской станицы Сальского округа Бадма Мамунов [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 217 об]. Следует отметить, что депутаты, представлявшие калмыцкий народ Астраханской губернии, взяли на себя обязательства по несению всех расходов на поездку за счет собственных средств.

25 марта за подписью верховного церемониймейстера А. С. Долгорукова на имя А. С. Ермолова поступило сообщение о том, что «в дни торжественного въезда Их Императорских Величеств в Москву и в день Святого Коронования нойону Баты-ка Тюменю предоставляется место на особой галерее «Д» на Соборной площади. Также как и бакше донских калмыков» [РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498. Л. 20]. Предупреждалось о необходимости своевременного обращения за пропускными билетами в Экспедицию церемониальных дел. Все остальные в первый день, наряду с сельским населением, должны были стать по пути высочайшего шествия вдоль Петербургского шоссе. Во второй день — на Соборной площади между Успенским и Архангельским соборами. Все остальные вышеназванные в торжественном шествии не участвовали, но с прочими представителями сельского населения могли стать по пути высочайшего шествия по обе стороны памятника Пожарскому и Минину на Красной площади. Непосредственно в день коронации 14 мая 1896 г., наряду со всем сельским населением, на Соборной площади приветствовали императорскую семью Цаган-Убushi Леджинов, Манжер Марков, Назар Джембулатов и Махмуд Аджиев [РГИА. Ф. 472. Оп. 65. Д. 45. Л. 157].

На 16 мая отводилось время для принесения поздравлений императорской чете представителями кочевого инородческого населения. Члены депутатий из числа духовенства нехристианских исповеданий были представлены министром внутренних дел. Посланников от калмыцкого народа Астраханской губернии сопровождал министр го-

сударственных имуществ. Депутатов от казачьих войск, а также от кочевых народов Ставропольской губернии, кроме калмыков Большиедербетовского улуса, — военный министр [Порядок принесения, 1899: 185].

В Андреевском и Георгиевском залах специально для даров от различных депутатий были установлены столы. В общей сложности за дни коронации императорской семье от подданных было преподнесено: икон 57, складней 23, блюд серебряных 285, из других материалов 39 [Коронационный сборник, 1899: 293]. Так, например, московское губернское земство заказало по специальному художественному рисунку на фабрике придворного фабриканта К. Фаберже блюдо в строгом стиле «empire», украшенное губернским и уездным гербами и вензелем их императорских величеств. На этой же фабрике по заказу астраханского дворянства было изготовлено чеканное блюдо в стиле Людовика XVI с украшениями из нефрита, а астраханского Биржевого общества — блюдо в русском стиле, с государственным гербом и гербом рода Романовых, а также вензелем их величеств [Историческое описание, 1896: 172–173].

Согласно официальным сведениям, серебряные блюда с солонками были преподнесены, в том числе, «от казаков из калмыков Донского войска, калмыцкого народа Астраханской губернии (со жбаном, 2 чашками и одной флягой для кумыса) и исправляющего должность Ламы калмыцкого народа (серебряное, со жбаном, 2 чашками и флягой для кумыса)» [Ведомость предметам, 1899: 216–217]. Отсюда следует, что ламе Бара-Шара Манджиеву удалось воспользоваться советом Ф. А. Агафонова и приобрести блюдо в Москве.

В день торжественного обеда, организованного в Петровском дворце, всем членам депутатий были вручены портреты императора и императрицы в красных шелковых рамках с вензелевым изображением их величеств [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 60–60 об]. Однако, как следует из донесений попечителей, ни один из входивших в состав калмыцкой депутатии представителей императорского дара не получил. Последующая переписка Ф. А. Агафонова с канцелярией астраханского губернатора восстановила данное упущение. Знаки внимания со стороны имперских властей в отношении депутатов следовали и далее. Так, в июне Министерство земледелия и государственных имуществ передало четыре малые серебряные медали в память коронования для вручения ламе калмыцкого народа Бара-Шара Манджиеву, нойону Баты-ке Тюменю, простолюдину калмыку Леджинову и переводчику Лиджи Джапову [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 68–68 об].

Достойное участие представителей калмыцкого народа в торжественных мероприятиях по случаю коронования императорской четы было отмечено астраханским губернатором, генерал-лейтенантом М. А. Газенкампфом, который 18 мая 1896 г. отправил на имя главного попечителя калмыцкого народа Ф. А. Агафонова благодарственную телеграмму [НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812. Л. 58].

Коронационные мероприятия выступали не только как празднества, где могли присутствовать избранные, но и как способ послабления в податном отношении. В соответствии с высочайшими манифестами по случаю коронации даровались различного рода милости. Так, в соответствии с пунктом 1 Манифеста от 15 мая 1883 г. прощались все недоимки, числящиеся к 1 января 1883 г., в том числе по кибиточному сбо-

ру [ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 71]. Манифестом от 14 мая 1896 г. даровались населению империи облегчения по разного рода сборам. Все недоимки кибиточного сбора, числящиеся на 1 января 1896 г. на калмыках, взимаемые на основании высочайше утвержденного 16 марта 1892 г. мнения Государственного Совета, были сложены. Законодательное положение распространялось на калмыков, как кочующих в Астраханской губернии, так и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии [Высочайший манифест, 1896: 1–2].

Заключение

В условиях неполной завершенности интеграционных процессов, приглашение кочевых инородцев для участия в коронациях монарших особ последней трети XIX в., которые являлись мероприятиями высочайшего уровня, очередной раз выступало признанием их как верноподданных. Процедура формирования депутатий зависела от степени либерализации власти и политического режима в стране. Так, один из способов основывался на решениях общественных сходов, которые избирали кандидатов. Второй — на распоряжениях исполнительно-распорядительного органа власти, который назначал их. И в первом, и во втором случае в их состав входили не только представители привилегированных слоев общества, но и лица из числа простолюдинов.

В соответствии с русским обрядом, принесение поздравлений сопровождалось преподнесением хлеба-соли, а в случае с инородческим населением — обретало этнический и конфессиональный смысл. Главы инородческих администраций так же, как и губернские власти, стремились обеспечить достойное представительство подведомственных им народов. В ходе организации даров императорской чете чиновники на местах столкнулись с трудностями приобретения аутентичных предметов кочевого быта, что может свидетельствовать об интенсивности интеграционных процессов в социально-экономической сфере. Решение проблемы способствовало сохранению предметов материальной культуры калмыцкого народа до наших дней.

Благодарности и финансирование

Публикация подготовлена в рамках реализации государственных заданий Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, проект № 122020100347–2.

Acknowledgments and funding

The publication was prepared as part of the implementation of state assignments of the Federal Research Center of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, project No. 122020100347–2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсанукаева М. С. Горцы Северного Кавказа на коронациях российских императоров (XIX — начало XX вв.) // История, археология и этнография Кавказа. 2015. № 1. С. 84–87.

Борисов А. А. Якутские депутатии и инородческое законодательство как одна из особенностей политики Российской империи на северо-востоке (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 56. С. 5–11.

Ведомость предметам, поднесенными Их Императорским Величествам при поздравлениях в Москве по случаю Священного Коронования // Коронационный сборник с со-

изволения Его Императорского Величества Государя Императора. Издан Министерством Императорского Двора / под ред. В. С. Кривенко. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. Т. 2. С. 216–217.

Восшествие на Всероссийский престол, 1 марта 1881 г., Его Императорского Величества Государя Императора Александра III Александровича. М.: тип. Малюкова, 1881. 8 с.

Высочайший манифест по случаю коронации Николая II. М., 1896. 16 с.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 249. Оп. 2. Д. 907.

Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. СПб.: тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. Т. IX. С. 1.

Извлечение из Высочайше утвержденного 11 января 1896 г. «Положения» о порядке вызова и о составе сословных и местных депутатий при Священном Короновании Их Императорских Величеств и из всеподданнейших докладов Министров: Императорского Двора, Внутренних Дел и Финансов // Коронационный сборник с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора. Издан Министерством Императорского Двора / под ред. В. С. Кривенко. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. Т. 2. С. 9.

Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц / сост. по первоисточникам И. Токмаков. М.: изд. И. И. Тихомирова, 1896. 193 с.

Коронационный сборник с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора / издан Министерством Императорского Двора под ред. В. С. Кривенко. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. Т. 2. С. 293.

Курапов А. А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII–XX вв. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021.

Манифест «О предстоящем Священном Короновании Их Императорских Величеств» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: типография II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1899. Т. XVI. Ч. 1. № 12355. С. 1.

Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-42. Оп. 1. Д. 47.

НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 812.

НАРК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 712.

О призвании в город Москву, ко времени Священного Коронования Их Императорских Величеств, сословных и других представителей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: типография II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1899. Т. XVI. Ч. 1. № 12356. С. 1.

Орчакова Л. Г., Козловская Г. Е., Палагина М. В. Коронационные манифести XIX в. как способ презентации императорской власти // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1 (62). С. 15–19.

Порядок принесения поздравлений Их Императорским Величествам по случаю Св. Коронования // Коронационный сборник с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора / Издан Министерством Императорского Двора под ред. В. С. Кривенко. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. Т. 2. С. 185.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 35. Внтр. Оп. 142/979. Д. 16.

- РГИА. Ф. 472. Оп. 65. Д. 45.
- РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 498.
- РГИА. Ф. 828. Оп. 8. Д. 1224.
- Свод законов Российской империи. СПб. : тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. Т. IX. 312 с.
- Свод законов Российской империи. СПб. : тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1899. Т. IX. 466 с.
- Священное Коронование Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны. М. : Университетская тип. (М. Катков), 1883. 273 с.
- Трапавлов В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2004. № 4. С. 8–19.
- Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1827. Т. II. № 878. С. 145–146.
- Учреждение для управления Сибирских губерний // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб.: тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29.125. С. 358.
- Цыремпилов Н. В. Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 12–31.
- Чеобану А.-Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 61–68.
- Шохин Л. И. Граф С. Д. Шереметев о коронации Александра III в Москве // Археографический ежегодник. 1997. Т. 1. № 1. С. 546–556.
- Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.

REFERENCES

- Arsanukaeva M. S. Gorcy Severnogo Kavkaza na koronaciyax rossijskix imperatorov (XIX — nachalo XX vv.) [Highlanders of the North Caucasus at the coronations of Russian emperors (XIX — early XX centuries)]. *Istoriya, arxeologiya i e'tnografiya Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus]. 2015, vol. 1. P. 84–87 (in Russian).
- Borisov A. A. Yakutskie deputacii i inorodcheskoe zakonodatel'stvo kak odna iz osobennostej politiki Rossijskoj imperii na severo-vostoke (konec XVIII — pervaya polovina XIX v.) [Yakut deputations and foreign legislation as one of the features of the policy of the Russian Empire in the northeast (late XVIII — first half of the XIX century)] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. Story]. 2018, vol. 56. P. 5–11 (in Russian).
- Cheobanu A.-B. Rumy'nskie delegacii na koronaciyax Aleksandra III i Nikolaya II [The Romanian Delegations on the Coronations of Tsars Alexander III And Nicolas II]. *Slavyanovedenie* [Slavynovedenie]. 2013, vol. 5. P. 61–68 (in Russian).
- E'rdniev U. E'. *Kalmy'ki: istoriko-e'tnograficheskie ocherki* [Kalmyks: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalm. book publishing house, 2007. 429 p. (in Russian).

Istoricheskoe opisanie vsex koronacij Rossijskix czarej, imperatorom i imperatricz. Sostavil po pervoistochnikam I. Tokmakov [Historical description of all coronations of Russian tsars, emperors and empresses. Compiled from primary sources by I. Tokmakov]. Moscow: Publishing house I. I. Tikhomirov, 1896, 193 p. (in Russian).

Izvlechenie iz Vy'sochajshe utverzhdenego 11 yanvarya 1896 g. «Polozheniya» o poryadke vy'zova i o sostave soslovny'x i mestny'x deputacij pri Svyashhennom Koronovanii Ix Imperatorskix Velichestv i iz vsepoddannejshix dokladov Ministrov: Imperatorskogo Dvora, Vnuttrennix Del i Finansov [Extract from the «Regulations» approved by the Highest on January 11, 1896 on the procedure for summoning and on the composition of class and local deputations at the Holy Coronation of Their Imperial Majesties and from the most loyal reports of the Ministers: Imperial Court, Internal Affairs and Finance]. *Koronacionnyj sbornik s soizvoleniya Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarya Imperatora. Izdan Ministerstvom Imperatorskogo Dvora. Sostavljen pod red. V. S. Krivenko.* [Coronation collection with the permission of His Imperial Majesty Sovereign Emperor. Published by the Ministry of the Imperial Household. Compiled under the editorship of V. S. Krivenko]. St. Petersburg: Expedition for the procurement of state papers, 1899, vol. 2. P. 9 (in Russian).

Koronacionnyj sbornik s soizvoleniya Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarya Imperatora. Izdan Ministerstvom Imperatorskogo Dvora. Sostavljen pod red. V. S. Krivenko [Coronation collection with the permission of His Imperial Majesty the Sovereign Emperor. Published by the Ministry of the Imperial Household. Compiled under the editorship of V. S. Krivenko]. St. Petersburg: Expedition for the procurement of state papers, 1899, vol. II, p. 293 (in Russian).

Kurapov A. A. *Rossijskoe gosudarstvo i buddijskaya cerkov' na yuge Rossii: e'tapy' e'voljucii social'no-politicheskogo vzaimodejstviya v XVII–XX vv.* [The Russian state and the Buddhist church in the south of Russia: stages of the evolution of socio-political interaction in the 17th — 20th centuries]. Elista: KalmSC RAS, 2021 (in Russian).

Manifest «O predstoyashhem Svyashhennom Koronovanii Ix Imperatorskix Velichestv» [Manifesto «On the upcoming Holy Coronation of Their Imperial Majesties']. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third meeting]. St. Petersburg: printing house of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1899, vol. XVI, pt. 1, no. 12355. P. 1 (in Russian)

O prizvanii v gorod Moskvu, ko vremeni Svyashhennogo Koronovaniya Ix Imperatorskix Velichestv, soslovny'x i drugix predstavitelej [On the calling to the city of Moscow, at the time of the Holy Coronation of Their Imperial Majesties, estates and other representatives]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third meeting]. St. Petersburg: printing house of the II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1899, vol. XVI, pt. 1, no. 12356. P. 1 (in Russian).

Orchakova L. G., Kozlovskaya G. E., Palagina M. V. *Koronacionnye manifesty XIX v. kak sposob prezentacii imperatorskoj vlasti* [The 19th Century Coronation Manifestos As A Way Of Presenting Imperial Power]. *Kaspiskij region: politika, e'konomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2020, no. 1 (62). P. 15–19 (in Russian).

Poryadok prineseniya pozdravlenij Ix Imperatorskim Velichestvam po sluchayu Sv. Koronovaniya [The procedure for bringing congratulations to Their Imperial Majesties on the occasion of the Holy Coronation]. *Koronacionnyj sbornik s soizvoleniya Ego Imperatorskogo*

Velichestva Gosudarya Imperatora. Izdan Ministerstvom Imperatorskogo Dvora. Sostavlen pod red. V. S. Krivenko [Coronation collection with the permission of His Imperial Majesty the Sovereign Emperor. Published by the Ministry of the Imperial Household. Compiled under the editorship of V. S. Krivenko]. St. Petersburg: Expedition for the procurement of state papers, 1899, vol. 2. P. 185 (in Russian).

Shoxin L. I. Graf S. D. Sheremetev o koronacii Aleksandra III v Moskve [Sheremetev on the coronation of Alexander III in Moscow]. *Arxeograficheskij ezhegodnik* [Archaeographic Yearbook]. 1997, vol. 1. P. 546–556 (in Russian).

Svod zakonov Rossijskoj imperii [Code of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: type. II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1876, vol. IX, 312 p. (in Russian).

Svod zakonov Rossijskoj imperii [Code of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: type. II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1899, vol. IX, 466 p. (in Russian).

Svyashchennoe Koronovanie Imperatora Aleksandra III i Imperatricy Marii Fedorovny' [Holy Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna]. Moscow: University type. (M. Katkov), 1883, 273 p. (in Russian).

Trepavlov V. V. Rossijskoe poddanstvo kalmy'kov v ritualax i simvolax (iz istorii e'tnicheskoy politiki XVII–XIX vv.) [Russian citizenship of Kalmyks in rituals and symbols (from the history of ethnic politics of the 17th–19th centuries)]. *Vestnik Kalmy'czkogo instituta gumanitarny'x issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences]. 2004, no. 4. P. 8–19 (in Russian).

Tsyrempilov N. V. Moscow as a Buddhist Paradise: A Buryat Delegation at the Coronation of Nicholas II [Moskva kak buddiiskii rai: buriatskaia deputatsiia na koronatsii Nikolaia II]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 2. P. 12–31 (in Russian).

Uchrezhdenie dlya upravleniya Sibirs'kix gubernij [Institution for the management of the Siberian provinces] *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: type. II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, vol. XXXVIII, no. 29.125. P. 358 (in Russian).

Ustav dlya upravleniya nogajcev i drugix magometan, kochuyushhix v Kavkazskoj oblasti [Charter for the management of the Nogais and other Mohammedans wandering in the Caucasus region]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting]. St. Petersburg: typ. II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1827. vol. II, no. 878. P. 145–146 (in Russian).

Vedomost' predmetam, podnesennym Ix Imperatorskim Velichestvam pri pozdravleniyax v Moskve po sluchayu Svyashchennogo Koronovaniya [List of items presented to Their Imperial Majesties during congratulations in Moscow on the occasion of the Holy Coronation]. *Koronacionnyj sbornik s soizvoleniya Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarya Imperatora. Izdan Ministerstvom Imperatorskogo Dvora. Sostavlen pod red. V. S. Krivenko* [Coronation collection with the permission of His Imperial Majesty the Sovereign Emperor. Published by the Ministry of the Imperial Household. Compiled under the editorship of V. S. Krivenko]. St. Petersburg: Expedition for the procurement of state papers, 1899, vol. 2. P. 216–217 (in Russian).

Voshestvie na Vserossijskij prestol, 1 marta 1881 g., Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarya Imperatora Aleksandra III Aleksandrovicha [Accession to the All-Russian throne,

March 1, 1881, of His Imperial Majesty the Emperor Alexander III Alexandrovich]. Moscow: type. Malyukova, 1881, 8 p. (in Russian).

Vy'sochajshij manifest po sluchayu koronacii Nikolaya II [The highest manifesto on the occasion of the coronation of Nicholas II]. Moscow: under the Senate, 1896, 16 p. (in Russian)

Zakony' o sostoyaniyax [Laws on states]. *Svod zakonov Rossiskoj imperii*. [Code of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: type. II department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857, vol. IX. P. 1 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024

Принята к публикации: 03.09.2024

Дата публикации: 30.09.2024

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (571.1).084

DOI 10.14258/nreur(2024)3-08

П. К. Дашковский, Н. П. Зиберт

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ Н. С. ХРУЩЕВА

В статье рассматривается реализация советской государственно-конфессиональной политики в отношении православных верующих Западной Сибири в конце 1950 — начала 1960-х гг. В качестве источников базы исследования выступили архивные материалы Исторического архива Омской области, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Республики Алтай, Государственного архива Алтайского края. Многие архивные данные вводятся в научный оборот впервые, что в свою очередь позволяет существенно расширить источниковую основу изучаемой проблемы.

В рассматриваемый период религиозная жизнь населения регламентировалась большим количеством постановлений и инструкций, формирующих вектор государственно-конфессиональной политики. Массово закрывались храмы, происходило упрощение церковных обрядов и их адаптация под условия, в которых они совершались. Широкое распространение получила так называемая народная религиозность, нашедшая выражение в соблюдении определенных обрядов и ритуалов. Однако уже к середине 1960-х гг. административное закрытие церквей и давление местных органов власти на верующих привели к снижению проявлений религиозных настроений среди населения.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, Западная Сибирь, Русская православная церковь, СССР

Цитирование статьи:

Дашковский П.К., Зиберт Н.П. Православные общины Западной Сибири в условиях антирелигиозной политики Н.С. Хрущева // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 146–165. DOI 10.14258/nreur(2024)3–08.

P. K. Dashkovskiy, N. P. Ziebert

Altai State University, Barnaul (Russia)

ORTHODOX COMMUNITIES OF WESTERN SIBERIA UNDER N. S. KHRUSHCHEV'S ANTI-RELIGIOUS POLICY

This article examines the implementation of Soviet state-confessional policy towards Orthodox believers in Western Siberia during the late 1950s and early 1960s. The research is grounded in archival materials from the Historical Archive of Omsk Region, the State Archive of Novosibirsk Region, the State Archive of the Altai Republic, and the State Archive of Altai Krai. Many of these archival documents are being introduced into scientific discourse for the first time, significantly expanding the source base for this study. During this period, the religious life of the population was heavily regulated by numerous decrees and instructions that shaped the state-confessional policy. In addition to economic measures and anti-religious propaganda, printed materials discrediting the clergy were widely disseminated. This propaganda campaign coincided with the mass closure of churches in the region, often based on dubious justifications. Simultaneously, there was a simplification of church rites, which were adapted to the prevailing conditions. Most Orthodox believers tended to avoid public displays of their faith. Documents from authorized representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR, preserved in the archives, indicate that secret religious practices were common among Orthodox believers in Western Siberia. The research also found that folk religiosity was widespread in the region. To eliminate these «religious vestiges» and promote alternative Soviet traditions, officials actively studied and implemented experiences from other regions in Siberia. By the mid-1960s, the administrative closure of churches and pressure from local authorities led to a noticeable decline in religious sentiment among the population.

Keywords: State-confessional policy, Western Siberia, Russian Orthodox Church, USSR

For citation:

Dashkovskiy P.K., Ziebert N.P. Orthodox communities of Western Siberia under N. S. Khrushchev's anti-religious policy. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No3. P. 146–165 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–08.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Зиберт Наталья Петровна, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** natali.dvoryanchikova@mail.ru

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru. ORCID 0000-0002-4933-8809

Zibert Natalya Petrovna, Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** zibert. natal18@mail.ru_ORCID 0000-0001-8505-6422

Введение

В истории России религиозный фактор занимал важное место в жизни общества на протяжении многих периодов. Важная роль при этом отводится государству, которое, будучи связующим звеном, должно выстраивать государственно-конфессиональную политику с учетом накопленного исторического опыта. Кроме того, изучение исторически сложившегося взаимодействия светских властей и Русской православной церкви позволяет лучше понять предпосылки и условия формирования существующих взаимоотношений на современном этапе.

Государственно-конфессиональной политике советского государства в период руководства страной Н. С. Хрущева посвящено достаточно исследований. Общероссийские тенденции рассматриваемой в статье проблематики подробно отражены в исследованиях таких авторов, как прот. В. Цыпин [1997], М. В. Шкаровский [2005] и др. Отдельный блок составляют работы сибирских исследователей — Л. И. Сосковец [2003; 2008; 2011], А. В. Горбатова [2008], Е. С. Скворцовой [2018], П. К. Дашковского, Н. П. Зиберт, Н. С. Дворянчиковой [Дашковский, Зиберт, 2015; 2020; 2023; Дашковский, Дворянчикова, 2015а, б] и др. В то же время в данной статье предпринята попытка рассмотреть на региональном материале положение и выявить новые аспекты деятельности православных общин Западной Сибири с конца 1950-х до середины 1960-х гг. в условиях антирелигиозной политики Н. С. Хрущева. При этом в качестве источниковой базы исследования выступили архивные материалы Исторический архива Омской области, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Республики Алтай, Государственного архива Алтайского края. Многие архивные данные вводятся в научный оборот впервые, что в свою очередь позволяет существенно расширить источниковую основу изучаемой проблемы.

Влияние государственных постановлений на положение православных общин во второй половине 1950 — середине 1960-х гг.

На протяжении 1950-х гг. реализуемая в СССР государственно-конфессиональная политика характеризовалась отсутствием четкой направленности. Нормативно-

правовые документы, принимаемые в эти годы, например постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г., постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г., в основном регулировали проводимую в стране антирелигиозную пропаганду и лишь косвенно затрагивали непосредственное функционирование религиозных общин. В сложившихся условиях основным инструментом, сдерживающим рост числа религиозных общин, являлись решения местных органов власти.

Важно отметить, что во второй половине 1950-х гг. православным приходам Западной Сибири удалось заметно укрепить свое материальное положение и сформировать стабильный причт. Настоятели церквей с переменным успехом предпринимали попытки провести в здания церквей телефонную связь, паровое отопление и дополнительные мощности электросетей [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 80], благоустроить церковный двор. Благоустройству подвергались даже небольшие церкви. Так, в 1959 г. было проведено электричество в церковь Семи отроков Ефесских, расположенную на Завальном кладбище Тобольска [Базылев, 2021: 108]. Появлялось новое богослужебное и хозяйственное имущество, постепенно увеличивался штат обслуживающего персонала, приобретались жилые помещения. Так, в начале 1960 г. в собственности Алтайского благочиния числилось 10 жилых домов [Сосковец, 2003: 72]. В Новосибирской области церкви принадлежали 11 жилых домов и 5 автомобилей [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 64. Л. 1].

Помимо этого, приходы Западной Сибири активно занимались благотворительной помощью. Сбор денежных средств осуществлялся не только духовенством, но и некоторыми прихожанами. Так, например, в 1960 г. были зафиксированы факты сбора денежных сумм в пользу Почаевской лавры (Тернопольская область) с пожилых жительниц с. Усть-Мосиха Шарчинского района и с. Макарово Тюменцевского района Алтайского края [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 57]. Подобная благотворительная деятельность осуществлялась во многих регионах страны — Алтайском и Ставропольском краях, Новосибирской, Вологодской, Владимирской, Оренбургской, Тамбовской, Свердловской, Томской, Кировской и других областях [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 47. Л. 14].

Следует отметить, что вышеперечисленные факты не остались без внимания органов советской власти, и со второй половины 1950-х гг. периодически выходили постановления, направленные на снижение религиозности населения и ограничение роста благосостояния церквей (Письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» от 19 декабря 1956 г., Постановление ЦК ВЛКСМ «Об улучшении научно-атеистической пропаганды среди молодежи» от 25 января 1957 г.) После принятия ЦК КПСС 28 октября 1958 г. постановления «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»» местными государственными и партийными органами стали массово уничтожаться святые источники и могилы святых, запрещались любые виды паломничества [Козлов, 1999: 221]. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушения духовенством советского законодательства о религиозных культурах» отмечалась необходимость ограничить строительство молитвенных домов и приобретение церковными общинами недвижи-

мого имущества. Кроме того, предлагалось пресечь благотворительную деятельность церкви и религиозные проповеди вне храма, сократить количество паломничеств и усовершенствовать работу по сокращению религиозной сети [Сосковец, 2011: 32].

В 1961 г. под давлением государственных органов власти были внесены изменения в управление церковными приходами, в результате которых руководство православными общинами переходило к выборным исполнительным органам, формирующимися из числа верующих. При этом функционал священнослужителей в приходе ограничивался выполнением религиозных обрядов.

После принятия постановления Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах», «Инструкции по применению законодательства о культурах», принятой Советом по делам Русской православной церкви совместно с Советом по делам религиозных культов, церковнослужители стали облагаться налогом наравне со священниками по ст. 19 указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения». С целью оставления в приходах наиболее лояльных к советской власти священников подвергались пересмотру церковные штаты. Заработка плата священнослужителей стала выражаться в фиксированном окладе и перестала зависеть от количества совершенных треб. Предполагалось, что данный шаг позволит снизить активность и рвение отдельных священников [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–6]. При этом с момента перевода священнослужителя на оклад каждая церковная треба должна была сопровождаться квитанцией, выдаваемой исполнительным органом религиозного общества, в которой указывались имя обратившегося за требой и его домашний адрес [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 55. Л. 6]. Для совершения таинства крещения ребенка, помимо его свидетельства о рождении, необходимо было личное присутствие родителей и их письменное согласие на проведение крещения. Данные меры не только должны были исключить случаи крещения несовершеннолетних без разрешения родителей, но и предупреждать попытки последних скрыть факты крещения своих детей от общественности.

Одновременно с этим для священнослужителей вводилась уголовная ответственность за нелегальные доходы. По мнению властей, такие меры должны были привести к снижению посещаемости церквей населением и тем самым снизить количество совершаемых церковных обрядов. Следует отметить, что данные ожидания оправдались лишь частично. Введение квитанционной системы и персональный учет родителей, действительно, способствовали снижению количества крещений [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 47. Л. 1]. В то же время в ходе проверок, проведенных в церквях Новосибирска в 1962 г., были выявлены многочисленные нарушения ведения учета треб [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 47. Л. 1].

Параллельно проводились меры, направленные на закрытие церквей и лишение религиозных общин регистрации. Закрытие Свято-Дмитровского храма в Алейске Алтайского края сопровождалось участием трудовых коллективов города, пенсионеров и сельских сходов. Впоследствии причиной закрытия храма стало предписание пожарной охраны, вынесенное в июле 1960 г. [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 50]. В этом же году в Бийске из-за генеральной реконструкции некоторых районов города была лишена регистрации община Покровской церкви.

XXII съезд КПСС, состоявшийся в октябре 1961 г., положил начало очередной волне закрытий церквей. В 1961 г. в стране было снято с регистрации 1390 православных общин, в 1962 г. — 1585 общин [Баннова, 2012: 29]. С 1959 по 1964 г. количество церквей в Сибири снизилось с 94 до 61. В Алтайском крае в это период закрыто 8 из 11 церквей, функционирующих в 1959 г., в Тюменской области — 7 из 15, в Красноярском крае — 7 из 18, в Новосибирской области — 3 из 7 [Горбатов, 2009: 111].

Кроме того, местные власти должны были провести учет зданий бывших церквей, не потерявших своего церковного вида. На территории Алтайского края соответствующие мероприятия проводились городскими и районными исполнительными комитетами в 1962 г. Всего было выявлено 15 зданий, сохранивших церковный вид. В десяти из них размещались сельские клубы (села Черный Ануй, Белый Ануй, Тограмено Усть-Канского района; Луговское, Ново-Чемровка, Фоминское, Савиново Зонального района; Новокаменка Ельцовского района; села в Усть-Пристанском и Шелаболихинском районах). В колхозе «Лут Октября» (с. Овчинниково Косихинского района) закрытая церковь использовалась под склад, в Булатове Солонешенского района — под зернохранилище. В Камне-на-Оби Каменского района в здании бывшей церкви был размещен ликеро-водочный завод. Еще два здания пустовали из-за ветхости (с. Усть-Мота Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области, с. Демино Солонешенского района Алтайского края) [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 57. Л. 30]. Помещения храмов планировалось полностью реконструировать по примеру храма, закрытого в с. Залесове Алтайского края, перестроенного и переоборудованного в школьный спортивный зал [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 57. Л. 9]. Параллельно изучались сведения о наличии в Алтайском крае населенных пунктов, сохранивших религиозные названия, с целью их дальнейшего переименования [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–6].

Одновременно с этим отслеживалось количество действующих религиозных объединений. В 1962 г. в Алтайском крае функционировало три прихода Русской православной церкви и пять незарегистрированных православных групп, в которых числилось приблизительно 90 верующих. Зарегистрированные общины находились в городах Алтайского края: Барнауле, Бийске и Рубцовске [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 1. Л. 46].

Значительное количество религиозных объединений насчитывалось в Новосибирской области — Вознесенский собор и Успенская церковь в Новосибирске, церкви в Колывани, Ново-Луговском и Шипунове, православные молитвенные дома в Болотном и Береговом. В то же время не представлялось возможным отследить количество верующих, по различным причинам не посещавших действующие храмы и выполнявших религиозные обряды у себя дома самостоятельно или при помощи приглашенного священнослужителя. В результате применение каких-либо мер административного воздействия к таким верующим, было затруднительно.

В большей степени негативное последствие государственных антирелигиозных постановлений ощутили зарегистрированные религиозные общины. Приходы Западной Сибири, которым удалось сохранить регистрацию, функционировали в непростых и противоречивых условиях. С одной стороны, немногочисленность действующих церквей обеспечивала последние большим количеством верующих, что в свою очередь приносило стабильный доход и способствовало росту материального благосостояния. С другой

стороны, публичное совершение религиозных обрядов верующими и укрепление финансового положения оставшихся функционировать приходов провоцировало дополнительные административные меры со стороны местных властей, явно и скрыто осуществляющих контроль за религиозной жизнью населения. Сокращение количества действующих храмов прерывало связь с церковной общиной значительной части верующего населения, которое, в свою очередь, не стремилось объединяться в новые общины из-за усиленной антирелигиозной пропаганды и возможных мер административного воздействия.

Таким образом, немногочисленность действующих на рассматриваемой территории храмов и разобщенность верующих, предпочитавших не привлекать к себе внимания государственных органов власти из-за жесткой политики последних, привели к заметному уменьшению проявлений религиозной жизни среди населения Западной Сибири к середине 1960-х гг.

Деятельность православных общин в условиях антирелигиозной пропаганды

В рассматриваемый период антирелигиозная пропаганда являлась важнейшей и неотъемлемой частью идеологической работы органов советской власти. Ужесточение государственно-конфессиональной политики в конце 1950-х гг. сопровождалось появлением большого количества государственных постановлений, регулирующих различные аспекты антирелигиозной пропаганды. Так, в записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», вышедшей 12 сентября 1958 г., отмечался слабый уровень проводимой антирелигиозной работы, а также предлагались меры, направленные на улучшение научно-атеистической пропаганды и культурно-просветительной работы [Цыпин, 1997: 379]. Секретное постановление ЦК КПСС «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»» [Сосковец, 2011: 30] от 4 октября 1958 г., обязывало партийные, комсомольские и общественные организации начать борьбу с «религиозными пережитками» населения. В постановлении «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»» уполномоченным Совета по делам русской православной церкви при СМ СССР рекомендовалось совмещать закрытие «святых» источников с соответствующей воспитательной работой среди населения. Важно отметить, что после принятия постановления «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам»» в некоторых епархиях Западной Сибири вышли соответствующие циркуляры местных церковных иерархов с призывами прекратить паломничества [Добровольский, Воробьев, 2018: 175]. Появление последних, по всей видимости, было обусловлено давлением местных органов власти на церковные структуры.

В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» 1960 г. партийные органы в очередной раз подчеркивали необходимость усилить борьбу с религиозными предрассудками населения, отмечали необходимость идеино-воспитательной работы в высших и средних учебных заведениях, а также важность печатной пропаганды. Данное постановление не предлагало принципиально новых направлений работы, поскольку выпуск атеистической литературы и соответствующая работа в образовательных учреждениях практиковались и ранее. Но если в довоенные годы антирелигиозная работа и лозунги являлись скорее дополнением к администра-

тивным мерам борьбы с религиозными организациями, то во второй половине 1950-х гг. антирелигиозная пропаганда стала важнейшим инструментом государственно-конфессиональной политики и была выведена на новый уровень. Одновременно с этим в Западной Сибири увеличился выпуск антирелигиозной научно-популярной литературы и брошюр, в которых лица, близкие к церковным кругам, разоблачали местных служителей религиозного культа [Истюков, 2018: 35]. При этом в издательствах ориентировались на население конкретных районов, в которых предполагалось эти издания распространять. Читатели газет регулярно сталкивались со знакомыми названиями населенных пунктов [Ларина, 1959; Шильдяшов, 1960; 1961; 1964] и письмами, отправленными в редакцию газет от имени местных жителей [Бобровникова, 1964; Еленова, 1959].

Сложно говорить о том, какое впечатление оказывали подобные статьи на различные слои населения. По всей видимости, не последнюю роль здесь играло понимание верующими мотивов и поступков того или иного священнослужителя, а также репутация последнего. Так, например, священник с. Новолуговое (Новосибирская область) А. Осипов, пользующийся большим уважением среди верующих, соответствующей проповедью запретил пить вино в Страстную неделю, совпавшую с первыми днями мая, и тем самым повлиял на посещаемость сельского клуба 1 и 2 мая [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 4]. Когда в 1960 г. данному священнику запретили служить в с. Новолуговое [Истюков, 2018: 34], более 700 человек подписали заявление, в котором требовали возвращения священника А. Осипова [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 64. Л. 3]. В то же время мотивы и строгий стиль руководства архиепископа Барнаульско-Новосибирской епархии Доната, установившего в непростые для церкви времена строгую дисциплину в приходах, были зачастую непонятны верующим. На архиерея, противостоявшего попыткам советских органов власти закрыть тот или иной приход, верующие писали жалобы, указывая в них на жесткий характер митрополита [Истюков, 2018: 36, 45].

Всесоюзную огласку в местной и общесоюзной печати получил судебный процесс над сторожами Вознесенской церкви Новосибирска, обвиняемых в 1961 г. в убийстве пионера. Несчастный случай был использован руководством области в качестве повода скомпрометировать Русскую православную церковь и подорвать репутацию ее священнослужителей [Истюков, 2018: 35]. При этом, несмотря на то, что у представителей церкви отсутствовала возможность публично ответить на обвинения и предоставить общественности свою точку зрения на события, в источниках не удалось обнаружить упоминаний о серьезных фактах агрессии со стороны общества в адрес верующих и духовенства, за исключением нескольких случаев хулиганства, обусловленных бездействием органов милиции в отношении охраны церкви [Выстрел на колокольне, 2000: 79].

Вопрос о количестве людей, исполнявших религиозные обряды в Западной Сибири в 1958–1964 гг., и об отношении общественности к проводимым антирелигиозным мероприятиям также остается дискуссионным. Делопроизводство и документооборот и церковных, и государственных органов власти, по ряду причин не содержат точной статистической информации. Во-первых, в силу специфики действующего религиозного законодательства и угрозы административной или уголовной ответственности часть населения предпочитала не афишировать свои религиозные предпочтения и скрывать факты посещения церквей и совершения религиозных обрядов. Это приводило к отме-

ченным выше нарушениям в организации квитанционной системы совершения религиозных обрядов. Кроме того, для улучшения статистических данных в отчетных документах информация о действующих религиозных группах и фактах проявления религиозности среди населения нередко замалчивалась руководством районных исполнительных комитетов [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 15. Л. 12, 44, 116]. Не следует исключать и умышленное сокрытие некоторыми священнослужителями точного числа совершенных треб с целью занижения доходов церквей. Например, противоречивая информация прослеживается в отчетах церквей Алтайского края, содержащих сведения о проведенных в них религиозных обрядах и количестве реализованных просфор (см. табл. 1) [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 58. Л. 16, 17].

Таблица 1
**Реализация просфор и количество совершенных обрядов в церквях
Алтайского края в 1961 г.**

Table 1
**The implementation of prosphora and the number of rites performed in the churches
of the Altai Territory in 1961**

Показатель	Барнаул	Бийск	Рубцовск	Всего
Просфоры	59762	19007	9678	88447
Проскомидии	59762	19007	9678	88447
Причастия на дому	192	187	95	474

Согласно данным таблицы 1, в 1961 г. в трех действующих в Алтайском крае церквях было совершено 88447 проскомидий и 474 таинства евхаристии на дому, а также реализовано 88447 просфор. При этом нужно учитывать, что просфоры используются не только при проведении обряда проскомидии, но и при совершении таинства евхаристии. Более того, последнее может совершаться как в домах верующих, так и в церкви, что также могло способствовать увеличению количества используемых просфор. Таким образом, в учете количества реализованных в 1961 г. просфор, следует допускать вероятную ошибку.

Также следует принять во внимание колебания посещаемости церквей в течение года и значительное увеличение численности верующих в дни важнейших церковных праздников. В такие дни посещаемость храмов Западной Сибири могла достигать нескольких тысяч человек за счет значительного количества людей преклонного возраста из сельской местности, а также городской молодежи, которая, по мнению уполномоченных, посещала храмы из любопытства [ГААК Д. 57. Л. 64.; ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 64. Л. 5, 6, 7].

Помимо того, что остаются спорными мотивы молодых людей, присутствующих на богослужениях, нужно учитывать так же тот факт, что, не все верующие, проживающие в деревнях и селах, посещали храмы. Так, например, в некоторых деревнях Омской и Новосибирской областей в день праздника Пасхи практиковался обход домов монашками и старушками, поющими пасхальные христославления. В условиях отсутствия в селе церкви пасхальный тропарь могли исполнять при приеме гостей хозяева дома совместно с пришедшими к ним гостями [Исмагилова, 2021: 47]. Пожилые ве-

рующие женщины, хорошо знающие молитвы, могли освящать пасхальный хлеб, продукты и праздничные блюда [Скульбеда, 2015: 260]. Верующие Тары Омской области из года в год безрезультатно добивались открытия церкви. В то же время епископ Омский и Тюменский Мстислав своей резолюцией от 5 мая 1958 г. предписал верующим не организовывать общественных молений и в частном порядке приглашать священников для совершения треб на дому [Добровольский, 2019: 354].

О широком распространении религиозных обрядов, совершаемых вне храма, также можно судить по следующим примерам. Так, независимо от места проведения обряда крещения важным условием для совершения последнего является наличие нательного креста. Основными местами реализации данной культовой атрибутики в Алтайском крае выступали три церкви, действующие на тот момент в регионе. При этом количество проданных в 1961 г. нательных крестов значительно превышает количество совершенных в этих церквях обрядов крещения (см. табл. 2), что косвенно может свидетельствовать о значительном количестве крещений, проводимых вне храма [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 58. Л. 16, 17].

Таблица 2
Реализация нательных крестов и количество совершенных крещений в церквях Алтайского края в 1961 г.

Table 2
The implementation of crosses and the number of baptisms performed in the churches of the Altai Territory in 1961

Показатель	Барнаул	Бийск	Рубцовск	Всего
Продано нательных крестов, шт.	19098	19967	7804	46867
Количество проведенных в церкви обрядов крещения	2308	2139	894	5341

Вместе с тем эти данные не позволяют сделать точных выводов о количестве людей, прошедших обряд крещения, поскольку следует учитывать как возможность посещения верующими церквей, расположенных в соседних регионах [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 80. Л. 16], так и вероятность покупки крестиков у перекупщиков [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 61]. Кроме того, часть крестиков население могло приобретать взамен утерянных ранее. Таким образом, это не влияло на статистику проводимых крещений в сторону ее увеличения. При этом остается открытый вопрос о том, в каком возрасте совершалось наибольшее количество крещений. Учитывая, что традиционно обряд крещения проводят в младенческом возрасте, можно предположить, что наибольший процент крестившихся приходился на детей, и лишь небольшое число прошедших обряд — взрослые люди, родившиеся в послереволюционное время.

Следует отметить, что подобная ситуация наблюдалась и в соседнем регионе. Так, по сведениям уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Новосибирской области, в 1958 г. в регионе родилось примерно 70 тысяч новорожденных, для которых в церквях в регионе было приобретено около 50 тысяч крестиков. При этом часть крещений проводилась на дому у священника [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37. Л. 84]. Следует отметить, что по данным другого источника, в 1958 г. в Новосибирской области зафиксировано рождение 61777 младенцев (28086 младенцев в го-

роде и 33691 в деревне) [Демографическая история..., 2017: 173–174.], что еще больше увеличивает количество новорожденных региона, потенциально прошедших обряд крещения.

Значительно меньше в Алтайском крае в 1961 г. был распространен обряд венчания в церкви (см. табл. 3) [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 58. Л. 16, 17]. По всей видимости, это объясняется его большой публичностью, нежелательной для людей, принадлежащих к трудовым и комсомольским организациям. Обращает на себя внимание тот факт, что количество проведенных в некоторых церквях венчаний превышает количество проданных там обручальных колец. Поскольку обмен кольцами является необходимым условием обручения, можно предположить, что в ряде случаев молодожены использовали уже имеющиеся у них кольца либо предпочитали приобретать их в другом месте.

Таблица 3

Реализация обручальных колец и количество совершенных венчаний в церквях Алтайского края в 1961 г.

Table 3

The sale of wedding rings and the number of weddings performed in the churches of the Altai Territory in 1961

Показатель	Барнаул	Бийск	Рубцовск	Всего
Реализация обручальных колец, шт.	162	11	—	173
Количество проведенных в церквях обрядов венчания	62	59	22	143

Важно отметить, что первый в стране Дворец бракосочетания был открыт в Ленинграде 1 ноября 1959 г. [Лебина, 2012: 85]. В Алтайском крае Дворец бракосочетания появился 30 октября 1965 г. [<http://altlib.ru/dvorets-brakosochetaniya-v-barnaule>]. До этого времени регистрация браков осуществлялась в районных отделах ЗАГС или сельских Советах [ГАРА. Ф. Р. 51. Оп. 1. Д. 70. Л. 8; <http://altlib.ru/dvorets-brakosochetaniya-v-barnaule>]. При этом государственная регистрация была формальной и не отличалась торжественностью, что приводило к сохранению традиционных свадебных обрядов. Особенно заметно эта тенденция проявлялась в сельской местности, где в основе некоторых обрядов четко прослеживалась религиозная составляющая, например благословление новобрачных иконой [Рублева, 2021: 829]. Массовые закрытия храмов и отсутствие священнослужителей, приводили к тому, что религиозные обряды исполнялись простыми верующими, знающими порядок богослужения. Это, в свою очередь, способствовало значительному упрощению религиозных обрядов. Так, например, в Новосибирской области религиозное венчание было значительно упрощено и стало сводиться к троекратному обходу вступающими в брак закрытой церкви.

Незначительное количество венчаний было характерно и для церквей, расположенных в других регионах Западной Сибири [Сосковец, 2003: 177]. Так, например, в 1963 г. в Омске было зафиксировано всего 27 венчаний (на 18 меньше, чем в 1962 г.), что составило всего 0,1% от общего числа зарегистрированных браков [ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39. Л. 24]. При этом следует отметить, что в 1950–1960-е гг. государственная регистрация брака не считалась обязательной частью свадебного торжества и могла

осуществляться как до, так и после празднования свадьбы, либо после рождения первого ребенка [Люля, 2015: 94].

В 1962 г. бюро ЦК КПСС разослало на места записку председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР «О некоторых мерах по отвлечению населения от исполнения религиозных обрядов». В этом документе в качестве причины исполнения религиозных обрядов называлась не религиозность населения, а отсутствие какой-либо альтернативы и недостаток торжественности [Лебина, 2012: 88]. В феврале 1964 г. Советом Министров РСФСР было принято решение № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов», в котором подчеркивалась необходимость выделения органам ЗАГС благоустроенных помещений и создание необходимых условий для работы по внедрению новых гражданских обрядов [Лебина, 2012: 88].

Аналогичные решения принимались и на региональном уровне. В марте 1964 г. Алтайский крайисполком в своем решении № 98 констатировал неудовлетворительную работу всех уровней власти по организации внедрения в быт новых гражданских обрядов. В мае того же года решением Алтайского крайисполкома № 163 была создана комиссия по гражданским обрядам и контролю за соблюдением законодательства о культурах, которая должна была изучить и внедрить в крае опыт работы других регионов по реализации новой советской обрядности — при регистрации детей, выдаче паспортов, бракосочетаниях [<http://altilib.ru/dvorets-brakosochetaniya-v-barnaul>].

В Западной Сибири регистрация в ЗАГСе стала обязательной частью свадебного торжества только с конца 1960-х гг. [Рублева, 2021: 829]. При этом в новом свадебном ритуале, пропагандируемом государственной властью, обручальные кольца потеряли прежнюю религиозную символику, их значение свелось к условному знаку любви и верности.

Таким образом, поколение молодых людей, чей брачный возраст совпал с проводимыми реформами, воспринимали обручальные кольца скорее как данность и не приписывали им особых религиозных свойств [Лебина, 2012: 88]. Помимо этого, существовала государственная компенсация на удорожание колец в размере 200 рублей (одно кольцо стоило около 100 рублей). Государство фактически дарило молодоженам обручальные аксессуары, тем самым лишая их необходимости обращаться за ними в церковь [<http://altilib.ru/territori/barnaul/dvorets-brakosochetaniy>]. Интересно отметить, что опрос советских школьников, проведенный в 1962 г., установил, что они ничего не знали о таких понятиях, как панихида и исповедь, но почти третья из них имели представление об обряде венчания и могли объяснить его суть [Лебина, 2012: 86–87].

Элементы православных церковных обрядов фиксировались и в похоронно-погребальной обрядности населения. Помимо народных примет и ритуалов, связанных с похоронами умершего человека, частью населения исполнялись некоторые этапы православного обряда отпевания. В Омске в 1961 г. обряд отпевания был наиболее распространен среди лиц пожилого возраста, которые объясняли свои действия следующими причинами: «Неудобно хоронить без какого-либо обряда», «Так уж повелось», «Недобно от соседей» [ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 37. Л. 74]. Количество погребальных венчиков, проданных в церквях Алтайского края (табл. 4) [ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 58.

Л. 16, 17], косвенно свидетельствует о том, что значительная часть погребений совершилась с полным или частичным соблюдением религиозных обрядов.

Таблица 4
Реализация погребальных венчиков и количество совершенных отпеваний
в церквях Алтайского края в 1961 г.

Table 4
Implementation of funeral wreaths and the number of funeral services performed in the churches of the Altai Territory in 1961

Показатель	Барнаул	Бийск	Рубцовск	Всего
Реализация погребальных венчиков, шт.	1785	8038	2131	11954
Количество отпеваний	846	713	661	2220

Аналогичная ситуация наблюдалась и в соседних регионах. Так, например, в Новосибирской области в 1958 г. умерло 18 тысяч человек. При этом было продано 10 тысяч венчиков и разрешительных молитв [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 59. Л. 2]. В Омске в 1963 г. по религиозному обряду был похоронен 6621 человек, что составило 55,4% к общему числу умерших (на 1064 человека больше, чем в 1962 г.) [ИсАОО. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39. Л. 24]. При этом в ходе обследования устанавливаемых надгробных сооружений в городах Омске и Таре в 1960–1970 гг., было установлено, что в Омске на 178 памятников приходилось 12 крестов (6,74%), в Таре — на 46 памятников 9 крестов (19,56%) [Гизиева, Межевикин, 2015: 319]. Важно отметить, что и в последующие временные этапы (1980–2000 гг.) соотношение крестов от общего числа могил было выше на кладбищах Тары, что подтверждает тезис о том, что население небольших городов дольше сохраняет приверженность народным традициям, в том числе и в погребальном обряде [Гизиева, Межевикин, 2015: 319–320].

О наличии религиозной составляющей в похоронно-поминальной обрядности населения Западной Сибири также свидетельствует исполнение молитвы Трисвятое и посещение кладбищ в родительские дни [Исмагилова, 2021: 58]. В обрядовой практике немецкого населения, проживающего в южных районах Западной Сибири, также отмечена религиозная составляющая. Так, широкое распространение получил обряд «венчание покойников», в ходе которого умерших, не успевших вступить при жизни в брак, хоронили в свадебных костюмах [Смирнова, 2008: 135].

Таким образом, можно сделать вывод, что акцентирование государственно-конфессиональной политики на антирелигиозной пропаганде привело к уменьшению публичных проявлений религиозности среди населения и снижению количества официальных заявлений и обращений в государственные структуры [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 7]. При этом на всей территории Западной Сибири продолжали функционировать нелегальные религиозные группы и регулярно выявлялись отдельные граждане, исполняющие религиозные обряды. В качестве причины сохранения религиозных настроений в обществе, представители уполномоченных органов государственной власти, чаще всего называли недоработку советских административных учреждений, слабо

организующих антирелигиозную работу [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 3–4, 6]. Так, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по Новосибирской области в своих отчетах отмечал существование двух крайних взглядов в осуществлении контроля за религиозными общинами: либо равнодушное отношение к руководству религиозных общин, либо активное и бесконтрольное применение административных мер. При этом главным средством борьбы с религией оставалась государственная пропаганда в сочетании с мероприятиями по ограничению религиозной деятельности [ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 64. Л. 3]. Сложившиеся условия приводили к тому, что многие верующие предпочитали исполнять религиозные обряды на дому, не посещая церквей. Последнее не только упрощало механизм совершения самих обрядов, но и уводило из-под государственного контроля верующих, точный учет которых становился затруднительным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базылев В. Храм Семи отроков Эфесских г. Тобольска Тюменской области после революции // Рязанский богословский вестник. 2021. № 2 (24). С. 100–125.

Баннова В. И. Государственный атеизм в СССР во второй половине XX в.: теория и практика. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2012. 138 с.

Бобровникова А. Мой опыт индивидуальной работы с верующими. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1964. 32 с.

Выстрел на колокольне // Сибирская горница. 2000. № 1. С. 76–80.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 1.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 15.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 37.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 47.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 55.

ГААК. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 57.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 47.

ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 64.

ГАНО. Ф. Р. 1418. Оп. 1. Д. 80.

Государственный архив Республики Алтай. Ф. Р. 51. Оп. 1. Д. 70.

Гизиева К. Ю., Межевикин И. В. Городская культура Омска и Тары в материалах погребального обряда // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Омска (Омск, 26–28 ноября 2015 г.) / ред. П. П. Вибе, Т. М. Назарцев. Омск : ОГИК музей, 2015. С. 318–320.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е гг. Томск : Изд-во ТГПУ, 2008. 406 с.

Горбатов А. В. Закрытие православных обществ в Сибири: основания, формы, методы. 1958–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). С. 109–112.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Правовое положение христианских общин в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных ре-

гионов Центральной Азии: колл. монография / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015а. Т. II: ХХ век. С. 75–83.

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Региональные аспекты атеистической пропаганды в 1953–1964 гг. // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии : кол. монография / под ред. П. К. Дашковского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015б. Т. II: ХХ век. С. 83–90.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х — начале 1980-х гг. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. № VIII. С. 230–241.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 — середине 1960-х гг. Барнаул : Из-во Алт. ун-та, 2020. 140 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии).

Дашковский П. К., Зиберт, Н. П. Деятельность незарегистрированных групп евангельских христиан-баптистов в областных центрах Западной Сибири в конце 1950-х — начале 1960-х гг. (на примере Омска) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28 № 1. С. 141–156. <https://doi.org/10.14258/nreur> (2023) 1–10

Дворец бракосочетаний. URL: <http://altlib.ru/territorii/barnaul/dvorets-brakosochetaniy/> (дата обращения: 17.07.2022).

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.) / отв. ред.: В. А. Исупов. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2017. 238 с.

Добровольский А. П., Воробьева Н. В. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров — Совете Министров по Омской области в 40–60-е гг. XX в. // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). С. 170–179.

Добровольский А. П. Конфессиональная политика советского государства в 1950-е гг. (на примере отчетов уполномоченных по Омской области) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (11). С. 350–357.

Еленова М. Как проводить громкие чтения по антирелигиозной литературе // Беседы на научно-атеистические темы: сб. ст. / общ. ред. И. Казанцев. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. С. 104–109.

Исмагилова Е. И. Православные песнопения в фольклорных традициях сибирского бытования. Новосибирск : Наука, 2021. 240 с.

Исторический архив Омской области. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 37.

Исторический архив Омской области. Ф. Р. 2603. Оп. 1. Д. 39.

Истюков В. Э. Новосибирская епархия в годы нового этапа антирелигиозной политики. (1958–1964) // Богословский сборник Новосибирской духовной семинарии. 2018. № 1 (12). С. 33–51.

Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. 416 с.

Ларина А. Как возник «Святой ключ» в селе Сорочий лог Краюшкинского района // Беседы на научно-атеистические темы: сб. ст. / общ. ред. И. Казанцев. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. С. 97–103.

- Лебина Н. Свадьба в эпоху космоса и коммунизма // Родина. 2012. № 1. С. 84–88.
- Люля Н. В. Свадебная обрядность украинского сельского населения Алтайского края // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3 (9). С. 90–96.
- О задачах партийной пропаганды в современных условиях: постановление Пленума ЦК КПСС // Борец за темпы. 16 января 1960 г. № 7 (2028). С. 2–4.
- Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви. Книга девятая: История русской церкви 1917–1997. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.
- Рублева А. А. Общее и особенное в свадебных обычаях потомков сибирских старожилов Притомья во второй половине XX века (по материалам полевых исследований 2018–2021 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 827–832.
- Скворцова (Климова) Е. С. Кемеровское благочиние Новосибирской и Барнаульской епархии в системе государственно-церковных отношений в 1949–1963 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (48). С. 82–88.
- Скульбела Я. В. Хлеб в пасхальной трапезе сельского украинского населения Западной Сибири в XX веке // Материалы LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25–27 апреля 2018 г.) / ред. М. Л. Бережнова, И. В. Толпеко. Омск : Издатель-Полиграфист, 2015. С. 259–261.
- Смирнова Т. Б. Обычай венчания покойников у немцев Сибири // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 133–144.
- Сосковец Л. И. Положение Русской православной церкви в период «Хрущевской оттепели» // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4 (16). С. 29–35.
- Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск : Томский гос. ун-т, 2003. 346 с.
- Сосковец Л. И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск, 2008. 249 с.
- Шильдяшов И. А. Из опыта антирелигиозной работы // Беседы на научно-атеистические темы : сб. ст. / общ. ред. И. Казанцев. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. С. 52–55.
- Шильдяшов И. М. Атеисты наступают. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1961. 32 с.
- Шильдяшов И. М. Жертва «Святого» ключа // Блокнот агитатора. 1960. № 20. С. 36–45.
- Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 2005. 424 с.
- 30 октября 1965 год. URL: <http://altlib.ru/dvorets-brakosochetaniya-v-barnaule/> (дата обращения: 17.07.2022).

REFERENCES

Bannova V.I. Gosudarstvennyj ateizm v SSSR vo vtoroj polovine XX v.: teoriya i praktika [State atheism in the USSR in the second half of the 20th century: theory and practice]. Novosibirsk, SIBPRINT Publ., 2012, 138 p. (in Russian)

Bazylev V. Hram Semi otrokov Efesskih g. Tobol'ska Tyumenskoj oblasti posle revolyucii [Temple of the Seven Youths of Ephesus in Tobolsk, Tyumen Region after the Revolution]. *Ryazanskij bogoslovskij vestnik* [Ryazan Theological Bulletin], 2021, no. 2 (24). P. 100–125. (in Russian)

Bobrovnikova A. Moj opyt individual'noj raboty s veruyushchimi [Ryazan Theological Bulletin]. Barnaul, Print Alt. book, 1964, 32 p. (in Russian)

Vystrel na kolokol'ne [Shot at the Bell Tower]. *Sibirskaya gornica* [Siberian Upper Room]. 2000. No. 1. P. 76–80 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai region]. Fund. F. R. 1692. Op. 1. D. 1 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai region]. Fund. F. R. 1692. Op. 1. D. 15 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai region]. Fund. F. R. 1692. Op. 1. D. 37 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai region]. Fund. F. R. 1692. Op. 1. D. 47 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai region]. Fund. F. R. 1692. Op. 1. D. 55 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja [State Archive of the Altai region]. Fund. F. R. 1692. Op. 1. D. 57 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archive of the Novosibirsk region]. F. R. 1418. Op. 1. D. 47 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archive of the Novosibirsk region]. F. R. 1418. Op. 1. D. 58. L. 4 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archive of the Novosibirsk region]. F. R. 1418. Op. 1. D. 64 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archive of the Novosibirsk region]. F. R. 1418. Op. 1. D. 80 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Altaj [State Archives of the Altai Republic]. F. R. 51. Op. 1. D. 70 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. Pravovoe polozhenie hristianskih obshchin v 1953–1964 gg. [The legal status of Christian communities in 1953–1964]. *Religioznyj landshaft Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov Central'noj Azii* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015a. T. II: XX vek. S. 75–83 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. Regional'nye aspekty ateisticheskoy propagandy v 1953–1964 gg. [Regional aspects of atheistic propaganda in 1953–1964]. *Religioznyj landshaft Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov Central'noj Azii* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015b. T. II: XX vek. S. 83–90 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Osobennosti registracii religioznyh obshchin na territorii Altajskogo kraja v seredine 1950-h — nachale 1980-h gg. [Features of registration of religious communities in the Altai Territory in the mid-1950s — early 1980s]. *Mirovozzrenie naseleniya*

Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospective [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. 2015. № VIII. S. 230–241 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Gosudarstvenno-konfessional'naya politika na yuge Zapadnoj Sibiri v konce 1917 — seredine 1960-h gg. [State and confessional policy in the south of Western Siberia in the late 1917 — mid-1960s]. Barnaul: Iz-vo Alt. un-ta, 2020. 140 s. (Etnokul'turnye i religiovedcheskie issledovaniya v Evrazii [Ethnocultural and religious studies in Eurasia]) (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert, N. P. Deyatel'nost' nezaregistrirovannyh grupp evangel'skikh hristian-baptistov v oblastnyh centrah Zapadnoj Sibiri v konce 1950-h — nachale 1960-h gg. (na primere Omska) [Activity of unregistered groups of Evangelical Christian Baptists in the regional centers of Western Siberia in the late 1950s — early 1960s (on the example of Omsk)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2023. T. 28 № 1. S. 141–156. <https://doi.org/10.14258/nreur> (2023) 1–10 (in Russian).

Dvorec brakosochetaniy [Wedding Palace]. URL: <http://altilib.ru/territorii/barnaul/dvorets-brakosochetaniy/> (data obrashcheniya: 17.07.2022) (in Russian).

Demograficheskaya istoriya Zapadnoj Sibiri (konec XIX–XX vv.) [Demographic history of Western Siberia (late XIX–XX centuries)] / Ed. by V. A. Isupov. Novosibirsk, Institute of History SB RAS Press, 2017, 238 p. (in Russian)

Dobrovolskij A. P., Vorob'eva N. V. Deyatel'nost' upolnomochennyh Soveta po delam Russkoj Pravoslavnnoj Cerkvi pri Sovete narodnyh komissarov — Sovete Ministrov po Omskoj oblasti v 40–60-e gg. XX v. [Activities of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars — the Council of Ministers for the Omsk Region in the 40–60s. 20th century]. *Vestnik Omskoj Pravoslavnnoj Duhovnoj Seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2018, no. 2 (5). P. 170–179 (in Russian)

Dobrovolskij A. P. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1950-e gg. (na primere otchetov upolnomochennyh po Omskoj oblasti) [Confessional policy of the Soviet state in the 1950s. (on the example of reports of commissioners in the Omsk region)]. *Vestnik Orenburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary], 2019, no. 2 (11). P. 350–357 (in Russian).

Elenova M. Kak provodit' gromkie chteniya po antireligioznoj literature [How to conduct loud readings on anti-religious literature]. IN Besedy na nauchno-ateisticheskie temy [Conversations on scientific and atheistic topics: Sat. Art]. Barnaul, Print Alt. book, 1959. P. 104–109 (in Russian).

Gizieva K. YU, Mezhevikin I. V. Gorodskaya kul'tura Omska i Tary v materialah pogrebal'nogo obryada [Urban culture of Omsk and Tara in the materials of the funeral rite]. In: Materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 300-letiyu Omska [Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 300th anniversary of Omsk]. Omsk, OGK Muzej Publ., 2015. P. 318–320 (in Russian).

Gorbatov A. V. Gosudarstvo i religioznye organizacii Sibiri v 1940-e — 1960-e gg. [State and religious organizations of Siberia in the 1940s — 1960s]. Tomsk, TSPU Press, 2008, 406 p. (in Russian)

Gorbatov A. V. Zakrytie pravoslavnnyh obshchestv v Sibiri: osnovaniya, formy, metody. 1958–1964 gody [Closure of Orthodox Societies in Siberia: Foundations, Forms, Methods. 1958–1964]. Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2009, no. 4 (142). P. 109–112 (in Russian).

Ismagilova E. I. Pravoslavnye pesnopeniya v fol'klornyh tradiciyah sibirskogo bytovaniya [Orthodox chants in the folklore traditions of Siberian existence]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2021, 240 p. (in Russian).

Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical Archive of the Omsk region]. F. R. 2603. Op. 1. D. 37 (in Russian).

Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical Archive of the Omsk region]. F. R. 2603. Op. 1. D. 39 (in Russian).

Istyukov V. E. Novosibirskaya eparhiya v gody novogo etapa antireligioznoj politiki. (1958–1964) [Novosibirsk diocese in the years of a new stage of anti-religious policy. (1958–1964)] Bogoslovskij sbornik Novosibirskoj duhovnoj seminarii [Theological collection of the Novosibirsk Theological Seminary], 2018, no. 1 (12). P. 33–51 (in Russian).

Kozlov V. A. Massovye besporyadki v SSSR pri Hrushcheve i Brezhneve (1953 — nachalo 1980-h gg.) [Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 — early 1980s)]. Novosibirsk, Siberian Chronograph Publ., 1999, 416 p. (in Russian).

Larina A. Kak voznik «Svyatoj klyuch» v sele Sorochij log Krayushkinskogo rajona [How the «Holy Key» appeared in the village of Sorochiy Log, Krayushkinsky District]. Besedy na nauchno-ateisticheskie temy [Conversations on Scientific and Atheistic Topics: Sat. Art]. Barnaul, Print Alt. book, 1959, pp. 97–103 (in Russian)

Lebina N. Svad'ba v epohu kosmosa i kommunizma [Wedding in the era of space and communism]. Rodina, 2012. no. 1. P. 84–88 (in Russian).

Lyulya N. V. Svadebnaya obryadnost' ukrainskogo sel'skogo naseleniya Altajskogo kraja [Wedding rituals of the Ukrainian rural population of the Altai Territory]. Tomskij zhurnal LING i ANTR [Tomsk Journal of LING and ANTR]. 2015. no. 3 (9). P. 90–96 (in Russian).

O zadachah partijnoj propagandy v sovremennyh usloviyah: postanovlenie Plenuma CK KPSS [On the tasks of party propaganda in modern conditions: resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU]. Borec za tempy [Fighter for the pace], 16 yanvarya 1960 g. no. 7 (2028). P. 2–4. (in Russian).

Prot. Cypin V. Istoriya Russkoj Cerkvi. Kniga devyataya. Istoriya russkoj cerkvi 1917–1997 [History of the Russian Church. Book nine. History of the Russian Church 1917–1997]. Moscow, Print. House of Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 1997, 831 p. (in Russian)

Rubleva A. A. Obshchee i osobennoe v svadebnyh obychayah potomkov sibirskih starozhilov Pritom'ya vo vtoroj polovine XX veka (po materialam polevyh issledovanij 2018–2021 godov) [General and special in the wedding customs of the descendants of the Siberian old-timers of the Tomsk region in the second half of the 20th century (based on field research in 2018–2021)]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2021. vol. 27. P. 827–832 (in Russian)

SHil'dyashov I. A. Iz opyta antireligioznoj raboty [From the experience of anti-religious work]. Besedy na nauchno-ateisticheskie temy [Conversations on scientific and atheistic topics: Sat. Art]. Barnaul, Print Alt. book, 1959. P. 52–55 (in Russian).

SHil'dyashov I. M. Ateisty nastupayut [The atheists are coming]. Barnaul, Print Alt. book, 1961, 32 p. (in Russian)

SHil'dyashov I. M. ZHertva «Svyatogo» klyucha [Victim of the «Holy» Key]. Bloknot agitatora [Agitator's Notebook], 1960, no. 20. P. 36–45 (in Russian).

SHkarovskij M. V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' pri Staline i Hrushcheve Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godah [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev State-Church Relations in the USSR in 1939–1964]. Moscow, Print. House of Krutitsy Patriarchal Compound, 2005, 424 p. (in Russian).

Skul'beda YA. V. Hleb v paskhal'noj trapeze sel'skogo ukrainskogo naseleniya Zapadnoj Sibiri v XX veke [Bread in the Easter meal of the rural Ukrainian population of Western Siberia in the 20th century]. In: Materialy LVIII Rossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) arheologo-ethnograficheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh [Proceedings of the LVIII Russian (with international participation) archaeological and ethnographic conference of students, graduate students and young scientists], Omsk, Publisher-Printer Publ., 2015. P. 259–261 (in Russian).

Skvorcova (Klimova) E. S. Kemerovskoe blagochinie Novosibirskoj i Barnaul'skoj eparhii v sisteme gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v 1949–1963 gg. [Kemerovo deanery of the Novosibirsk and Barnaul diocese in the system of state-church relations in 1949–1963]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. 2018. no. 4 (48). P. 82–88 (in Russian).

Smirnova T. B. Obychaj venchaniya pokojnikov u nemcev Sibiri. Etnograficheskoe obozrenie [The custom of wedding the dead among the Germans of Siberia], 2008, no. 5. P. 133–144 (in Russian).

Soskovec L. I. Polozhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v period «Hrushchevskoj ottepeli» [The position of the Russian Orthodox Church during the «Khrushchev thaw»]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2011, no. 4 (16). P. 29–35 (in Russian).

Soskovec L. I. Religioznye konfessii Zapadnoj Sibiri v 40–60-e gody XX veka [Religious denominations of Western Siberia in the 40–60s of the XX century]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2003, 346 p. (in Russian)

Soskovec L. I. Religioznye organizacii i veruyushchie v sovetskem gosudarstvye [Religious organizations and believers in the Soviet state]. Tomsk [S. n.], 2008, 249 p. (in Russian).

Vystrel na kolokol'ne [Shot on the bell tower]. Sibirskaya gornica [Siberian room], 2000, no. 1. P. 76–80 (in Russian).

30 oktyabrya 1965 god. [October 30, 1965]. <http://altlib.ru/dvorets-brakosochetaniya-v-barnaule/> (data obrashcheniya: 17.07.2022) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.01.2024

Принята к публикации: 25.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 94:28] (574) «1920/1930»
DOI 10.14258/nreur(2024)3–09

А. С. Жанбосинова

Евразийский национальный университет им. А. Гумилева, Астана (Казахстан)

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Ж. О. Омуррова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Кыргызстан)

А. О. Омарканова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В СОДЕРЖАНИИ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАЗАХСКОГО АУЛА КОНЦА 1920 — НАЧАЛА 1930-Х ГГ.

Статья посвящена вопросам истории повстанческого движения казахского аула в 1920–1930-е гг. Предложенная тема интересна введением в научный оборот новых архивных материалов, отложившихся в фондах Специального государственного архива Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, Государственного архива Республики Казахстан, Государственного архива Актюбинской области, Государственного архива Восточно-Казахстанской области. Целью исследования является изучение исламского фактора в содержании повстанческого движения казахского аула. В результате проведенного исследования детализированы социальные корни и причины вооруженных протестов, доказано, что допускаемые властью перегибы способствовали расширению численности участников повстанческих групп. Несомненно, важную роль в вовлечении казахского аула в вооруженное противостояние сыграли процессы советизации, направленные на разрушение рода-иерархических институтов. Мусульманская атрибутика и идеи стали объединяющей силой вооруженных протестов в южном регионе. Анализ лозунгов и возваний Сузакского восстания выявил ярко выраженную религиозную символику.

Ключевые слова: Казахстан, советизация, народные восстания, протесты, ислам, лозунги, возвзвания, конфессиональные отношения, религиозная политика

Для цитирования:

Жанбосинова А. С., Лысенко Ю. А., Омуррова Ж. О., Омарканова А. О. Исламский фактор в содержании повстанческого движения казахского аула Конца 1920 — начала 1930-х годов // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 166–185. DOI 10.14258/nreurr(2024)3-09.

A. S. Zhanbossinova

L. Gumilev Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)

Yu. A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

Zh. O. Omurova

Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek (Kyrgyzstan)

A. O. Omarkanova

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

THE ISLAMIC FACTOR IN THE REBELLION MOVEMENT OF THE KAZAKH AUL AT THE END OF THE 1920S — EARLY 1930S

This article explores the history of the Kazakh village's rebel movement during the 1920s and 1930s. The topic is particularly significant due to the introduction of new archival materials from the Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, the State Archive of the Republic of Kazakhstan, the State Archive of the Aktobe Region, and the State Archive of the East Kazakhstan Region. The study aims to investigate the role of Islamic factors in the context of the rebel movement within the Kazakh village. Through this research, the article details the social roots and causes of armed protests, demonstrating that government excesses contributed to an increase in the number of participants in rebel groups. The processes of Sovietization, which aimed to dismantle tribal and hierarchical institutions, played a crucial role in drawing the Kazakh village into armed conflict. Moreover, Muslim symbols and ideas emerged as a unifying force for the armed protests in the southern region. An analysis of the slogans and proclamations from the Suzak uprising reveals a strong emphasis on religious symbolism, highlighting the significance of Islam in mobilizing resistance.

Keywords: Kazakhstan, Sovietization, popular uprisings, protests, Islam, slogans, appeals, interconfessional relations, religious policy

For citation:

Zhanbossinova A. S., Lysenko Yu. A., Omurova Zh. O., Omarkanova A. O. The Islamic factor in the rebellion movement of the Kazakh aul at the end of the 1920s — early 1930s. *Nations and Religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No3. P. 166–185 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3-09.

Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан). **Адрес для контактов:** sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Омуррова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Кыргызстан). **Адрес для контактов:** jamyikat2012@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Омарканова Асель Омаркановна, аспирант Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** asel_omarkanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6671-8013>

Zhanbossinova Albina Sovietovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Eurasian National University named after L. N. Gumilev, Astana (Kazakhstan). **Contact address:** sovetuk@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Lysenko Yulia Alexsandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University. **Contact address:** iulia_199674@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Omurova Jamyikat Orozbekovna, doctor of sciences (History), professor, Regional and Kyrgyz studies Department, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan). **Contact address:** Jamyikat2012@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Omarkanova Assel Omarkanovna, postgraduate student Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** asel_omarkanova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6671-8013>

Введение

История повстанческого движения — одна из востребованных научных тем советской эпохи ввиду наличия множества интересных научных лакун, имеющих междисциплинарный характер. В советский период указанная проблема находилась вне поля зрения не только из-за закрытых фондов спецархивов, но и в целом партийного табу на ее разработку. В 2020 г. проблема народных восстаний в Казахстане обрела второе дыхание, что было связано с началом работы Государственной комиссии по реабилитации, инициированной К. Токаевым, и второй «архивной революцией», связанный

с рассекречиванием документов, отложившихся в Специальном государственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан.

Первая «архивная революция» приходится на конец XX в., когда был вскрыт значительный пласт документов казахстанских и российских архивов, внесших свежую струю в историю изучения 1920–1930-х гг. Экономическая модернизация сельского хозяйства и последующие за ней преобразования в традиционной системе кочевого хозяйства казахов с допущенными массовыми нарушениями социалистической законности, перегибами вызвали волну негодования сельского населения, в том числе и повстанческое движение казахского аула.

Актуальность предложенной темы несомненна в фокусе введения в научный обзор совершенно новых источников. Несмотря на публикацию колossalного объема архивного материала по истории вооруженных протестов советской деревни и аула, многие интересные тематические блоки выпали из поля зрения ученых. На текущем этапе, на наш взгляд, качественное осмысление архивных источников, исследовательский анализ нового фактологического материала может расширить проблемное поле и дать исследовательский толчок совершенно новым направлениям, как например не содержание восстания, а его сопровождающую часть — религия, персоналии, вооружение, порубежные пограничные связи и пр. Предтечей вооруженных конфликтов стали процессы советизации, вторгнувшиеся аульную систему коммуникативных связей.

Следует отметить, что 1920–1930-е гг. стали экспериментальной площадкой для реализации программы социально-экономической модернизации в сельском хозяйстве. Казахский аул с кочевым укладом, далекий от понимания новых советских ориентиров, продолжал находиться под влиянием и управлением родовых авторитетов. Соответственно, программа советизации аула Ф. Голощекина, советская избирательная система с выборами в аулсоветы, по сути, не привела к кардинальным изменениям. Классового противостояния в ауле не случилось, однако столкновение двух совершенно различных систем мировоззрения произошло. Первая иступлено боролась за строительство совершенно нового мира, насильтвенными мерами внедряя коллективизацию и седентаризацию, а вторые сопротивлялись нововведениям, защищая свой старый мир.

Угроза конфискации, выселение, разрушение семьи стало основой недовольства и протестных настроений в ауле, в том числе религиозных, обусловивших феномен «культуры сопротивления», аул высказался «в полный голос» [Виола, 2010: 13]. Во главе сопротивления аула оказались родауправители, байи, служители культа.

Несомненно, народные восстания / повстанческое движение — вполне закономерные явления для деревни, аула в целом. Крайне тяжелые условия деревенской жизни, постоянное насилие государственной власти «...отстаивание крестьянами своего варианта развития сельского хозяйства...» вынуждало их пойти на крайние меры, с оружием в руках защищать свои интересы [Кондрашин, 2001]. Тематика повстанческого движения получила отражение во многих публикациях текущего времени, однако наиболее полный критический анализ насильтвенных методов коллективизации и их последствий вооруженных восстаний были рассмотрены Н. Ивницким и В. Кондрашиным [Ивницкий, 1996; Кондрашин, 2001; Первая заповедь, 2016].

Работы отдельных российских историков, профессионально занимающихся религиоведческой тематикой, посвящены анализу двойственной политике советской власти по отношению к религиозному культу, принятия различных законодательных актов, ограничивающих права церкви, изъятию и конфискации церковных ценностей с постепенным усилением карательных функций государства в отношении церкви [Дашковский, Зиберт 2016], использовании юридических норм в реализации антирелигиозной политики в русской деревне, что способствовало закрытию церквей и молитвенных домов [Алешкин, 2012].

В рамках нашего исследования в первую очередь нами выделены работы, затрагивающие проблемы религиозной и антирелигиозной политики советского государства в Казахстане. Есть достаточно интересные и значимые монографии, диссертации и научные публикации. Эволюция постепенных изменений религиозной политики в отношении ислама и мусульманского населения с первых дней советской власти до и после принятия постановления ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. прекрасно продемонстрирована Г. Мухтаровой. Содержание диссертации поэтапно показывает, как аул адаптировался к закрытию мечетей, исполнению традиционной религиозной обрядности и как это в совокупности влияло на эмоциональные настроения населения [Мухтарова, 2007].

Дополнением к содержанию работы Г. Мухтаровой служат статистические показатели в динамике, приведенные в исследовании Н. Нуртазиной [2008]. Роль и место ОГПУ-НКВД в демонизации мусульманства, превращение его в «контрреволюционный элемент» продемонстрированы Г. Алпысбаевой [2022].

Причины, этапы и содержание повстанческого движения казахского аула наиболее полно получила освещение в трудах двух казахстанских профессионалов указанного направления, к сожалению, безвременно ушедшего Т. Омарбекова [2018], Т. Алланиязова [2022; 2009]. Каждый из указанных ученых внёс самый значимый вклад в историю повстанческого движения, разработал методологические концепты, историографию процесса изучения истории крестьянских выступлений, дал характеристику движущих сил, содержания и форм противодействия крестьянских масс и пр.

Классиком истории крестьянских восстаний по праву можно считать Л. Виолу. Совершенно иной фокус оценки и интерпретации использованных ею источников и материалов позволил ввести значительный объем фрагментов устной истории, возваний и листовок повстанцев, в том числе затронувших фактор религиозных ценностей повстанцев [Виола, 2010]. Как существовали сельские коммунисты с религиозными служителями культа в русской деревне, как справляли религиозную обрядность на похоронах и прочее, показала Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2010], что аналогично аульной повседневности.

Краткий обзор работ, имеющих прямое и косвенное отношение к исследуемой проблеме, позволяет утверждать, что вне поля зрения ученых остались вопросы, которые требуют более детального исследовательского поиска. К их числу относятся региональные особенности и специфика повстанческого движения, анализ политической платформы, идеология в фокусе лозунгов и листовок. К сожалению, практически нет работ историков, в том числе и казахстанских, посвященных анализу религиозных лозунгов и возваний, использованных повстанцами казахских аулов.

Адекватный анализ характера, существа и направленности рассматриваемых нами народных выступлений позволит не только верно понять суть данного социально-исторического явления, но и объективно оценить его место и роль в полной драматизме истории коллективизации Казахстана.

Очень важно понять природу конфликта и противостояния власти – народу, народа – власти; организационную, социальную и идеиную основу протеста; выявить общественные настроения аула/села, их восприятие и отношение к советской власти; к проводимой экономической модернизации. Целью исследования, представленного в данной статье, является изучение исламского фактора в содержании повстанческого движения казахского аула.

Источники и методы

Источниковой основой нашего исследования стали материалы, выявленные в фондах Архива Президента Республики Казахстан (далее АП РК), Государственного архива Актюбинской области (далее ГААО), Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) а также областного архива Восточно-Казахстанской области (далее ГАВКО).

Нами впервые введены в научный оборот документы Специального Государственного архива Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК), Департамента полиции города Алматы (СГА ДП г. Алматы) и ВКО (СГА ДП ВКО). Фонд 9, где отложились документы Полномочного представительства ОГПУ (далее ПП ОГПУ) в Казахстане, имеет множество форматов донесений, начиная с обзоров, докладных записок и т. д. до собранных материалов по конкретному восстанию.

В девятом фонде отложились оперативные сводки по борьбе с «бандитизмом», подготовленные сотрудниками информационного отдела докладные записки касались разных регионов Казахской автономии. Практически каждая сводка освещала вопросы, связанные с настроениями населения и политической ситуацией, в том числе давался детальный анализ так называемых бандформирований.

Особое внимание привлекло дело «Воззвания и другие материалы по Сузакскому восстанию» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 474]. Это единственное дело, где сохранились копии воззваний. Воззвания повстанцев были написаны арабской вязью. Перевод документов на русский язык заверяли сотрудники ОГПУ КАССР Логачев и Туманов. Выявленные архивные источники в СГА КНБ РК с сопроводительным письмом А. Альшанского, адресованного командующему войсками САВО П. Дыбенко, с приложенными 132 документами из ханского штаба С. Шолакова, задержанного во время ликвидации басмачей в Сузакском районе, были направлены в Москву. В настоящее время оригиналы документов хранятся в Российском государственном военном архиве (далее РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 876. Л. 1–11].

Для полноты и достоверности общей картины исследования все вышеперечисленные источники изучались в совокупности, а выявленный научный массив источников создал необходимые предпосылки для реализации исследовательской тематики.

Концептуальные методологические подходы социальной истории послужили основой нашего исследования, так как в фокусе авторского внимания находятся две структуры: кочевая аульная община, с одной стороны, органы советской власти — с другой. Изначально заложенное противостояние традиционности новому, классовый ранжир

советского общества являлся основой конфликта, который мог быть вооруженным, иметь обычную манифестацию мирного шествия и т. д., но он обязательно должен был случиться. Взаимодействие двух структур и их противостояние рассматривались с учетом нескольких факторов, в первую очередь междисциплинарным. Сочетание аналитических приемов, количественных и качественных методов источниковедения, устной, военной истории, антропологии и религиоведения позволило избежать стереотипного подхода и оценок исследуемой проблематики.

Результаты исследования

Массовые протестные вооруженные выступления приходятся на 1929–1931 гг. По данным исследователей, состоялось 397 выступлений, в том числе 25 вооруженных, в которых участвовали около 80 тысяч человек [Алланиязов, 2022: 99].

Казахская автономия как по горизонтали, так и по вертикали находилась в огне восстаний. Характерными факторами народных восстаний и условиями, в которых они протекали, были:

- значительные территории (степь, пески, горы, леса, озера, реки) с большими расстояниями, отсутствие коммуникаций, дисперсное (рассеянное) состояние, т. е. множество мелких повстанческих формирований, возможности быстрых пограничных переходов;
- сочетание массовых откочевок в приграничные территории Туркмении, Узбекистана, Китая, Монголии, России вместе с активным сопротивлением власти объединенными силами туркменских, узбекских повстанцев, а также совместные групповые операции с закордонными отрядами;
- очень сильные родоиерархические связи с ярко выраженным трайбалистским началом и лозунгами («Адай для адаевцев» и пр.);
- активное массовое участие большей части сельского мужского населения (аул/деревня) вне зависимости от этнической принадлежности.

В нарастающем недовольстве политикой советской власти имелось несколько подводных течений, отражающих своеобразие текущей социально-экономической и политической ситуации Казахской автономии. В общем потоке выделим: процессы советизации, запущенные Ф. Голощекиным, активизировавшие родо-иерархические таласовки (группировочная борьба) в период проведения избирательных кампаний в низовые органы власти; допускаемые перегибы и насилие во время ведения политики экономической трансформации аула; обострение земельно-водного вопроса и этнического противостояния в южных регионах.

Особенность советского строительства в казахском ауле заключалась в отсутствии классовой борьбы между бедными слоями и богатыми, но в наличии скрытого потока родо-группировочной борьбы. Родовые узы не позволяли бедняку выступать против родового авторитета, бая. Среди казахского населения влияние байства на бедняцко-батрацкий слой опирается на быт и обычай почитания старейшин и богатых, подкрепляемых исламизмом. В этом влиянии не исключались методы и активного выступления байства, и даже избиения непокорных, осмеливающихся возражать против проводимой байством политики. В основе родо-группировочной вражды было огромное желание захватить место в советах тем или иным родом. Родовая борьба в большинстве

возглавлялась баями и аткамнерами, которые проявляли свое руководство и через членов Союза Кошчи. В противовес родовым байским авторитетам советская власть выстраивала организации бедноты и среднячества в единый блок. Однако даже внутри созданных союзов на классовых принципах шло родовое противостояние, что было замечено и заявлено Ф. Голощекиным — «октябрьская революция прошла мимо аула...»

Коллективизация сельского хозяйства в Казахской автономии отягощалась неурегулированностью вопросов землепользования в районах со смешанным национальным составом. Вкупе с систематическими межэтническими стычками казахов с русскими, узбеками по земельным спорам, возникали конфликты по этническому признаку, связанные с административным устройством, в Ташказакском, Туркестанском, Чимкентском, Казалинском уездах Сыр-Дарьинской, Джетысуйской губерний и северных регионах Казахстана. Особый накал страстей случался вовремя кампании по переделу сенокосных и пахотных угодий, выборов в низовые органы власти, порой дело доходило до взаимных побоищ, нередко до убийств. Сводки ПП ОГПУ отмечали активную агитацию мусульманского духовенства с вовлечением населения в религиозные общинны и неприемлемостью вступления населения в союз Кошчи. До начала массовых вооруженных восстаний на территории губерний Казахской автономии на постоянной основе действовали мелкие «бандформирования», «бандшайки», занимавшиеся грабежом, насилием, контрабандой и скотокрадством. Указанные процессы, несомненно, оказали влияние на содержание и качество повстанческого движения в исследуемый нами период. Исламская риторика вооруженного конфликта подкреплялась недовольством казахского аула советской властью из-за допускаемых ею перегибов в проведении заготовительных кампаний, конфискации и выселении байства, насильтвенной седентаризации.

В совокупности социальные корни и причины вооруженных протестов крылись в игнорировании традиционной социально-экономической структуры казахского общества, в насильтвенном насаждении таких инаковых хозяйственных форм, как колхозы, оседание кочевых хозяйств, обобществление и пр. Допускаемое властью насилие увеличивало численность повстанцев и расширяло его социальный состав. Роль ведущей скрипки в росте протестных настроений казахского аула сыграла антирелигиозная политика власти, которая объединила мусульманское население южных губерний Казахской автономии.

Октябрьский переворот и последующее «триумфальное шествие советской власти» на окраинах требовало подтверждения лояльности к традиционному азиатскому устройству, в том числе выражение пieteta к религиозным взглядам. Двойственность политических действий молодого советского государства объяснялась как геополитическими задачами не потерять Среднюю Азию, так и меркантильными, заключающимися в необходимости привлечения тюркских народов бывших мусульманских окраин Российской империи к советскому строительству. В сравнении с политикой по отношению к церкви с учетом секретного письма Ленина от 19 марта 1922 г. об изъятии ценностей, мусульманское духовенство имело на начальном этапе некоторые послабления. Выделим пошаговые действия или уступки в отношении мусульманского религиозного культа.

Первый шаг — проведение краевого мусульманского съезда в 1917 г. Полагаем, что задача съезда — не только красиво вернуть «Священный Коран Османа», но и продемонстрировать, с одной стороны, торжество справедливости по возврату конфиската от предыдущей власти Романовых, а с другой — данный популистский шаг должен был стать свидетельством признания ислама и его поддержки советским правительством.

Второй шаг — это административно-правовое обрамление политических уступок. Эмоциональный фон, истоки которого уходят в содержание съезда, закрепился созданным внутри Наркомата национальностей Мусульманского комиссариата во главе с М. Вахитовым с дополнительными отделами в Верном и Семипалатинске [Песикова, 1950: 156]. Учитывая численность и географию расселения мусульманского населения, были созданы с ограничением территории Комиссариат мусульман внутренней России и Сибири, а также отдельная Коллегия для мусульман Ближнего Востока.

Третий шаг стал уникальным по содержанию, большевики / коммунисты попытались легитимизировать свое право на власть, опираясь на 15 положений шариата, встраивая мусульманскую традициональность в идеологию большевизма. Проект «советских шариатистов» поддерживали верхние эшелоны власти, о чем свидетельствует объявление пятницы с разрешения С. Пестковского выходным днем для сотрудников Мусульманского социалистического комиссариата и празднование Курбан-мейрам [Тахиров, 1997: 5]. Для празднования Курбан-Байрам сотрудники-мусульмане освобождались от занятий на один день, а мусульмане-красноармейцы на четыре дня [Алпысбаева, 2022: 7–24].

Отсутствие конкретных пограничных линий в реализации религиозной политики, шараханье из одной колеи в другую приводило к политическим казусам. Если к православному духовенству применялись жесткие репрессии, то в отношении служителей мусульманского культа инструктивное письмо Наркомнаца РСФСР запрещало применение каких-либо репрессий, а также закрытие богословских школ, содержавшихся за счет добровольных пожертвований частных лиц [Вишневский, 1990: 44].

Широкие степные просторы, далекие от центральной власти способствовали сохранению в аулах неизменных религиозных традиций. Статус аульного коммуниста не запрещал посещение мечети во время Уразы для жертвоприношения, общение с духовными лицами во время проведения религиозных ритуалов, при этом в аулах действовали нелегальные религиозные школы, на которые аульная власть закрывала глаза [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 347].

Противоречия между властью и религией лишь нарастали, идеология «консервативной модернизации» исключила религию, поставив ее вне государства. Декларация свободы и совести, с одной стороны, и ее ограничения с другой, подкреплялись правовым полем. На деле же вопросы реализации религиозной политики в ауле приводились административными методами, сопровождались насилиственным закрытием мечетей. Несмотря на то, что партийные инструкции предостерегали закрывать мечеть, не изучив предварительно настроение жителей аула. В случае явного проявления массового недовольства партия рекомендовала отказываться от идеи закрытия культовых зданий [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2434. Л. 6–7].

Точкой невозврата стал 1929 г., когда 8 апреля состоялось принятие постановления «О религиозных объединениях». С этого момента каждый шаг служителей религиозного культа соотносился с расписанным алгоритмом законодательного акта.

В случае обращения к статистическим данным истории религиозного культа, можем отметить, что из 1630 молитвенных домов в Казахстане за 1918–1931 гг. было закрыто 47,9% мечетей. Согласно сведениям ВЦИК, в 1931–1933 гг. работали 879 культовых зданий, из них 499 мечетей, что составляло 56,7%¹ [Мухтарова, 2007:163]. За 1929–1931 гг., по мнению Н. Нуртазиной, всего закрыто 198 мечетей и церквей [Нуртазина, 2008: 14].

В 1929–1930 гг. были закрыты 45 мечетей в Тайпакском районе Уральского округа и 14 мечетей в Батпаккаринском районе Кустанайского округа [Алдажуманов, 2005: 68].

К сожалению, мы не имеем абсолютных данных о количестве мечетей в различных округах Казахстана в исследуемое время, однако некоторые цифры можем упомянуть. Например, до 1917 г. в Семипалатинском округе насчитывалось 12 мечетей, в 1929 г. упоминается об изъятии 10 мечетей [ГАВКО. Ф. 74. Оп. 1. Д. 208. Л. 2, 3а, 4, 5]. О численности служителей культа имеется информация ОГПУ. Например, в Усть-Каменогорском мухтасибском районе в 50 аулах существовало такое же количество приходов с 88 служителями культа — 50 имамов и 38 муэдзинов. Из указанного количества в 1931 г. остались два служителя культа [История..., 2010: 173]. В Иргизском районе было закрыто семь мечетей, причем они пустовали или занимались под склады [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472. Л. 4].

Вопиющий случай зафиксирован в Петропавловском округе, где Бейнеткаринскую мечеть передали местному колхозу с новым функционалом хранения утильсырья. В ответ на массовое недовольство мусульман местная власть в лице председателя, забрав Коран из рук верующих, бросил святую книгу в угол с мусором [ГАРФ. Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766. Л. 71].

Воинствующий атеизм и крайние формы антирелигиозного вандализма активно проявлялись при разрушении или закрытии всех мечетей, молитвенных домов и церквей, находящихся в сельских районах, в преследовании служителей культа. Возмущение жителей вызывало не только закрытие мечетей, но их использование под хозяйствственные нужды, например, арестное помещение, зерновой склад, канцелярию (Кзыл-Ординский округ). Протестующих мусульман арестовывали решением секретаря районного ВКП (б), освобождали только в том случае, если последние давали обязательство впредь на жаловаться [ГАРФ. Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766. Л. 72 об.].

Местная власть, по сути, нарушала все пункты постановления 1929 г. Так, без санкции КазЦИКа закрывались мечети в аулах и селениях, при этом вопрос использования молитвенных зданий отдавался на откуп местному населению, т. е. жители административного аула, не лишенные избирательных прав, разрешали вопрос отобранный или закрытой мечети самостоятельно.

В Сузаке (Сырдарьинский округ) при изъятии в административном порядке одной из лучших мечетей был сбит и пробит пулями полумесяц. Вначале планировали оборудовать в данном здании клуб, для чего у некоторых ишанов отобрали ковры, кош-

¹ Процент подсчитан авторами.

мы, но затем вместо клуба в мечети организовали ссыпной пункт. Всего в районе было закрыто в административном порядке 6 мечетей [ГАРФ. Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766. Л. 71].

Несмотря на то, что ликвидация зданий религиозного культа, т. е. мечетей, церквей и подобного, находилось в прерогативе КазЦИКа, ни окриском, ни тем более РИК и сельсовет не имели права на закрытие, на местах здания просто изымали у верующих как пустующие, бесхозяйственные. В Семипалатинске таким способом были изъяты мечети, построенные Хамитовым, Мусиным, баем Мухамеджаном и др. [ЦДНИ ВКО. Ф. 1607. Оп. 2. Д. 2. Л. 499]. В 1929 году без постановления, незаконно в аулах изымались мечети, выстроенные населением, в подданной ими жалобе указывалось, что мечети закрывались решением меньшинства [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 475. Л. 30]. В Ак-Булакском районе, в поселке Сазда, поселковый актив, не считаясь с мнением верующих, закрыл церковь. В знак протesta была организована «демонстрация антисоветского характера» [ГААО. Ф. 63. Оп. 2. Д. 100. Л. 310]. В Кокпектах Семипалатинского округа по инициативе местной власти хотели закрыть единственную мечеть, куда приходили и приезжали жители близлежащих аулов, ее закрытие было запрещено на уровне КазЦИКа [ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 21рсч. Д. 82. Л. 33].

Мусульманскому населению запрещали соблюдать пост и проводить молебен, в случае нарушения ими приказа поступали угрозы обложения пшеницей. Текущая повседневная ситуация получила отражение в документе по Иргизскому восстанию. Мы приводим его полностью, так как его содержание отражает действительное положение дел, характерное для всего Казахстана:

«Почему мы подняли восстание? Причины, вынудившие нас к восстанию, следующие: 1) Религия, 2) Мечеть, 3) Запрещение соблюдения уразы, намаза, 4) Высылка наших людей по разным причинам. [Мы] не выражали никакого недовольства против призыва в Красную армию, против взимания налога.

Возмущает нас ниже следующее:

1) Хлеб не уродился, но обязывали нас сдать хлеба и [неразборчиво] мы почему-либо не смогли выполнить, подверглись мы высылке – разве это правильно?

Было ли когда ни будь подвергнуть гонениям религию? Начиная со времен Иисуса (Христа) кто-нибудь отрицал наличие бога?

За произношение слова «Кудай» – наложили нам 40 пудов.

За слово «алла» – шесть пудов.

За слово «слава Аллаху» – девять пудов.

За 30 дней Уразы – 30 пудов.

За 5 намазов – 5 пудов.

Это разве правильно?

Нужно такое правительство уничтожить.

В других государствах бывают разные события, было ли когда-нибудь поставлено на обсуждение, чтобы упразднить все религии и ввести вместо их одну религию.

Все эти выдвинутые мною вопросы обсудите и о результатах сообщите мне. Как будете обсуждать эти вопросы, договоритесь сами.

Вот по вышеуказанным мотивам, мы и подняли восстание» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 470. Л. 2–2 об.].

Подтверждением вышесказанному является фрагмент допроса участника Сузакского восстания С. Джакупова, последний отметил, что открытое вооруженное выступление в Сыр-Дарынском округе и других произошло на основе нетерпимого отношения со стороны местных партийных органов к религии, к исламу.

«Мы весь казахский народ беспрекословно выполняли все государственные мероприятия.... Но как только местная власть начала издеваться над религией, стала запрещать нам молиться богу, самовольно занимать выстроенные нами мечети под советские учреждения, штрафовать тех, кто держал уразу и т. д., мы ишаны, муллы и бай, верные идеям религии ислама, решили открыто выступить против советской власти...» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 527. Л. 86].

Повстанческое движение развивалось в тесном переплетении с исламом, о чем свидетельствуют архивные источники.

Отметим, что в Казахстане в период повсеместных восстаний можно выделить две тенденции: первая — религиозная риторика восстаний, для которой характерно использование определенных мусульманских ритуалов; вторая — более радикальная, когда речь идет о целеполагании восстания, в результате которого возможно установление мусульманского ханства. Первая тенденция имела массовый характер во всех повстанческих отрядах, вторая была характерна для южных регионов.

Насколько важное значение имел исламский фактор в народных восстаниях, свидетельствует сопровождение организации повстанческих отрядов и начало вооруженных действий, совершением определенных религиозных ритуалов, как например: чтение обязательной молитвы, произношение родовой клятвы перед Кораном, жертвоприношение. В честь победы повстанцев и в случае захвата каких-либо административных центров организовывались моления в мечетях. На нелегальных собраниях участники предстоящего восстания принимали Бата¹. Данный факт упоминается практически во всех материалах архивно-следственных дел участников восстаний, а также в оперативных сводках ОГПУ. В интерпретации указанных документов Бата представлена как мусульманская клятва, как согласие присоединиться к повстанцам. Так, Коптагаев Садыкпай — активный участник нелегального собрания в селении Кок-Тюбе, где принималась бата, на нелегальном собрании обещал руководителям восстания в Кастекском районе организовать в Кок-Тюбе вооруженный отряд [СГА ДП г. Алматы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1324. Л. 6].

Символом несокрушимости восставших являлся мусульманский белый флаг с цитатой из Корана, который развевался над повстанческими отрядами и устанавливался в центре занятого ими административного центра. В Кунградском районе проводилась организационно-подготовительная работа к выступлению против советской власти под лозунгами защиты ислама в качестве ответа на насилие, совершающееся в отношении мусульманской веры [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477. Л. 69]. В планах повстанцев Тургайского и Наурзумского районов Актюбинского округа было намечено создание ханства после победы над коммунистами и возвращение в школы преподава-

¹ Бата — национальное благословение, которое выражается в наилучших пожеланиях и добрых пожеланиях.

ние Корана и содержание духовенства [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477. Л. 84]. На белом флаге повстанцев, с которым они наступали на Аксу, было написано: «Путь — религия, весь род Матай будет защищать религию до гроба» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 527. Л. 6].

Одним из примеров совершающегося насилия в отношении к этническим казахам — советским партийным работникам — заставить их молиться в мечети. Пойманного председателя РИКа остригли и повели в мечеть к мулле, где учили его произносить молитву [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 463. Л. 15]. В Кустанайском округе нажим на баев и имамов, закрытие ряда мечетей, привело к сожжению райсовета. Ранее этот дом принадлежал имаму и был у него конфискован [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477. Л. 71].

Религиозная тематика получила отражение в ее символах, как например, в Сары-Суйском районе формировался мусульманский отряд, возглавляемый баями, муллами, ишанами. Муллы и ишаны во время молебна в мечети призывали мусульман к защите своей религии, к выступлению против «русских коммунистов». В Сары-Суйской мечети, согласно фрагментам протокола допроса, «...мусульмане... молясь богу в мечети, дали клятву аллаху (богу), что они выступят против русских коммунистов, защищая свою мусульманскую религию и будут бороться до последней крови» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551. Л. 414].

В данное исследование не входила задача дать социально-антропологический анализ противоборствующих вооруженных сил, но вместе с тем отметим, что Сузакские повстанцы, возглавляемые родовым старшиной Султанбековым, первым делом разгромили все районные, партийные, советские учреждения. Убили председателя РИКа, секретаря райкома партии, народного судью, арестовали 15 коммунистов и советских служащих, устроив им показательный суд. В аулах многие председатели советов перешли на сторону повстанцев, некоторые из них были избиты, отдельные клялись больше не выступать против баев. Последующий анализ ПП ОГПУ итогов операции показал, что «в Сузаке было убито 34 партийных и советских работников, ... в большинстве своем европейцев» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 552. Л. 405]. Сузакское восстание вполне можно отнести к радикальному мусульманскому движению, где родо-иерархические и мусульманские принципы были ярко выражены и получили отражение в материалах ведомственных архивов. Только в предварительных донесениях, еще не оценив масштаб Сузакского восстания, ОГПУ сообщало об активном участии мулл, об избрании ханом Султана Бек Шонакова, о численности повстанцев в 400 человек.

Первым делом восставшими был совершен религиозный обряд, принесена клятва, на чалму и руки надели белые повязки, повстанцы имели белые флаги. Выступление шло под лозунгом священной войны с советской властью, т. е. был объявлен джихад. На головных уборах и белых повязках на руках, флагах были написаны изречения из Корана, наиболее распространенное: «Во имя бога, нет бога кроме единого бога, Магомет посланник пожертвуй собой во имя религии».

После захвата Сузака повстанцы заявили, что советская власть разворачивает женщин, и издали приказ о ношении паранджи всеми женщинами завоеванной территории [ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 59. Л. 12, 18]. О масштабности планов участников восстания свидетельствовала речь ее лидера: «Мы думаем сначала захватить Сузак, пере-

бить там всех коммунистов и советских работников, а затем в Туркестан...». В случае занятия Туркестана предполагалось уничтожение всех коммунистов Сыр-Дарынского округа, далее продолжить наступление на Акмолинский округ и совершить аналогичные действия там [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551. Л. 415]. Стратегические планы не ограничивались двумя округами, повстанцы намеревались захватить рудник Жезказган, что позволяло им обеспечить свои отряды оружием. Возможность создания мусульманского ханства и спокойное правление мусульманского хана было возможно только в том случае, когда Сузакские повстанцы «...перебьют всех коммунистов ...», и только тогда на земле будет «царствовать мусульманский хан, будет широко открыта дорога религии; налогов платить не будем, также не будем сдавать хлеб...» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551. Л. 415].

С целью привлечения на свою сторону населения повстанцы активно распространяли слухи о захвате Ташкента, Чимкента, Туркестана, о помощи им с стороны Афганистана, Китая и др. [ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 7. Д. 59. Л. 18].

Оценка столь специфичной ситуации прозвучала в делах ОГПУ о деятельности «контрреволюционных религиозных организаций». В фокусе обзоров оказались мусульмане, православные, старообрядцы [СГА ДП ВКО. Ф. 1. Д. 3323. Л. 10]. Большинство докладов по оценке деятельности «бандшаек» отмечало, что «...недовольные массы казацкого народа в целом ряде районов попали под безграничное влияние мулл, ишанов, баев...» ... Центр движения, очевидно, возглавлялся духовными лицами, так как во главе всех бандитских шаек стояли исключительно муллы (ахуны и хазреты). В Иргизском и Аральском районах из шести банд четыре возглавлялись: первая — Мукатаем Саматовым, ахун-мулла, т. е. мусульманским архиереем; вторая — Исатаем Сатыбалдиным, мулла, имевший три мечети, т. е. вроде благочинного попа; третья — Джумагазы — муллой Баимбетовым, главой религии в Кара-Кумах, четвертая — Ак-Мурзы муллы [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472. Л. 2].

В фондах ведомственного архива СГА КНБ и Российского архива военной истории отложились религиозные материалы агитационно-пропагандистской деятельности руководителей Сузакского восстания, они были обнаружены при подавлении восстания в ханском штабе. Рукописный текст был написан арабской вязью и переведен на русский язык сотрудниками ОГПУ, сопроводительное письмо сообщает о возможных по-грешностях перевода. В шести обнаруженных воззваниях речь идет о необходимости борьбы за религию с призывом отдать жизнь в священной войне (газават), так как настало время защитить религию и шариат, «...ибо впоследствии окажетесь правоверными — на том свете (Ахырсте) будете спокойны и обеспечены хорошими местами... вы попадете в рай»; оказать помощь оружием и припасами, агитацией и личным участием, жертвоприношением за что вы будете вознаграждены и «... подарена богом хорошая загробная жизнь» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 474. Л. 1–6].

Политическая платформа повстанцев, их религиозная и агитационно-пропагандистская деятельность, лозунги и фрагменты устной истории на основе материалов ведомственных архивов, сопровождающие вооруженные отряды, еще не стали предметом детального анализа в историографии. Выявленные в различных фондах документальные источники позволили изучить роль и место религиозного фактора, проанализи-

ровать повстанческую манифестацию, направленную на защиту традициональной религиозной структуры.

Крестьянская манифестация демонстрирует и отражает неосознанную ментальность поведения, о чем писала Л. Виола, т. е. к пониманию традиционного мира сельских жителей, которые «формируют элементы сопротивления, как дискурс, стратегия поведения, действия, в свою очередь находящих выражение в слухах, фольклоре, культуре, символической инверсии, пассивном сопротивлении, насилии и бунте», именно «через эти аспекты сопротивления проявляются сознание крестьянства, его ценности и верования» [Виола, 2010: 6].

Программные документы повстанческого движения можно структурировать по форме пропаганды: устная и письменная; по виду: листовки, лозунги, воззвания, письма, обращения. В нашем случае это листовки и воззвания, их эмоциональный настрой означал точку невозврата – бифуркация, разрушение их прежней жизнедеятельности дошло до критической массы. Сохранившиеся фрагменты визуальных источников Сузакского восстания, демонстрируют религиозную пропаганду. В большинстве своем повстанческое движение организовалось под лозунгами борьбы с советской властью, «борьбы за ханство», «за казахскую власть», «газават» (священная борьба против иноверцев), против русских, против налога, государственных заготовок и коллективизации, отмены советских законов против баев. Например, организующим лозунгом в Сузакском восстании был религиозный — «Во имя ислама». Основными религиозными лозунгами повстанцев были: «За ислам», «За свободу религии». «Советская власть притесняет религию, долой ее». На знаменах арабской вязью писали: «Нет Бога, кроме Аллаха, Магомет его наместник». В призывах к повстанцам звучали слова: «Мы идем и защищаем мусульманскую религию, мы против большевиков будем долго продолжать борьбу, но все-таки Советскую власть свергнем» [СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 476. Л. 73.], «Бедняки, середняки … Давайте общими силами ради Аллаха, во имя мусульманства уничтожим коммунистов». [СГА ГП РК. Ф. 214. Оп. 1с. Д. 8746. Л. 125].

Восставшие мятежники желали свободы религии, возвращения мечетей, разрешение на проведение религиозных праздников и религиозного обучения детей. Интерес представляет религиозная аргументация лидеров восстания и их призывы, суть которых можно свести к следующему: мы поднимаем вооруженное восстание ради Аллаха, давайте общими усилиями во имя мусульманства уничтожим коммунистов, мы идем защищать мусульманскую религию, Нет Бога, кроме Аллаха, Магомет его наместник.

На наш взгляд, лозунги «государственного» характера использовались руководителями повстанческого движения по тактическим соображениям — обеспечить рост сторонников из среды образованной части населения. Действенность и эффективность религиозно-агитационной работы лидеров повстанческого движения признавали и партийные работники. Л. Идельсон отмечал, что «широкая и прекрасно поставленная провокационная работа, подогреваемая религиозным фанатизмом, привела к тому, что в выступлении участвовали широкие массы» [Насильственная… 1998: 70]. В унисон Л. Идельсону вторили и военные, принимавшие участие в подавлении вооруженного выступления в Иргизе и Приаральских Каракумах. Н. Евсеев в своей докладной записке подчеркивал: «Байство и духовенство использовало каждую ошибку, а тем более пе-

регибы и извращения политики партии для контрреволюционной агитации. Подкрепляя при этом свою агитацию Кораном, они еще больше усиливали свое влияние на бедняцко-середняцкие массы населения» [АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953. Л. 41].

Несмотря на общий религиозно-агитационный подход в организации восстаний, руководители повстанцев не выработали общей единой идеологической платформы. Желание спасти ислам от советов не перешло в массовую религиозную идею, не превратилось в национальную идею казахского народа. Слишком разными оказались социальные прослойки участников протестных выступлений, их интересы и желания не совпадали. Рядовым участникам вооруженных выступлений, которые преобладали численно, были гораздо ближе интересы своей семьи, своей родовой общины, своего аула, нежели идеи создания автономного казахского ханства. Для участников повстанческих движений, прежде всего для основной массы казахских шаруа главной проблемой была не только и не столько ее бедность, они не желали лучшей доли в загробной жизни, их больше тревожил страх перед угрозой голода и голодной смерти.

Заключение.

Таким образом, религиозная политика советского государства в указанный период, направленная на насильтвенное прерывание хода естественно-исторического развития социально-экономических отношений в казахском традиционном обществе, привела к кризисной (конфликтной) ситуации.

Обострению социально-политических противоречий внутри общества, между властью и ее институтами и различными социальными слоями и группами способствовало множество факторов, в числе которых были ликвидация байских хозяйств, насильтвенная коллективизация и раскулачивание, налоговый пресс, заготовки хлеба, скота и другой сельскохозяйственной продукции и сырья, осуществляемые мерами чрезвычайного характера и обусловившие продовольственные затруднения и голод в широких масштабах, но, несомненно, огромную роль сыграл воинствующий атеизм и антирелигиозные мероприятия, вылившиеся в разрушение и закрытие мечетей, церквей, в репрессии против служителей культа.

Нарушение социальной справедливости и отсутствие средств существования породили отчаяние и ярость, «...покушение на привычные нормы сельской власти и управления, на идеалы общинной солидарности...» стали обоснованным мотивом к возмездию [Виола, 2010: 10–11].

Антирелигиозная политика властей, вылившаяся в произвол партийных и советских органов на местах в ходе закрытия мечетей, церквей и молитвенных домов, репрессии, направленные против мулл, ишанов, попов, изъятие и уничтожение религиозной литературы, а также культового имущества, вызывало резкое неприятие со стороны населения. Эти действия власти усилили социальное напряжение и явились существенным провоцирующим фактором, социальным триггером вспыхнувших в конце 1920-х — начале 1930-х гг. вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена по госзаданию по проекту «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф. 99.1. БН66АА04000).

Acknowledgments and funding

The work was carried out according to the state assignment, project «The Turkic world of the Greater Altai: unity and diversity in history and modernity» (registry number 850000F. 99.1. BN66AA04000).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алдажуманов К. С. Крестьянское движение сопротивления // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы : Арыс, 1998. С. 66–92.

Алешкин П. Антирелигиозная политика советского государства и протестные настроения крестьянства // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 1 (40). С. 162–165.

Алланиязов Т. К. История вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929–1931 годов в Казахстане в новейшей литературе (2001–2021 годы) // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 98–115.

Алланиязов Т. К. Крестьянские выступления в Казахстане 1929–1932 гг.: опыт и проблемы изучения / под ред. Т. О. Омарбекова. Алматы : Фонд XXI век, 2002. 88 с.

Алланиязов Т. К., Таукенов А. Последний рубеж защитниковnomадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929–1931 годы). Алматы : ОО «OST — XXI век», 2009. 424 с.

Алпыспаева Г., Жуман Г. Исламский дискурс в государственно-конфессиональной политике советской власти в Казахстане в 1920–1930-е гг. // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2022. № 1 (138). С. 7–24.

Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 2953.

Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.

Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии // Наука и религия. 1990. № 3. С. 41–56.

Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 63. Оп. 2. Д. 100.

Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 74. Оп. 1. Д. 208.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1125. Оп. 141. Д. 766.

Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Влияние государственно-конфессиональной политики на положение религиозных общин Алтая в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4 (92). С. 50–56.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М. : Магистр, 1996. 288 с.

История Казахстана (с древнейших времен и до наших дней). Алматы : Атамура, 2010. Т. 4. 768 с.

Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001. 561 с.

Мухтарова Г. Д. Ислам в советском Казахстане (1917–1991 гг.) : дис ... д-р ист. наук. Уральск, 2007. 310 с.

Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931–1933 гг. : Сборник документов и материалов. Алматы, 1998. 263 с.

Нуртазина Н.Д. Борьба с исламом. Религиозная политика Советской власти в Казахстане в 20—40-е годы XX века. Алматы, 2008. 36 с.

Песикина Е.И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М. : Типография ВПШ, 1950. 256 с.

«Первая заповедь»: Хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / отв. сост. В. В. Кондрашин, О. Б. Мозохин. М. : МФД, 2016. 784 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): 10-ти т. / ИРИ РАН; Центр. архив ФСБ РФ ; ред. совет: Г. Севостьянов, А. Сахаров, Я. Погоний [и др]. М. : ИРИ РАН, 2001–2008.

Специальный государственный архив Департамента полиции Восточно-Казахстанской области. Ф. 1. Д. 3323.

Специальный государственный архив Департамента полиции города Алматы. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1324.

Специальный государственный архив Комитета Национальной безопасности Республики Казахстан (СГА КНБ РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 463.

СГА КНБ РК Ф. 9. Оп. 1. Д. 470.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 472.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 475.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 474.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 476.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 477.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 527.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 551.

СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 552.

Тахиров Ф. Т. Пятнадцать вопросов и ответов по шариату. Душанбе: Таджик. гос. нац. ун-т, 1997. 56 с

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2001. 422 с.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 30. Оп. 7. Д. 59.

ЦГА РК. Ф. 5с. Оп. 21. Д. 82.

Омарбеков Т. 1929–1931 жылдардағы халық көтерілістері: Зерттеу. Алматы: «Арыс» баспасы, 2018. 480 б. (на каз. яз.).

REFERENCES

- Aldajumanov K.S. Krest'yanskoe dvijenie soprotivleniya [Peasant resistance movement]. *Deportirovannye v Kazahstan narody: vremya i sud'by*. [The peoples deported to Kazakhstan: time and fate]. Almaty, 1998. P. 66–92 (in Russian).
- Aleshkin P. Antireligioznaya politika sovetskogo gosudarstva i protestnye nastroeniya krest'yanstva [Anti-religious policy of the Soviet state and the protest sentiments of the peasantry]. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tehnologii*. [Industry: economics, management, technology]. 2012, no. 1 (40). P. 162–165. (in Russian).

Allaniyazov T. K. *Istoriya voorujennyh vystuplenii i povstancheskikh dvijenii 1929–1931 godov v Kazahstane v noveishei literature (2001–2021 gody)* [History of armed uprisings and insurgent movements of 1929–1931 in Kazakhstan in modern literature (2001–2021)]. *Istoricheskii kur'er*. [Historical Courier] 2022, no. 1 (21). P. 98–115 (in Russian).

Allaniyazov T. K. *Krest'yanskie vystupleniya v Kazahstane 1929–1932 gg.: opyt i problemy izucheniya* [Peasant performances in Kazakhstan 1929–1932: experience and problems of study]. Almaty: Fond XXI vek, 2002, 88 p. (in Russian).

Allaniyazov T. K., Taukenov A. *Poslednij rubezh zashchitnikov nomadizma. Istoriya vooruzhennyh vystuplenij i povstancheskikh dvizhenij v Kazahstane (1929–1931 gody)* [The last frontier of the defenders of nomadism. History of armed uprisings and insurgent movements in Kazakhstan (1929–1931)] Almaty: OO «OST — XXI vek», 2009. 424 p. (in Russian).

Alpyspaeva G., Juman G. Islamskii diskurs v gosudarstvenno-konfessional'noi politike sovetskoi vlasti v Kazahstane v 1920–1930-e gg. [Islamic discourse in the state-confessional policy of Soviet power in Kazakhstan in the 1920–1930s]. *Vestnik ENU im. L. Gumileva. Seriya istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. [Bulletin of L. Gumilev Eurasian National University. Series of historical sciences. Philosophy. Religious Studies]. 2022, no. 1 (138). P. 7–24 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Zibert N. P. Vliyanie gosudarstvenno-konfessional'noi politiki na polojenie religioznyh obschin Altaya v pervye gody sovetskoi vlasti [The influence of state-confessional policy on the position of religious communities of Altai in the first years of Soviet power]. *Izvestiya AltGU* [News of Altai State University]. 2016, no. 4 (92). P. 50–56 (in Russian).

Ficpatrick Sh. *Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: the village]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 422 p. (in Russian).

Istoriya Kazahstana (s drevneishih vremen i do nashih dnei) [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day) In five volumes] Almaty: Atamura, 2010, vol. 4, 768 p. (in Russian).

Ivnickii N. A. *Kollektivizaciya i raskulachivanie (nachalo 30-h godov)* [Collectivization and dispossession (early 30s)]. Moscow: «Magistr», 1996, 288 p. (in Russian).

Kondrashin V. V. *Krest'yanskoe dvijenie v Povol'ye v 1918–1922 gg.* [Peasant movement in the Volga region in 1918–1922] Moscow, 2001, 561 p. (in Russian).

Muhtarova G. D. *Islam v sovetskem Kazahstane (1917–1991 gg.)*: Diss. dokt. ist. nauk. [Islam in Soviet Kazakhstan (1917–1991): Diss. doc. of hist. Sci.] Ural'sk, 2007, 310 p. (in Russian).

Nasil'stvennaya kollektivizaciya i golod v Kazahstane, 1931–1933 gg.: Sbornik dokumentov i materialov. [Forced collectivization and famine in Kazakhstan, 1931–1933: Collection of documents and materials]. Almaty, 1998, 263 p. (in Russian).

Nurtazina N. D. *Bor'ba s islamom. Religioznaya politika Sovetskoi vlasti v Kazahstane v 20–40-e gody XX veka* [The fight against Islam. Religious policy of Soviet power in Kazakhstan in the 20–40s of the XX century]. Almaty, 2008, 236 p. (in Russian).

«*Pervaya zapoved'*»: *Hlebozagotovki v SSSR. 1931–1932* [«The First Commandment»: Grain procurements in the USSR. 1931–1932]. Otv. sostavitel' V. V. Kondrashin. Moscow: MFD, 2016, 784 p. (in Russian).

Pesikina E. I. *Narodnyi komissariat po delam natsionalnosti i ego deiatelnost v 1917–1918 gg* [People's Commissariat for Nationalities and its activities in 1917–1918.] — Moscow: Printing House of the Higher School of Economics, 1950. 256 p. (in Russian).

«Sovershenno sekretno»: *Lubyanka — Stalinu o polojenii v strane (1922–1934 gg.): 10-ti t.* [«Top Secret»: Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922–1934): 10 volumes]. IRI RAN; Centr. arhiv FSB RF; red. sovet: G. Sevost'yanov, A. Saharov, YA. Pogonii [i dr.], Moscow: IRI RAN, 2001–2008. (in Russian).

Tahirov F. T. *Pyatnadcat' voprosov i otvetov po shariatu* [Fifteen questions and answers on Sharia]. Dushanbe: Tadjik. gos. nac. un-t., 1997, 56 p. (in Russian).

Viola L. *Krest'yanskii bunt v epohu Stalina: Kollektivizaciya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the era of Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 367 p. (in Russian).

Vishnevskii A. *Kak eto delalos' v Srednei Azii* [How it was done in Central Asia]. *Nauka i religia* [Science and Religion]. 1990, no. 3. P. 41–56 (in Russian).

Omarbekov T. *1929–1931 zhyldardaǵy halyk koterilisteri: Zertteu* [1929–1931. popular uprisings in the hills: a study]. Almaty: «Arys» baspasy, 2018, 480 p. (in Kazakh).

Статья поступила в редакцию: 20.03.2024

Принята к публикации: 25.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

УДК 297.1+393.05:398.541
DOI 10.14258/nreur(2024)3–10

А. Т. Ахатов, А. И. Тузбеков

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа (Россия)

КУЛЬТ СВЯЩЕННОЙ ГОРЫ — АУЛИЯ ТАУ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ВЫЕЗДА В КУГАРЧИНСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В 2023 Г.)

В статье на основе полевых материалов, собранных авторами в ходе археолого-этнографического изучения горы Аулия тау в Кугарчинском районе Республики Башкортостан в 2023 г. и работ современных исследователей, посвященных вопросам оролатрии на Южном Урале, рассматривается ретроспективное развитие культа Священной горы.

При проведении исследования использовался синергетический подход, базирующийся на сопряжении имеющихся археологических и этнографических данных, а также материалов, полученных с помощью методов нетнографии в социальной сети Интернет.

При изучении горы и расположенных на ней культовых объектов применялись археологические и этнографические методы; для анализа формирования и развития приуроченного к ней сакрального пространства использовались системный и исторический методы, а также метод геоинформационного картографирования.

На основе имеющихся источников и литературы был не только рассмотрен процесс трансформации культа гор, тесно связанного с культом предков, под влиянием ислама в культ священной горы — Аулия тау, но и представлены происходящие изменения религиозных представлений о ее сакральности и значении в современной социокультурной среде.

Полученные результаты, коррелируясь с уже имеющимися материалами, свидетельствуют о сходстве закономерностей и тенденций формирования и развития сакральных пространств, приуроченных к отдельным горным вершинам. Выявленные на горе разновременные культовые проявления говорят о том, что Аулия тау является частью общемусульманской, паломнической и туристической культуры Южноуральского региона. В то же время они указывают на ее включение в ритуальную практику новых религиозных движений, психологических практик и т. д.

Ключевые слова: Аулия тау, культа гор, культа святых, археология, этнография, Южный Урал

Для цитирования:

Ахатов А. Т., Тузбеков А. И. Культ священной горы — Аулия тау на Южном Урале: традиции и новации (по материалам экспедиционного выезда в Кугарчинский район Республики Башкортостан в 2023 г.) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 186–203. DOI 10.14258/nreur(2024)3–10.

A.T. Ahatov, A.I. Tuzbekov

R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies UFRC RAS, Ufa (Russia)

CULT OF THE AULIYA TAU, SACRED MOUNTAIN IN THE SOUTHERN URAL: TRADITIONS AND INNOVATIONS (BASED ON THE EXPEDITION TO KUGARCHINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN 2023)

The article examines the historical development of the cult of the Sacred Mountain, drawing on field materials collected by the authors during an archaeo-ethnographic study of Mount Auliya Tau in the Kugarchinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2023. Additionally, it incorporates insights from contemporary research focused on mountain worship in the Southern Urals.

The research employs a synergistic approach that blends existing archaeological and ethnographic data with information gathered through netnography on social media platforms. Archaeological and ethnographic methods inform the study of the mountain and its associated cult objects, while systemic, historical, and geoinformation mapping methods are utilized to analyze the formation and evolution of the sacred spaces related to the mountain.

The article explores the transformation of mountain worship — intimately linked to ancestor veneration and influenced by Islam — into the contemporary cult of Auliya Tau. It also highlights the evolving religious beliefs surrounding the mountain's sanctity and significance within today's sociocultural context.

The findings are consistent with existing literature, revealing similar patterns and trends in the formation and development of sacred spaces associated with various mountain peaks. The identified cult sites on Auliya Tau illustrate its role within the Muslim, pilgrimage, and tourist culture of the South Ural region. Furthermore, these sites reflect the integration of new religious movements and psychological practices in the mountain's ritual practices.

Keywords: Auliya Tau, mountain cult, cult of the saints, archaeology, ethnography, Southern Urals

For citation:

Ahatov A. T., Tuzbekov A. I. Cult of the Auliya tau, sacred mountain in the Southern Ural: traditions and innovations (based on the expedition to Kugarchinsky district of the Republic of Bashkortostan in 2023). *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 39, No 3. P. 186–203 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2024)3–10.

Ахатов Альберт Тагирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия). **Адрес для контактов:** bertik@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4776-9506>

Тузбеков Айнур Ильфатович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия).

Адрес для контактов: aituzbekov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5895-9826>

Ahatov Albert Tagirovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archaeological Heritage of the Southern Urals, R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Research of Ufa Federal Research Center of RAS, Ufa (Russia). **Contact address:** bertik@mail.ru; ORCID: 0000–0003–4776–9506

Tuzbekov Ajnur Ilfatovich, candidate of historical science, Head of the Department of Archaeological Heritage of the Southern Urals, R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Research of Ufa Federal Research Center of RAS, Ufa (Russia). **Contact address:** aituzbekov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5895-9826>.

Введение

В современном российском обществе, где религия оказывает большое влияние на многие сферы жизнедеятельности человека, ее изучение в целом и отдельных аспектов в частности не теряет своей актуальности. Особый интерес у исследователей вызывают культовые объекты и священные места, с которыми связано не только возрождение некогда забытых традиций их почитания и поклонения, но и наблюдается активное включение в современную социокультурную и ритуальную практику людей.

В этом плане особого внимания заслуживает изучение территории Южного Урала, значимая часть которого располагается в современных административных границах Республики Башкортостан (далее РБ). Благодаря своему географическому положению, особенностям исторического и этнического развития регион представляет собой особую этнокультурную зону. Здесь в течение длительного периода шло формирование башкирского народа, а после присоединения башкир в середине XVI в. к Российскому государству наблюдалось активное переселение представителей разных национальных и религиозных групп. В результате происходивших в регионе этнокультурных процессов и взаимодействий здесь сформировались свои этноконфессиональные стереотипы, многие из которых связаны с сакральными объектами и культовыми местами.

На Южном Урале, богатом горными массивами, хребтами и холмистыми равнинами, важное место в религиозных воззрениях людей до настоящего времени занимает культ гор, который в разных его проявлениях и видах встречается у многих народов края. Зачастую с ним были тесно связаны обычай хоронить на возвышенностях, холмах и горных вершинах людей, следы погребений которых фиксируются в наши дни в виде археологических памятников и воспринимаются местными жителями как сакральные объекты.

Так, до начала XX в. южноуральские старообрядцы поклонялись захоронениям святых старцев, расположенным на склонах горы Юрмы (Кусинский район Челябинской области). У марицев Башкортостана, в большинстве своем являющихся последователями своей этнической религии («марицкое язычество»), до настоящего времени широко известна и почитаема вершина Шукин Курык, где по преданиям похоронен легендарный защитник марицкого народа Курык Кутыза (Калтасинский район РБ).

Среди татарского и башкирского населения Республики Башкортостан, традиционно исповедующего ислам, особым уважением пользуются горы Ауш тау (Учалинский район) и Торатау (Ишимбайский район), на которых находятся почитаемые мусульманами могилы святых — аулия (или авлия — от арабского «попечитель», «святой»). Вместе с тем, если у татар понятие «аулия» по большей части ассоциируется именно с людьми, чтимыми как святые, то в башкирской традиции, по данным А. К. Идиатуллова, оно имеет более широкое значение и зачастую под ним понимаются святые горы, источники и т. д. [Идиатуллов, 2018: 91].

В ходе многолетних экспедиционных выездов, совершенных в разные районы Южного Урала, авторами изучались горы и холмы, где фиксировались каменные курганы или выкладки, которые местное, преимущественно башкирское, население называет Эүлиә тауы (Гора Святого), Изгеләр тауы (Гора Святых). Как считают жители окрестных населенных пунктов, здесь были похоронены легендарные батыры, уважаемые и почитаемые святые аулия, на могилы которых приходят поклониться, исцелиться, попросить помощи и получить благословение. Примечательно, что и сама вершина, и захоронения на ней в восприятии людей зачастую выступали как единое сакральное пространство.

По мнению исследователей, культ святых гор — Аулия тау сформировался на Южном Урале в результате влияния ислама на местные древние традиции почитания горных вершин и возвышенностей, являвшихся местами поклонения духам-хозяевам, верховному божеству и др. В результате представления о них как сакральных местах трансформировались и были переосмыслены в мусульманские святыни, среди которых особо чтимыми стали горы с могилами святых — аулия, а сами они получили названия Аулия тау [Сулейманова, 2005: 16–18; Абсалимова, Аминев, Маннапов, Мигранова, 2019: 64; Шайхисламова, 2014: 1483], которые встречаются во многих районах Башкортостана.

На сегодняшний день такие места нередко становятся объектами религиозного туризма, активно посещаются паломниками и обычными путешественниками, а также людьми, занимающимися различными видами духовных практик, тренингов и т. д.

Ярким примером обозначенных процессов является гора под названием Аулия тау, расположенная в Кугарчинском районе РБ, на вершине которой зафиксирован целый ряд культовых объектов. Здесь были обнаружены и не встречавшиеся ранее авторами элементы — подвязанные к ветвям деревьев и железным оградкам могил куски поли-

этиленовых пакетов, обрывки сигнальных лент, оставленные посетителями детские игрушки и записки с аффирмациями — позитивными утверждения в виде коротких фраз.

Несмотря на достаточно широкую известность в регионе и за его пределами как одно из мест поклонения и паломничества, Аулия тау до настоящего времени не стала предметом специального изучения. Вместе с тем проведенные исследования формирования и развития сакральных пространств, приуроченных к отдельным горным вершинам, позволяют, с одной стороны, выявить локальные особенности этнокультурных традиций, а с другой — представить ретроспективный анализ их развития в социокультурном пространстве тех или иных регионов [Дугаров, 2005; Каратаев, 2021; Абсалямова, 2022].

Цель работы — комплексное изучение верований и религиозных практик населения Южноуральского региона, которые связаны с культом священных гор на материалах горной вершины Аулия тау.

Для достижения цели исследования были сформулированы следующие **задачи**:

- описать физическое состояния сакральной горы Аулия тау и расположенных на ней культовых объектов;
- выявить и охарактеризовать комплекс религиозных обрядов и духовных практик, осуществляемых на указанной горной вершине;
- провести ретроспективное исследование формирования сакрального пространства, приуроченного к исследуемому объекту, и определить его социокультурную значимость для местного населения, района и региона.

Источники. Методы и методология исследования

Статья написана на основе полевых материалов, собранных в ходе комплексной археолого-этнографической экспедиции, проведенной на территории Кугарчинского района Башкортостана в сентябре 2023 г.

Учитывая, что современный этап развития науки характеризуется организацией проведения исследований и анализа полученных результатов на стыке нескольких научных дисциплин, применением новейших методик и углублением теоретико-методологических основ научных изысканий, был использован синергетический подход к решению проблемы.

Во время экспедиционного выезда было осуществлено натурное археологическое исследование вершины горы Аулия тау, во время которого были осмотрены и изучены надмогильные сооружения, каменные обкладки и т. д., проводились видеосъемка, фотографирование, описание их современного состояния, отдельно отмечались признаки сакрализации.

Одновременно использовались методы этнографии — интервьюирование, опрос среди местного населения для сбора первичной информации, применялись нетнографические методы исследования — анализ фото- и видеоресурсов сети Интернет и изучение постов, объединенных тегом «Аулия тау Кугарчинский район».

Стоит отметить, что нетнография («net» — сеть и «ethnography» — этнография) как особый подход к изучению виртуального пространства, основанный на интернет-коммуникациях, был введен в научный оборот доктором Робертом В. Козинецом относительно недавно [Kozinets, 2015]. Но несмотря на то, что в России данная методика яв-

ляется инновацией, ее применение при исследованиях религиозных обрядов, паломничества, культовых и святых мест позволяет получать более полные данные [Явная, 2023].

При изучении формирования и развития сакрального пространства Аулия тау использовались системный и исторический методы. Первый позволяет рассматривать гору и расположенные на ней культовые объекты как историко-археологический и религиозно-мифологический комплекс, к которому привязана система определенных традиций и обрядов. Второй дает возможность проследить развитие структуры организации сакрального пространства Аулия тау и ее интеграцию в современную социокультурную среду Южноуральского региона.

Учитывая, что на формирование отдельных сакральных пространств влияет множество факторов, в том числе ландшафтный и природно-географический, для сопоставления изучаемого объекта с аналогичными по форме и содержанию местами поклонения мусульман было решено также использовать метод геоинформационного картографирования.

Общие сведения об объекте. Аулия тау находится между русской деревней Кузьминовка и башкирскими деревнями Ибрагимово и 1-е Тупчаново в Кугарчинском районе Республики Башкортостан (рис. 1), жители двух последних считают ее сакральным местом. У подножия горы, являющейся значимым элементом местного ландшафта, протекают реки Большой Ик и впадающие в нее Малый Ик и Каракайелга. По словам информаторов, в советские годы ее называли Берекма тау (гора, которая соединяет), а ее современное название — Аулия тау появилось относительно недавно; в то же время встречается наименование Топсан. Рядом проходит дорога, по которой туристы из с. Мраково добираются до Мурадымовского ущелья, посещая по пути следования Аулия тау.

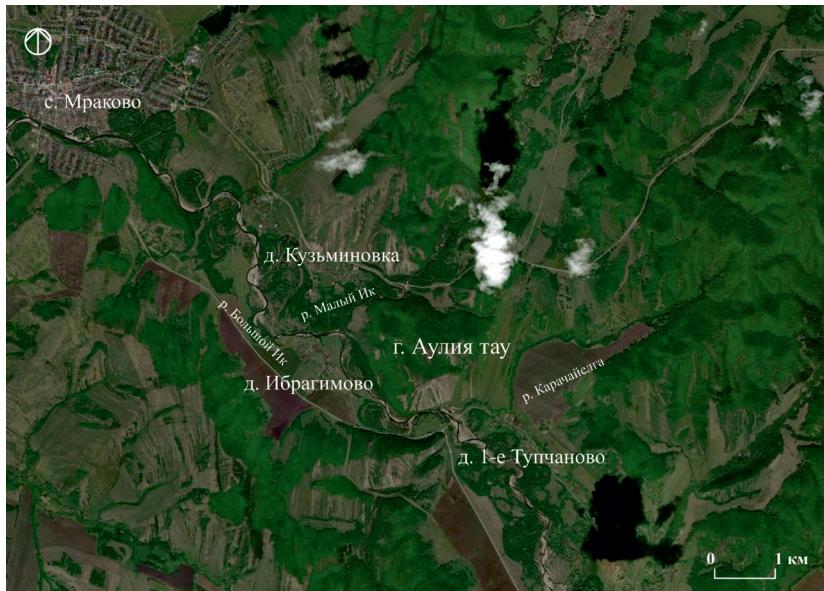

Рис. 1. Расположение горы Аулия тау

Fig. 1. The location of the Auliya Tau mountain

Несмотря на обособленное положение, куполообразная гора высотой 474 м над уровнем моря, с относительно пологими склонами, большая часть которых покрыта лесом (кроме юго-восточной стороны), на севере и северо-востоке через седловины примыкает к отрогам Уральских гор. На округлой плоской вершине, часть которой также залесена, располагаются культовые объекты, к которым ведет тропинка, начинающаяся у подножия ее восточной окраины со стороны д. 1-е Тупчаново. О степени посещаемости объекта косвенно может свидетельствовать величина заглубления тропинки, которая местами составляет до 12 см от прилегающей поверхности.

В относительно недавнем прошлом у горы был хранитель — Миннурла Галимьянович Алимгулов, житель деревни 1-е Тупчаново, умерший в декабре 2012 г., о котором в свое время был снят небольшой видеоролик (*Тайны горы Аулия*). Все знания М. Г. Алимгулов получил от своего деда, который привел его сюда, когда он был еще маленьким ребенком. Со временем он сам стал подниматься на гору с желающими посетить ее и рассказывал историю горы, учил, как совершать моления и т. д.

В то же время существует мнение, что свои знания М. Г. Алимгулов мог получить от известного религиозного деятеля, целителя Шамигулы-Хальфы (Шамигула Бадретдинович Бикбаев (1876–1957)), уроженца д. Сайткулово (Абсалям) того же района, место захоронения которого также считается как могила святого.

Культовые объекты. В составе изучаемого культового комплекса Аулия тау можно выделить два основных компонента: первый — природный (ландшафтный), включающий в себя вершину горы, второй — антропогенный (рукотворный). Последний в свою очередь можно подразделить на четыре условные группы отдельных элементов: 1) деревья, украшенные ленточками; 2) каменные выкладки; 3) деревянные конструкции; 4) могилы святых.

Все указанные объекты, которым для удобства дана сквозная нумерация отмечены на карте (рис. 2) и располагаются в предвершинной и вершинной части горы. Основная их часть приурочена к вершине Аулия тау и располагаются на площадке неправильной овальной формы, ограниченной с запада, северо-запада, севера и северо-северо-востока лесом, с юго-запада, юга и юго-востока относительно крутыми, а с востока пологими склонами.

Три объекта из первой группы — деревья с украшенными ветвями — приурочены к тропинке, ведущей от подножия горы к ее вершине. Первое из них (рис. 2.-1) расположено примерно в 300 м от точки подъема. Здесь тропа пролегает под низко склонившимся древесным стволом, конец которого практически прижимается к земле, обраzuя «арку». На его ветвях фиксируются несколько ленточек, носовых платков, обрывки сигнальной желто-черной ленты. По словам некоторых информаторов, необычно искривленный ствол является своеобразным входом в сакральное пространство горы.

Поднимаясь дальше, тропа через несколько десятков метров проходит рядом с двумя отдельно стоящими деревьями (рис. 2.-2). Здесь она пролегает под ветвями, с повязанными на них лентами, фрагментами ткани и полиэтиленовых мешочков. Далее дорожка разветвляется, одна из тропинок идет к опушке леса, на краю которого расположено еще одно дерево (рис. 2.-5), на которое подвязаны многочисленные разноцветные тканевые ленточки. Вторая тропа пролегает вблизи четырех каменных выкладок

(две в привершиной части и две непосредственно на самой вершине) и направляется к площадке, на которой находятся могилы святых.

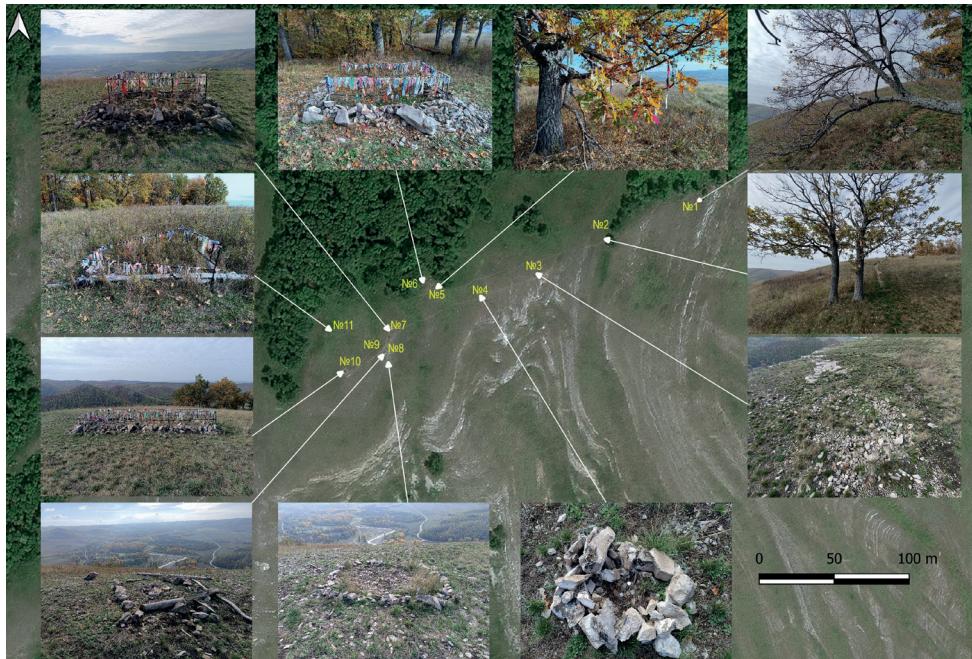

Рис. 2. План расположения культовых объектов на горе Аулия тау: 1–2, 5 – деревья с украшенными ветвями; 3–4, 8–9 – каменные выкладки; 6–7, 10–11 – могилы аулия

Fig. 2. Plan of the location of religious objects on Mount Auliatau: 1–2, 5 – trees with decorated branches; 3–4, 8–9 – stone alignments; 6–7, 10–11 – graves of Aulia

Исследование началось с объектов, расположенных вдоль тропы, ведущей к опушке леса. По пути ее следования к ней с левой стороны примыкала контурная каменная выкладка (рис. 2.-3), которая представляет собой под овальную конструкцию диаметрами 2,7 м и 3,2 м, выложенную из одного ряда мелких и средних камней с «размытыми» краями. Среди камней фиксируются монеты, все покрытые ржавчиной и патиной достоинством, 50 копеек, 1, 2 рубля с 1998 по 2012 г. выпуска.

Далее по ходу движения справа от дорожки располагается вторая контурная каменная выкладка (рис. 2.-4), выложенная из камней средних и крупных размеров (местами в два ряда), которая имеет округлую форму диаметрами 0,8 и 0,7 м. Внутри скученно лежали чистые, без окислов монеты достоинством от 50 копеек, 1, 2, 5, 10 рублей с 2005 г. по 2023 г. выпуска.

Две следующие каменные выкладки, расположенные с левой стороны от тропинки, поблизости друг от друга, размещены на вершине, ближе к юго-восточной окраине площадки.

Третий квадратный каменный набросок (рис. 2.-8) размерами 2 на 2 м, сложен из крупных булыжников и приурочен к естественному выходу скальных пород. Посе-

редине находится большой камень, вокруг которого лежат небольшие и средние фрагменты горных пород, а на его поверхности и рядом фиксируются монеты (часть из них покрыта ржавчиной) достоинством 50 копеек, 1, 2, 5, 10 рублей с 1997 г. по 2023 г. года выпуска. Также около большого камня стояла открытая поллитровая банка с медом. Рядом лежали бревно и две жерди, к концу одной из них был привязан конец пластмасового светильника с солнечной батареей.

Неподалеку, около двух матров к юго-западу, располагается четвертый квадратный каменный набросок (рис. 2.-9) размерами 2,2 на 2 метра, сложенный из крупных камней, внутри которого фиксируется силуэтная каменная выкладка в виде круга. Здесь в одном месте были обнаружены металлические предметы: сломанная женская зачокка и цепочка с бусинами; также по внутреннему периметру разбросаны монеты, как без окислов, так и со следами глубокой ржавчины достоинством 50 копеек, 1, 2, 10 рублей с 1997 по 2019 г. выпуска.

По словам информаторов, указанные конструкции ранее неоднократно перекладывались. Так, несколько лет назад на месте третьего квадратного каменного наброска (рис. 2.-8) находилась каменная выкладка диаметром около 1,5–2 м, выложенная из разных по размеру камней, внутри которой лежал тот же булыжник, а над четвертым (рис. 2.-9) была установлена конструкция из четырех жердин, украшенных многочисленными лентами. Одна из жердин стояла посередине и была обложена многочисленными камнями, а три прислонены к ней с опорой на землю и скреплены сверху лентой. По словам некоторых информаторов, в прошлом здесь находилась могила святого, огороженная деревянной оградкой, описание которой будет приведено ниже.

Также на площадке, ближе к лесу была, обнаружена конструкция из бревен и жердей, приуроченная к стволам двух высохших деревьев, одно из которых было украшено лентами, а ко второму прислонено бревно, жердина и часть железной оградки от могилы, обвязанные ленточками. Здесь же рядом на земле лежали еще две жерди и камень подтреугольной формы, на котором были размещены два небольших камня, четкотасбих с черными круглыми бусинками, несколько монет достоинством 2 рубля, одна 10-рублевая монета с 2019 по 2023 г. выпуска.

Стоит отметить, что указанный объект, очевидно, был включен в культовый комплекс позднее, возможно, представляя первоначально место складирования ненужных предметов. Тем не менее, конструкция и расположенный неподалеку от первой могилы деревянный шест, воткнутый в землю, также обвязанный лентами и даже носком, были выделены в особую группу.

Последнюю группу культовых объектов составили могилы святых.

Первая из них (рис. 2.-6) находится на краю леса, недалеко от дерева с ветвями, обвязанными ленточками. Могила выложена по периметру крупными и средними камнями в виде прямоугольника размерами 3 на 2 метра и вытянута по линия северо-запад — юго-восток. С трех сторон она огорожена металлической оградой, к которой подвязаны разной длины разноцветные ленточки, кусочки сигнальной ленты, носовые платки и др. Здесь же висели женские бижутерное украшение и браслет с бусинами, резинка-пружинка для волос. Недостающий с северо-западной стороны пролет ограды находился у конструкции из бревен и жердей. Среди камней выделяются два: один больших размеров —

более метра длиной и второй, благодаря необычному синеватому оттенку обвязанный розовой ленточкой. Повсюду фиксируются монеты достоинством 50 копеек 1, 2, 5, 10 рублей 1998–2023 гг. выпуска, большинство из которых находились внутри каменной оградки.

Вторая могила подквадратной формы 2 на 3 м, вытянутая по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток (рис. 2.-7) находится в 40 м к юго-западу от первой. Она также обложена по периметру камнями, в основном больших и средних размеров, и с четырех сторон огорожена металлической оградой. Внутри находится еще одна каменная выкладка овальной формы, по внутреннему пространству которой фиксируются монеты, в том числе со следами глубокой ржавчины достоинством 1, 2 рубля 2006–2019 гг. выпуска. Ограда, как и предыдущая, украшена многочисленными лентами, носовыми платками, полиэтиленовыми пакетами и т. д.

Здесь же была обнаружена записка с аффирмациями, т. е. написанными позитивными утверждениями в виде коротких фраз, речь о которых пойдет далее.

Третья могила (рис. 2.-10) находится примерно в 40 м к юго-западу от второй. Как и предыдущие, она обложена по периметру камнями и с четырех сторон огорожена металлической оградой, однако отличается большими размерами (3 на 5 м). Внутри каменной выкладки, ориентированной длинной осью с северо-северо-запада на юго-юго-восток, находится каменный набросок овальной формы. Повсюду фиксируются монеты достоинством 50 копеек, 1, 2, 10 рублей 1998–2019 гг. выпуска, наибольшая концентрация которых отмечается на юго-восточной половине могилы, здесь же был выявлен маленький черный камень правильной округлой формы.

Ограда украшена многочисленными лентами, носовыми платками, полиэтиленовыми пакетами и т. д. Среди камней были найдены обертки от конфет, две игрушки — денежный барашек и динозаврик, банкнота 50 рублей, а также две записка с аффирмациями.

Четвертая могила (рис. 2.-11) находится особняком и расположена на опушке леса, в зарослях кустарника и травы, в 42 м к западу от второй и в 36 м к северо-северо-западу от третьей могилы. Она обложена по периметру с трех сторон деревянной конструкцией из перекрестно уложенных бревен и досок, верхние из которых обвязаны практически добела выцветшими кусками тканей и лентами. Над ними установлена металлическая ограда, к которой привязаны относительно немногочисленные ленты из ткани, также в большинстве своем выгоревшие на солнце, и всего два фрагмента от сигнальной ленты. В отличие от остальных эта могила производит впечатление заброшенности: металлическое ограждение сломано, на досках фиксируется всего несколько монет достоинством 2, 5 и 10 рублей, одна 1997 г., остальные с 2007 по 2022 г. выпуска.

Согласно распространенной среди местного населения легенде на горе захоронены один из башкирских вождей и члены его семьи, оказавшие ожесточенное сопротивление татаро-монголам, пытавшимся завоевать башкирские земли — дедушка, бабушка, их невестка и ребенок. Монгольский военноначальник в назидании и устрашении остальным повелел не хоронить умерших в земле, пообещав жестокой расправой в случае нарушения данного приказа.

После отъезда врагов оставшиеся в живых башкиры решили, что если умерших нельзя хоронить на ровной земле, то это можно сделать на вершине горы. Проходили годы, и со временем люди стали замечать, что в праздники Ураза и Курбан-байрам на горе, где

находились могилы, стали появляться огни, которые в народе связывали с благословлением Аллаха. Постепенно среди населения утвердилось мнение, что вершина горы является святым местом и обладает чудодейственной силой, которая помогает очиститься от грехов и излечиться от различных заболеваний. Сюда начали приходить люди не только с окрестных сел и деревень, но и потянулись паломники со всего Башкортостана, а затем с прилегающих регионов России и из других стран — Казахстана, Египта и т. д.

Религиозные обряды и духовные практики

Зафиксированные на Аулия тау традиции повязывания разных по форме, цвету и размеру лоскутков материй, ленточек к ограждениям могил святых, ветвям растущих неподалеку деревьев или на шесты, оставлять монеты, украшения в качестве жертвоприношений, складывать кучи и пирамиды из камней на вершинах гор и подобные, отмеченные также во многих районах Башкортостана, имеют глубокие корни и являются проявлением оролатрии — почитания гор [Гарустович, 2011].

Многие паломники повязывают ленточки и кусочки тканей в знак покаяния и просьбы исполнить их желания. Вместе с тем на горе впервые авторами были зафиксированы привязанные обрывки сигнальной желто-черной ленты, полиэтиленовых пакетов. По словам информаторов, эта традиция появилась относительно недавно, ввели ее туристы, которые направляясь в Природный парк «Мурадымовское ущелье», посещают Аулия тау.

По данным, размещенным в разные годы на Официальном портале Республики Башкортостан, указанный парк посетило в 2018 г. 17,5 тыс. чел., в 2019 г. — 20,2 тыс. чел., в 2020 г. — 26,5 тыс. чел., в 2021 г. — 32,3 чел., в 2022 г. — 46,8 тыс. чел и в 2023 г. — около 48,0 тыс. чел. [Официальный портал].

Стоит отметить, что местные жители бурно реагируют на рост популярности объекта, и многие высказывают недовольство поведением туристов, число которых растет из года в год. По их мнению, они засоряют святую гору, оставляя после себя мусор. Часть мусульманского населения высказывает мнение, что в целом посещать могилы людей, пусть даже святых, и просить о чем-то умерших, это грех — ширк (многобожие, язычество), поэтому его стоит остановить.

По существующей у местного населения традиции каждый, кто восходит на гору, несет с собой камень как символ своих прегрешений (чем тяжелее грех, тем он больше). Поднятые каменные валуны и их обломки паломники складывают на указанные могилы или каменные наброски и молятся погребенным здесь святым. Некоторые из них совершают обход вокруг могил.

Также в ходе обследования были отмечены новые, не встречавшиеся ранее на других сакральных объектах Башкортостана, оставленные кем-то из паломников и туристов игрушки и записки с аффирмациями — позитивно сформулированными фразами-утверждениями, работающими как самовнушение с целью изменения привычного образа мыслей и формирования будущего, к которому хочется прийти.

Понятие аффирмации появилось в западной культуре в первой половине XX в. в рамках учений, которые можно обозначить термином «самопомощь» (self-help, self-improvement, selfguided improvement). В России эта идея известна благодаря книгам американской писательницы Луизы Хей — одной из популяризаторов практики аф-

фирмаций. Работы и наработки в области «самопомощи» широко применяются в популярной психологии (нейролингвистическое программирование, гипноз, ассоциативный прайминг и т. п.), в мистических философских направлениях (Новая Мысль, Нью Эйдж) и т. д. [Шелестюк, Галущак, 2019: 110–111].

Всего было обнаружено три таких записи (одна из них плохо сохранилась), оставленных женщинами среди камней на второй (одна записка) и третьей (две записи) могилах. Все они написаны на русском языке и в соответствии с проективными утверждениями в настоящем времени: все авторы утверждают, что они успешны, здоровы, работают на любимой (комфортной) работе, являются обладательницами собственных квартир, имеют возможность путешествовать и т. д. В целом, основное их содержание показывает, что авторы на первый план ставят материальные блага и внутренний комфорт, семейное благополучие и т. д. Разумеется, их малое количество не позволяет делать расширенные выводы, но несомненно свидетельствует, что в подобном ракурсе своего существования культ священной горы интегрируется в современную социокультурную среду.

Стоит отметить, что аналогичные процессы — включение горных вершин, с расположенным на них могилами святых — в ритуальную практику представителями новых религиозных движений и направлений фиксировалось авторами во многих районах РБ и прилегающих регионах.

Формирование и развитие сакрального пространства

Объективных данных о начале формирования Аулия тау как места религиозного поклонения практически нет. Во избежание конфликтных ситуаций с местным населением в ходе исследований горы было решено провести археологическую разведку без заложения шурпов и зачистки обнажений. Однако учитывая, что на многих горных вершинах Южного Урала — Курмантау (Гафурийский район), Торатау (Ишимбайский район), Ауш тау (Учалинский район) и других мест Республики Башкортостан были выявлены археологические материалы эпохи раннего железного века и Средневековья, свидетельствующие о проявлении культа гор [Верования и культуры, 2022: 375–380]. С большой долей вероятности можно говорить о том, что в древности Аулия тау занимала важное место в религиозных представлениях местного населения.

По мере проникновения ислама на Южный Урал языческие верования и обряды начинают модифицироваться. В башкирской традиции олоратрия, тесно связанная с культом предков (проявлением которого было сооружение погребальных комплексов на горных вершинах), постепенно трансформировалась в культ святых гор [Верования и культуры, 2022: 391–394]. Очевидно, данные процессы затронули и изучаемую гору, о чем косвенно свидетельствует вышеуказанная легенда, связанная с монголами.

Учитывая доминирующее положение Аули тау в округе и то обстоятельство что в прошлом каждое родовое подразделение башкир имело на своей территории священную гору [Ширгазин, 2010], с большей долей вероятности можно утверждать, что к началу XX в. вершина занимала важное место в сакральной топографии жителей деревень Ибрагимово и 1-е Тупчаново.

В советские годы, несмотря на то, что местные жители поднимались на гору для празднования Первого мая (Праздник Весны и Труда) и Девятого мая (День Победы), в народном сознании Аулия тау имела культовое значение.

Во время личной беседы с филологом, уроженцем Кугарчинского района А. Г. Салиховым, была получена информация, что на вершину Аулия тау для молитвы незадолго до своей смерти поднимался известный религиозный деятель Шамигул Хальфа, который ушел из жизни в 1957 г. Об этом А. Г. Салихову сообщили информаторы, отметившие, что поскольку в силу возраста Шамигуле Хальфе самому было тяжело подниматься на вершину, его донесли на тележке несколько бабушек, которые благодаря чудесной силе старца не ощутили никакой тяжести. По сведениям исследователя З. Г. Аминева, посетившего Аулия тау в 1989 г., было отмечено, что на могилу святого приезжали молиться люди из Кугарчинского и других близлежащих районов.

Происходившие на рубеже XX–XXI вв. в России и Башкортостане процессы национально-культурного возрождения и реисламизации привели к повсеместному увеличению интереса людей к традиционным верованиям, сакральным и святым местам и т. д.

На фоне указанных событий возросло внимание и к Аулия тау. Очевидно, важную роль в этом сыграл и хранитель горы М. Г. Алимгулов, который не просто сопровождал приезжающих на гору, но и рассказывал связанные с ней предания и легенды, способствуя популяризации этого места.

По сведениям З. Г. Аминева, на рубеже XX–XXI вв. на вершине горы находилась лишь одна могила, к ней приходили паломники, которые читали молитвы из Корана, приносили различные жертвы в виде лоскутов тканей, монет, а рядом с могилой оставляли камни. В результате чего неподалеку возник каменный холм [Аминев, 2008: 10–11]. По-видимому, он послужил основой для формирования второй могилы Аулия, поскольку, по данным А. Г. Салихова, в 2008 г. им было зафиксировано уже две могилы.

Скорее всего, в течение нескольких лет количество могил возросло до трех. Так, на видеосъемке, размещенной на сайте Отдела культуры Кугарчинского района, датируемой ноябрем 2013 г., запечатлены первая и вторая могилы; кроме того, где нами были зафиксированы каменные выкладки 3–4, была расположена еще одна могила, рядом с которой находилась скамейка. Все они были огорожены деревянными оградками из бревен и жердей, которые обвязывались лентами и кусками ткани [Тайны горы Аулия].

По словам информаторов, к началу 2020-х гг. появилась последняя — самая большая по размерам могила, что подтверждается и фотографиями, выложенными в Интернет [Святая гора Аулия находится]. Тогда же по инициативе одного из жителей деревни 1-е Тупчаново вместо деревянных были установлены железные ограждения.

Что касается упомянутого выше надмогильного сооружения над нынешними третьей и четвертой каменными кладками, то после того, как здесь было демонтировано деревянное ограждение, вместо него поставили железное. Однако через некоторое время демонтированная ограда была перемещена на другое место, которое было отмечено нами как могила № 4.

В результате изучения места расположения горы и оградок по спутниковым снимкам и топографическим картам было обращено внимание на особенность их расположения. Так, например, три оградки были практически ровно вытянуты по линии северо-восток — юго-запад. Возможно, их пытались сориентировать их по направлению к Каабе. Гору с юга и запада огибает река Большой Ик, с севера — река Малый Ик, которая у северо-западной подошвы горы впадает в Большой Ик, а по восточной подошве

горы протекает речка Карабаелга. Обращает на себя внимание открывающийся с ограждок обзорный вид на прилегающие окрестности. В связи с этим было принято решение, применяя геоинформационные методы и используя ресурс «HeyWhatsThat», определить основные направления зоны видимости с горы Аулия Тау и сравнить ее с показателями, полученными с других известных мусульманских сакральных мест — священных гор Ауш тау и Нарыс тау, а также мавзолеев Турахана, Хусейнбека и Бэндэбике.

Для реализации вышеуказанной задачи использовалась одна из функций ресурса «HeyWhatsThat» (визуализация видимости), позволяющая отобразить все участки, которые видны с определенной точки на возвышенности или вершины на 360 градусов вокруг. Система не только автоматически выявляет зоны видимости, но и отмечает их на карте красным цветом, позволяя таким образом определить территорию, которую может увидеть человек, находясь на указанном месте.

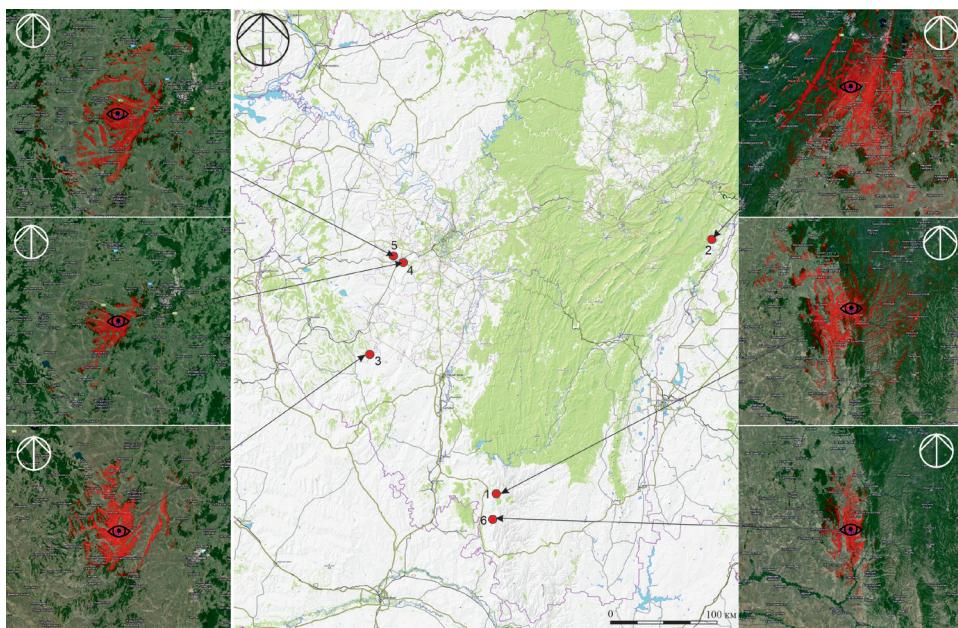

Рис. 3. Основные направления зон видимости с культовых объектов: 1 – гора Аулия тау; 2 – гора Ауш тау; 3 – гора Нарыс тау; 4 – мавзолей Хусайн-Бека; 5 – Мавзолей Турахана; 6 – Мавзолей Бэндебике

Fig. 3. The main directions of visibility zones from cult objects are: 1) Auliya Tau mountain, 2) Aush Tau mountain, 3) Narys Tau mountain, 4) Khusain-Bek mausoleum, 5) Turakhan mausoleum, and 6) Bendebike mausoleum

Гора Аулия Тау (высота 474 м.). С вершины горы открываются зрелищные панорамные виды на окрестности горы, особенно в юго-восточном направлении в сторону Мурадымовского ущелья, которое посещает большое количество туристов. С точки расположения могил область наибольшей видимости имеет юго-западную и южную направленность (рис. 3.-1).

Гора Ауш тау (высота 645 м) расположена в Учалинском районе РБ. С каменной выкладки, расположенной на вершине, просматривается вся прилегающая округа, однако область наибольшей видимости имеет южную направленность (рис. 3.-2).

Гора Нарыс тау (высота 200 м) находится в Миякинском районе. С могилы святых так же, как и в предыдущих случаях, видна вся окрестность, а выявленная системой зона видимости практически равномерно распределена вокруг горной вершины (рис. 3.-3).

Мавзолей Хусаин-Бека (высота 111 м) находится в Чишминском районе. Выявленная от объекта зона видимости ориентирована длинной осью по линии северо-восток — юго-запад и имеет подтреугольную форму. Внешняя сторона треугольника достаточно сильно выходит в юго-западном направлении (рис. 3.-4).

Мавзолей Турахана также размещается в Чишминском районе (высота 189 м). С точки расположения мавзолея область наибольшей видимости имеет преимущественно южную направленность (рис. 3.-5).

Мавзолей Бэндебике, как и гора Аулия тау, располагается в Кутарчинском районе (высота 214 м). Зона наибольшей видимости с точки расположения мавзолея вытянута по линии север-юг, т. е. имеет северную и южную направленность (рис. 3.-6).

Таким образом, сравнив зоны видимости с горы Аулия Тау с других наиболее значимых мусульманских святынь региона, мы установили, что несмотря на их различия между собой и достаточно удаленное друг от друга месторасположение, объединяющим фактором для них является обязательно панорамный вид на прилегающие окрестности и наличие зоны наибольшей видимости в южном направлении, возможно, в сторону, где находится Кааба.

Заключение

Проведенное исследование показало, что Аулия тау представляет собой сложный культовый комплекс, состоящий из двух основных компонентов — природного (ландшафтного), включающего в себя вершину горы, и антропогенного (рукотворного), представленного культовыми объектами — могилами святых, каменными выкладками, деревянными конструкциями и деревьями с повязанными ленточками.

Комплексное изучение верований и религиозных практик, приуроченных к Аулия тау, позволяет выделить три основных пласта религиозных и культурных стереотипов: доисламский, связанный с олоратрией, мусульманский, ассоциирующийся с почитанием мусульманских святынь, и современный, представленный психолого-экзотерическим направлением духовных практик.

Анализ имеющихся источников и литературы позволяет предположить, что Аулия тау выступала в качестве сакрального объекта для проживавшего в данной местности населения, по крайней мере, с эпохи Средневековья. Приуроченные к ней верования и религиозные практики представляют собой смешение двух культов — культа горы и культа святых, которые, являясь реликтами более древних верований, взаимно влияя друг на друга и трансформируясь, успешно интегрировались в современную социокультурную среду.

Полученные в ходе исследования данные в общем коррелируются с результатами проведенных археологических, этнографических и лингвистических исследований, связанных с изучением оролатрии на Южном Урале в целом и отдельных горных вершин в частности. В совокупности они позволяют выявить схожие закономерности и тенден-

ции формирования и развития сакральных пространств, приуроченных к горам, которые к настоящему времени стали не только частью общемусульманской, паломнической и туристической культуры Южноуральского региона, но и зачастую включаются в ритуальную практику новых религиозных движений, а также посещаются людьми, занимающимися экзотерикой, популярной психологией и т. д.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Сакрализация археологических памятников как феномен духовной жизни современного населения Южного Урала» (проект № 23–28–01674).

Acknowledgements and funding

The article was prepared with the financial support of the RNF grant «The sacralization of archaeological monuments as a phenomenon of the spiritual life of the modern population of the Southern Urals» (project No 23–28–01674).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абсалямова Ю. А. Гора Иремель в сакральной топографии башкир // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 15–23.

Абсалямова Ю. А., Аминев З. Г., Маннапов М. М., Мигранова Э. В. Ландшафт в картине мира башкир. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2019. 128 с.

Аминев З. Г. О поклонении башкирами-мусульманами могилам святых (әүлиә) // Зайнулла Расулов — выдающийся башкирский мыслитель — философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира: материалы Международной научно-практической конференции. Уфа : РИЦ БГУ, 2008. С. 10–15.

Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала // Археология и этнография Башкортостана. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. Т. VI. 478 с.

Гарустович Г. Н. Проявления оролатрии у башкир в этнографическом и археологическом контекстах // Духовная культура народов России: материалы заочной Всероссийской научной конференции, приуроченной 75-летию докт. филол. наук Ф. А. Надыршиной. Уфа : Гилем, 2011. С. 401–408.

Дугаров Б. С. Культ горы Хормуста в Бурятии // Этнографическое обозрение 2005. № 4. С. 103–110.

Идиатуллов А. К. «Священные» объекты татар и башкир среднего Поволжья и Приуралья // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 52. С. 89–94.

Каратаев О. Ещё раз о сакральной местности Ötüken: история вопроса и современная интерпретация // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 1. С. 37–62.

Официальный портал Республики Башкортостан. URL: <https://www.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).

Святая гора Аулия находится в сторону Мурадымово у подножия д. Тулчанова. URL: <https://interesnoe.me/source-30988252/post-1933550> (дата обращения: 09.01.2024).

Сулейманова М. Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа : РИО БашГУ, 2005. 146 с.

Тайны горы Аулия (видеоролик). URL: http://kugkultura.ru/publ/arkhiv_peredach/sobytiya_i_ljudi/tajny_gory_aulija/13-1-0-152 (дата обращения: 10.01.2024).

Шелестюк Е. В., Галущак М. В. Особенности аффирмаций как способа речевого воздействия // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1(52). С. 110–116.

Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1480–1488.

Ширгазин А. Р. Расселение башкир в пределах родовых ареалов // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 169–184.

Явная Т. А. Применение методов нетнографии при изучении паломников-мусульман и посетителей святых мест Республики Башкортостан // Исторический поиск. 2023. Т. 4, № 4. С. 105–112.

Kozinets R. V. Netnography // The International Encyclopedia of Digital Communication and Society. 2015. P. 1–8 (in English).

REFERENCES

Absalyamova Yu. A., Aminev Z. G., Mannapov M. M., Migranova E. V. *Landshaft v kartine mira bashkir* [The landscape in the picture of the Bashkir world]. Ufa: IIYaL UFIC RAN, 2019, 128 p. (in Russian).

Absalyamova Yu. A. Gora Iremel' v sakral'noj topografi bashkir [Mount Iremel in the sacred topography of Bashkir]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]. 2022, vol. 28, no. 4. P. 15–23 (in Russian).

Aminev Z. G. O poklonenii bashkirami-musul'manami mogilam svyatyh (әүлиә) [On the worship of the Bashkir Muslims to the graves of saints (aulia)]. *Zajnulla Rasulev — vydayushchijsha bashkirskij myslitel'* — filosof, teolog i pedagog-prosvetitel' musul'manskogo mira: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Zainulla Rasulev — an outstanding Bashkir thinker, philosopher, theologian and educator of the Muslim world: materials of the international scientific and practical conference]. Ufa: RIC BGU, 2008. P. 10–15 (in Russian).

Verovaniya i kul'ty drevnego i srednevekovogo naseleniya Yuzhnogo Urala. Arheologiya i etnografiya Bashkortostana [Beliefs and cults of the ancient and medieval population of the Southern Urals. Archeology and Ethnography of Bashkortostan]. Ufa: IIYaL UFIC RAN, 2022, vol. VI, 478 p. (in Russian).

Garustovich G. N. Proyavleniya orolatrii u bashkir v etnograficheskem i arheologicheskem kontekstah [Manifestations of orolatry among the Bashkirs in ethnographic and archaeological contexts]. *Duhovnaya kul'tura narodov Rossii: materialy zaochnoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, priurochennoj 75-letiyu dokt. filol. nauk F. A. Nadyrshinoj* [Spiritual culture of the peoples of Russia: materials of the correspondence All-Russian scientific conference dedicated to the 75th anniversary of Dr. Philol. Sciences F. A. Nadyrshina]. Ufa: Gilem, 2011. P. 401–408 (in Russian).

Dugarov B. S. Kul't gory Hormusta v Buryatii [Cult of Mount Hormusta in Buryatia]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2005, no. 4. P. 103–110 (in Russian).

Idiatullova A. K. «Svyashchennye» ob'ekty tatar i bashkir srednego Povolzh'ya i Priural'ya [Sacred objects of the Tatars and Bashkirs of the Middle Volga region and the Urals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorya* [Tomsk state university journal of History]. 2018, no. 52. P. 89–94 (in Russian).

Karataev O. Eshchyo raz o sakral'noj mestnosti Ötüken: istoriya voprosa i sovremenennaya interpretaciya [Once again about the sacred area Ötüken: history of the issue and modern interpretation]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2021, vol. 26, no. 1. P. 37–62 (in Russian).

Oficial'nyj portal Respubliki Bashkortostan [Official portal of the Republic of Bashkortostan]. Available at: <https://www.bashkortostan.ru/> (accessed: January 10, 2024) (in Russian).

Sulejmanova M. N. *Doislamskie verovaniya i obryady bashkir* [Pre-Islamic beliefs and rituals of Bashkirs]. Ufa: RIO BashGU, 2005, 146 p. (in Russian).

Svyataya gora Auliya nahoditsya v storonu Muradymovo u podnozhiya d. Tulchanova [The holy mountain Aulia is located towards Muradymovo at the foot of Tulchanov village]. Available at: <https://interesnoe.me/source-30988252/post-1933550> (accessed January 9, 2024) (in Russian).

Tajny gory Auliya (videorolik) [Secrets of Mount Aulia (video clip)]. Available at: http://kugkultura.ru/publ/arkhiv_peredach/sobytiya_i_ljudi/tajny_gory_aulija/13-1-0-152 (accessed January 4, 2024) (in Russian).

Shelestyuk E. V., Galushchak M. V. Osobennosti affirmacij kak sposoba rechevogo vozdejstviya [Features of affirmations as a method of speech influence]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University]. 2019, no. 4. (52). P. 110–116 (in Russian).

Shajhislamova Z. F. Nekotorye aspekty etnolingvisticheskoy interpretacii leksicheskikh edinic tau, tash v bashkirskom yazyke [Some aspects of the ethnolinguistic interpretation of the lexical units mountain, stone in the Bashkir language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2014, vol. 19, no. 4. P. 1480–1488 (in Russian).

Shirgazin A. R. Rasselenie bashkir v predelah rodovyh arealov [Settlement of the Bashkirs within their ancestral areas]. *Kul'turnoe nasledie Yuzhnogo Urala kak innovacionnyj resurs: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Prirodnoe i kul'turnoe nasledie Yuzhnogo Urala kak innovacionnyj resurs»* [Cultural heritage of the Southern Urals as an innovative resource: materials of the All-Russian scientific and practical conference «Natural and cultural heritage of the Southern Urals as an innovative resource»]. Ufa: IIYaL UFIC RAN, 2010. P. 401–408 (in Russian.).

Yavnaya T. A. Primenenie metodov netnografii pri izuchenii palomnikov-musul'man i posetiteley svyatyh mest Respubliki Bashkortostan [Application of netnography methods in the study of Muslim pilgrims and visitors to holy places of the Republic of Bashkortostan]. *Istoricheskij poisk* [Historical Search]. 2022, vol. 4, no. 4. P. 105–112 (in Russian).

Kozinets R. V. Netnography. *The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. 2015. P. 1–8 (in English).

Статья поступила в редакцию: 29.02.2024

Принята к публикации: 20.08.2024

Дата публикации: 30.09.2024

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редакцию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

1. SCOPUS	12. Socionet
2. ERIN PLUS	13. Scholarsteer
3. EBSCO	14. World Catalogue of Scientific Journals
4. E-Library.ru	15. Scilit
5. CyberLeninka	16. Journals for Free
6. OAIsters	17. Journal TOC
7. ROAR	18. OAster
8. ROARMAP	19. OCLC-WorldCat
9. OpenAIRE	20. Socolar
10. BASE	21. JURN
11. ResearchBIB	22. JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

1. Археология и этнокультурная история
2. Этнология и национальная политика
3. Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
4. Информация о конференциях
5. Персоналии

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail, индивидуальный номер ORCID). Стандартный объем статьи — 30–60 тыс. знаков без пробелов (т. е. 0,75–1,5 печ. л.), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями рисунков на русском и английском языках. К статье обязательно прикладывается полный список используемых работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Машинный (компьютерный перевод) не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований.

Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: Введение, Тематические блоки (от 1 до 5 блоков), Заключение.

Благодарности указываются после текста статьи отдельным тематическим блоком с переводом на английский язык.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика

исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культуры, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov

*Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of

this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Keywords: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical sciences, Professor, Leading Researcher of the Sector of Religion of the East of the Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow (Russia).
Contact address: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Введение

Тематические разделы (от 1 до 5)

Заключение.

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект № 07-01-00842а.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences "Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and man-made transformations", project No. 07-01-00842a.

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Ива-

нов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в **алфавитном порядке**, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьянцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык.

Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, ѹ — ѵ, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, ѩ — shch, ъ — ’, ѹ — ѵ, ѿ — ѵ, ѿ — ѵ.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (*Scopus* и *Web of Science*).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается **перевод названия источника на английском языке**. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то **перевод дается как статье, так и журналу/сборнику** откуда она была взята. Перевод следует расположить в [квадратных скобках]. Курсивом в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала или сборника статей*.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”:

www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) Примеры оформление литературы и архивных материалов:

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'ianskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностранный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 дп. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Дациковскому Петру Константиновичу.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024. Том 29, № 3

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 24.09.2024.
Выход в свет 30.09.2024.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 17,1. Тираж 300 экз. Заказ 520.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66